

АЛИСА КОВАЛЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Его
НЕВИННАЯ
ДОБЫЧА

Алиса Ковалевская

Его невинная добыча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67301646

SelfPub; 2022

Аннотация

Я – пленница в закрытом пансионате для девочек. Моя жизнь предрешена и расписана. С юности я знала, что по достижении восемнадцати лет должна стать женой человека, имя которого вызывает у окружающих уважение и страх. Моё согласие ни к чему, ведь ему принадлежит не только пансионат, но и все его воспитанницы. В том числе и я.

Идти против его воли никто не осмеливался. Я стала первой.

Продираясь сквозь лесную чащу в попытке спастись от пушенной по моему следу погони, я и не предполагала, что за высоким забором меня ожидает настоящая жизнь. Что за пределами пансионата я найду не только саму себя, узнаю кто я, но и встречу настоящую любовь. Вот только что, если мужчина, которого выбрала я, намного хуже того, от которого я сбежала?..

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	96
Глава 10	108
Глава 11	120
Глава 12	131
Глава 13	142
Глава 14	155
Глава 15	168
Глава 16	177
Глава 17	197
Глава 18	206
Глава 19	214
Глава 20	224

Алиса Ковалевская

Его невинная добыча

Глава 1

Ева

Мягкая влажная земля под ногами сменилась твёрдым асфальтом, дождь хлестанул по щекам, резкий свет фар резанул глаза.

– Стойте! – бросилась я наперерез машине прямо на дорогу. – Стойте!

Шум воды глушил срывающийся голос, мокрые волосы липли к щекам, к плечам. В стопы впивались мелкие ветки и камни. Свет окутал меня, ударил в глаза так сильно, что я, едва успев отпрянуть в сторону, прикрыла лицо рукой. Грязь у обочины была вязкой, холодной, и я, поскользнувшись, едва не скатилась обратно, к темнеющей за спиной стене леса.

Смотрела на пронёсшийся мимо огромный автомобиль, едва сдерживая рвущиеся наружу рыдания.

– Стойте... – пробежала несколько метров, глядя на удаляющиеся габаритные огни, и встала как вкопанная.

Шуршание растворялось вдали, дождь всё так же бил по голым плечам. Громкий, резкий крик птицы заставил меня вздрогнуть.

Оглянувшись, я всмотрелась в темень у себя за спиной и сглотнула, боясь увидеть наверняка уже посланных за мной людей.

Внезапно вдали раздался визг, какой-то странный, незнакомый мне звук и...

Только что пронёсшаяся мимо машина резко сдала назад. Я попятилась, едва сдерживая желание снова кинуться в лес. Но там...

– Пожалуйста... – стоило водителю открыть дверь, закричала я. – Пожалуйста, подвезите меня. Я...

Прямо над нами в чернеющем небе появился яркий зигзаг молнии. Вспышкой он отразился в глазах смотрящего на меня незнакомца, а последующий за ним грохот смешался со звуком его тихого, рокошущего голоса:

– Садись, – только и сказал он, осмотрев с ног до головы.

Не думая, я нырнула на сиденье.

Не автобус и не одна из тех машин, на которых ездили люди Призрака. Люди Призрака и он сам.

– Спасибо, – я было потянулась, чтобы захлопнуть дверцу.

Едва успела сделать это, машина сорвалась с места. Посмотрела на водителя, но тот ответным взглядом меня не удостоил.

– Спасибо, – повторила чуть громче.

– Если я тебе не ответил, – жёстко и в то же время очень сдержанно сказал он, – это не значит, что я тебя не услышал.

Руки покрылись мурашками. Можно было списать всё на

холод, но я знала – это тут ни причём. Звук его голоса...

Почти беззвучно извинившись, я поднесла ладони к печке и тут же отдернула руки. Кровь... Под ногтями, между пальцами... Бросила взгляд на сидящего за рулём мужчину, но он, кажется, ничего не заметил.

– Меня Ева зовут, – сказала настороженно, пряча ладони между коленок.

Тонкое намокшее платье облепило грудь, бёдра, с волос ручьями стекала вода.

В небе опять громыхнуло. Мужчина, медленно повернувшись, осмотрел меня. Лениво, неспешно. Задержался взглядом на мокрой шее, на груди. Внезапно мне стало неуютно, даже страшно, захотелось прикрыться. Что, если он решит воспользоваться мной? Такое ведь бывает. Наставница говорила мне, что бывает...

– Простите, – тихо сказала я, сама не до конца понимая, за что именно прошу прощения.

Ничего не сказав, он сильнее вдавил педаль. Я видела выхваченную светом фар дорогу, темнеющие стволы у обочины и черноту впереди.

Аккуратно повернувшись, стала разглядывать незнакомца. Лицо его покрывала тёмная щетина, несколько прядей чёрных, как вороново крыло волос, падало на лоб, твёрдый, волевой подбородок выдавал характер. В чертах его лица – немного острых, резковатых, прослеживалось сходство с хищной птицей. Поджарый, жилистый...

– И долго ты будешь меня рассматривать? – внезапно спросил он, резанув взглядом.

– Простите, – ступевавшись, снова выдавила я, чувствуя, как от неожиданности сердце подскочило к горлу.

Слева мелькнула какая-то вывеска, впереди показались огоньки. Мужчина сбросил скорость, и я тут же встревожилась. Не прошло и минуты, как мы въехали на площадку перед небольшой постройкой.

– Двадцать четыре часа, – прочитала я вслух и с непониманием посмотрела на мужчину. – Двадцать четыре часа? – спросила, не представляя, что это может быть.

Несколько секунд он пристально разглядывал меня. В неярком свете черты его лица вырисовывались причудливо, непонятно. Дождь хлестал в лобовое стекло, пеленой закрывая всё вокруг, и от этого казалось, что мы с ним находимся под куполом.

– Что значит двадцать четыре часа? – снова спросила я, чувствуя странную неловкость.

– Это значит, что здесь открыто круглосуточно, – внезапно он взял меня за подбородок и заставил приподнять голову, большим пальцем неспешно провёл по скуле. – Ты откуда такая?

Я обмерла. Смотрела в его тёмные глаза и не знала, что ответить. Сказать правду? Дыхание с шумом вырвалось у меня из груди.

– Не надо, – тихо попросила я, пытаюсь освободиться.

– Что не надо? – он не отпуская. Уголок его рта едва заметно дёрнулся, стоило мне попытаться отодвинуться от него.

Долго он рассматривал меня, не говоря ни слова. Так пристально, как будто оценивал, взвешивал что-то. Лицо его было непроницаемым, глаза такими же тёмными, как небо над нами.

– Такая мне и была нужна, Ева, – тихо сказал он наконец. У меня мурашки побежали вдоль позвоночника, так вкрадчиво, убаюкивающе и в то же время предостерегающе прозвучал его голос. – Е-ва... – повторил он, чуть растягивая моё имя.

Отпустив, открыл бардачок. На колени мне упала пачка бумажных платков.

– Дрянная погода... – процедил он, достав бутылку, на дне которой не было и глотка. Подал мне, но я даже не прикоснулась к ней.

Заметила ствол большого пистолета, такого же, как были у людей, обычно сопровождавших Призрака. Вдоль позвоночника опять побежали мурашки.

– Ну что, Ева? – он коснулся моей коленки.

Прилипший подол пополз вверх по бедру, и я тут же сдвинула ноги.

– Нет, – отпрянула к двери.

– Нет? – переспросил он, равнодушно глядя на меня, и я замотала головой.

Губы его искривила жёсткая усмешка. Вспышка молнии

отразилась в зрачках.

Пальцы впились в кожу, с нажимом он провёл по моей ноге едва ли не до самых трусиков и, убрав руку, встал. Я выдохнула. Мысли в голове смешались, сердце зашлось га-лопом. Только теперь я заметила дверцу, что была позади.

– Подойди ко мне, – резко открыв её, приказал незнако-мец. Я не шелохнулась. Рассматривала темнеющий проём, не зная, что скрывается там, внутри. – Разве ты не слышала, что я сказал? – неожиданно он взял меня за ворот платья и буквально сдёрнул с сиденья.

Только теперь я поняла, насколько он сильный – одно-го рывка хватило, чтобы я впечаталась ему в грудь. Разжал пальцы, выпустив ткань, и я, пошатнувшись, инстинктивно схватилась за его плечо. Тут же попыталась отпрянуть, но он не позволил.

– «Нет» будешь говорить кому-нибудь другому, – очень тихо сказал он, а после так же резко толкнул к дверце.

Пространство вокруг озарил свет, и я увидела... комнату. Дом на колесах... Автодом – вот что это было такое.

В следующую секунду я оказалась прижатой к стене. По-чувствовала исходящий от мужчины слабый запах алкоголя, его прикосновения к своему бедру. На лице его по-прежнему не отражалось ничего – ни интереса, ни каких-либо других эмоций, в глазах – безразличие. Только ладонь... Ленивые, как будто неохотные касания.

– Нет, – процедила, пихая его изо всех сил, но он не от-

ставал.

Тут же мне вспомнились другие прикосновения, другой взгляд, и меня накрыло волной отвращения. Запах... Совсем другой запах. Этот и тот, что был раньше. Но... Но это было тем же. Только Призрак ни разу не дошёл до конца. Но этот мужчина... На что он способен?

– Да или нет – решаю только я, – сказал он, не позволяя мне уйти. Ладонь так и лежала на моём бедре, на влажном подоле, но поднять его он больше не пытался.

Взгляды наши встретились, и на миг я почувствовала что-то. Что-то, от чего мне стало ясно – он не шутит. Право выбора принадлежит ему. Не только сейчас – всегда.

Из последних сил я толкнула его, отшатнулась в угол и, тяжело дыша, повторила:

– Нет.

– Ты мне нравишься всё больше, – внезапно сказал он. – Не выношу женщин, которых можно взять легко.

– А разве ты не это хотел сейчас сделать? – место на бедре, где лежала его ладонь, горело так, как будто он оставил клеймо. Хотелось одёрнуть платье, закрыться от него.

– Если бы я хотел взять тебя, я бы сделал это, – верхняя губа его слегка дрогнула. – Всё, чего я хотел – проверить, что ты такое и на что готова пойти. Значит, Ева. Будем знакомы. Меня зовут Руслан.

Он так и стоял, расставив ноги на ширину плеч и, задумавшись о чём-то, в упор рассматривал меня. Почему-то мне

казалось, что от взгляда его не ускользает ни одна мелочь: ноги мои были перепачканы грязью, к икрам прилипли травинки. И руки... Я снова попыталась спрятать ладони, но это только привлекло его внимание.

– Что там у тебя? – мигом впившись острым ястребиным взглядом, спросил он.

– Ничего, – поспешно ответила я.

В голосе появились сиплые нотки – так всегда бывало, когда я волновалась. От него это не укрылось.

Подошёл. Бесшумно, как будто ноги его не касались пола.

– Что там у тебя? – повторил очень тихо, вкрадчиво.

Внутри у меня всё задрожало, ощущение опасности, что охватило меня, было столь сильным, что захотелось вжаться в стену или... или снова скрыться в лесу.

Одним резким выпадом он схватил меня за руку и, с силой сжав запястье, заставил разжать кулак.

С губ моих сорвался вскрик. Поморщившись, я попыталась вывернуться, но он и не думал разжимать пальцы. Пристально осмотрел ладонь и, не выпуская, заставил меня сделать шаг к себе.

– Не знаю, что ты натворила, девочка, – сказал он тихо, убирая волосы с моей щеки. – И не уверен, что хочу это знать. По крайней мере, сегодня.

Найдя репейник, он попытался высвободить его, однако не смог.

Дар речи у меня пропал, во рту пересохло. Сглотнув, я

облизнула сухие губы и тут же поняла, что зря сделала это.

– Сегодня у меня вообще нет желания что-то выяснять, – он задрал мою голову, осматривая лицо точно так же, как в кабине. Так, будто я была выставленной на продажу лошады. Задел пальцем нижнюю губу и посмотрел зубы.

– Перестаньте! – не выдержала я и оттолкнула его руку. – Я вам не...

– Что ты? – не дав мне договорить, переспросил он и, ощутив моё бессилие, кивнул. – Что? Ничего, Ева. У тебя проблемы. Большие проблемы.

Я молчала. Молчала, потому что он был прав – у меня проблемы. Вот только что-то подсказывало, что, если я не буду осторожной, они могут стать больше. Потому что этот мужчина... Руслан... Кто он?

Во мне сплелись страх, неуверенность и гнев. Судорожно пытаюсь понять, что делать, я так и стояла, смотря на него в то время, как он буквально пронзал меня взглядом. Глаза у него были тёмно-карие, почти чёрные, и эта чернота пробиралась в меня ощущением тревоги, какой я не испытывала никогда прежде.

Длилось это с минуту, может быть, даже дольше, и с каждым остающимся позади мгновением становилось только яснее – он не тот человек, который способен помочь мне. Нет. Он... от таких как он нужно держаться подальше. А я...

Руслан опять дотронулся до моих волос. Провёл от самого виска до плеча и сгрёб несколько прядок в кулак. Зажал,

выпустил и, собрав снова, пропустил их между пальцами.

– Приведи себя в порядок, – приказал он жёстко.

Я знала – послушаться, когда мужчина говорит подобным тоном, значит нарваться на наказание. Всё же высвободив из прядей один из запутавшихся в них репейников, Руслан кивком указал на противоположную стену.

– Там ванная, зверёныш. Если не сможешь разобраться с этим, – с силой дёрнул, – обрежь их.

Одновременно с его последними словами я, болезненно вскрикнув, отшатнулась к самой стене. Волосы, проскользив по его ладони, чёрными змейками хлестнули меня по ноге.

– Ты меня поняла? – не повышая голоса, спросил он.

– А если я не сделаю этого? – поинтересовалась в ответ на выдохе, дав части гнева вырваться наружу.

Руслан не ответил. Вместо этого внимательно посмотрел мне в лицо и проговорил ещё жёстче, хотя несколько секунд назад мне казалось это невозможным:

– Не сможешь распутать, отрежь. У тебя есть пятнадцать минут.

Сказав это, он скрылся в кабине. Спустя ещё несколько секунд я услышала, как хлопнула дверца, и только теперь смогла сделать нормальный вдох. Пятнадцать минут...

Несколько секунд я так и стояла у стены, пытаюсь прийти в себя после всего случившегося за последние часы.

Поёжилась, только теперь понимая, насколько сильно замёрзла. Ступила на мягкий, устилающий пол ковёр и почув-

ствовала, как стопы утопают в ворсе. Если бы не знала, что эта комната находится внутри похожей на небольшой авто-машины, ни за что бы не догадалась...

Услышав какой-то шум, порывисто обернулась. Дождь... Упругие струи дождя, брошенные порывом ветра прямо в лобовое стекло. От паники и испуга сердце опять подскочило к горлу, взгляд невольно зацепился за постель. Комком на ней лежал плед, край одеяла спадал на пол. Принюхавшись, я ощутила незнакомый свежий запах. Метнулась к шкафу и, открыв, оглядела полки.

Снова этот звук.

– Ветер, Ева... – выдохнула я, пытаюсь успокоить саму себя. – Это просто ветер играет с дождём.

Не зная, что хочу найти, перебрала первую стопку, за ней вторую. Вытащила объёмный чёрный свитер. Мягкий... Никогда в жизни не держала в руках ничего подобного. Эта комната... Она вообще была странной, не похожей ни на одну из комнат дома, где я прожила всю свою жизнь.

Запах, мягкий ворс ковра, аккуратные ручки шкафа, вещи, что мне попадались. Даже скомканный на постели плед...

Распахнув вторую дверцу, я увидела перекладину с вешалками. Схватила что-то напоминающее куртку и бросилась прочь, но уже в дверях обернулась.

На небольшой тумбочке возле постели лежал кошелёк.

– Господи, прости меня, – прошептала и, вернувшись, взя-

ла его.

Поспешно открыла и, не пересчитывая, достала все купюры, что были внутри. А что, если это все его деньги? Поколебавшись, отложила две банкноты и, зажав в кулаке остальное, снова бросилась в кабину.

Дверца оказалась не заперта, и я, больше ни о чём не думая, бросилась в ночь. Дождь тут же вымочил едва подсохшее платье, струи побежали по лицу.

Оглянувшись на подсвеченную вывеску «24 часа», я увидела, как открылась дверь, как в проёме показался тёмный силуэт мужчины с чёрными глазами и чертами лица, придающими ему сходство с хищной птицей. Холодная грязь, смешанная с веточками и камнями, обожгла стопы, но больше я не останавливалась – продиралась сквозь заросли до тех пор, пока последние отблески огоньков не поглотила тьма.

– Боже мой... – только теперь вздохнула и, понимая, что меня трясёт, прислонилась к стволу большого дерева. Накинула куртку и, спрятав деньги в карман, прикрыла глаза.

Неожиданно сквозь шорох мокрых листьев до меня донёсся странный треск.

Показалось?

Настороженная я затаила дыхание. Прислушалась – тишина. Показалось...

Но только я начала успокаиваться, ног моих коснулся луч широкого фонаря. Ещё секунда, и свет ударил в глаза.

– Вот она, – раздался рядом знакомый голос. К первому

лучу прибавился второй, заметался по подолу, по моим коленкам.

Обезумевшая от ужаса, я рванула было прочь, в густоту леса, но тут же оказалась в чьих-то руках.

– Добегалась, Ева? – меня подтолкнули вперёд.

– Отпусти меня! – что есть сил принялась вырываться я. – Отпусти! – увидела ещё двоих и в отчаянии ударила по ноге держащего меня пяткой.

– Сука! – рыкнул он и с силой схватил за волосы. Что-то твёрдое ткнулось мне под рёбра.

– Ещё слово, и я воткну это пёрышко прямо тебе в бок, – наклонившись, процедил один из пущенных по моему следу.

– Так давай! – я стиснула зубы. – Это лучше, чем вернуться обратно.

– А кто сказал, что ты вернёшься обратно? – вынырнул из влажной мглы третий. Коснулся мокрыми холодными пальцами моей щеки, поглаживая, потом опустил руку к шее и ниже. Обхватил грудь и очень тихо сказал: – Ты не вернёшься обратно, Ева.

– Тогда что? – с придыханием спросила я, пытаюсь отстраниться, не дать касаться себя. Мерзкие, вызывающие отвращения прикосновения... Ненавижу! Как же я это ненавижу...

– На тебе можно сделать неплохие деньги, – держащий меня нагнулся. Губы его коснулись моего уха. – Так что... Обратно ты не вернёшься, – он усмехнулся, погладил меня

по бедру и толкнул к тому, что стоял напротив. – Веди её к машине. Я пока отолью.

Глава 2

Ева

Окончательно счёт времени я потеряла, когда один из находящихся в машине мужчин толкнул меня на пол.

– Здесь тебе самое место, – процедил он.

Сам удобно устроился на заднем сиденье и откинулся на спинку. Связанная, я подобрала ноги и отползла к дверце. Здравый смысл и чувство самосохранения подсказывали мне, что лучше ему не отвечать. Лучше вообще ничего не говорить и по возможности казаться невидимой.

– Куда вы везете меня? – только и спросила я, всё ещё тая надежду услышать ответ.

Но ответа не дождалась. Вместо этого получила тычок по ноге и приказ заткнуться.

Ехали мы долго. Время от времени машину подбрасывало на неровной дороге, барабанивший по крыше дождь убаюкивал монотонной песней, смешивающейся со звуками музыки, едва слышно звучащей в салоне. Постепенно усталость взяла своё. Пригревшись в уголке, я задремала, а открыв глаза поняла, что небо уже окрасилось светлыми тонами. Сильно хотелось пить, тело затекло, связанные руки онемели. Пошевелившись, я болезненно застонала.

– Доброе утро, – услышала я.

Сон как рукой сняло. Вскинув голову, я увидела уже дру-

того из троицы – того, что трогал меня, касался груди. Взгляд его скользнул по моей шее, по голым ногам, в глазах появился нехороший блеск.

– Трахнул бы тебя, но чёрт... – уголок его рта дёрнулся. – После этого ты будешь стоять куда дешевле.

С переднего сиденья донёсся короткий смешок, несколько грязных фразочек. Придвинув ноги ещё ближе, я сделала единственное, что могла: посмотрела с ненавистью.

Поймав мой взгляд, человек Призрака снова усмехнулся. Некоторое время смотрел на меня, а потом, вынув из кармана нож, схватил за локоть.

– Не трогай! – тут же рыкнула я, пытаюсь вырваться. Плечом ударилась о сиденье, захлёбываясь страхом и беспомощностью, рванулась назад, задев его коленкой.

– Хватит! – рявкнул он.

Сталь прошла по клейкой ленте на руках, и он швырнул меня обратно на пол. Покачал головой и снова обратился к тому, что вёл машину:

– Чем быстрее мы избавимся от неё, тем лучше. Проблемы с Призраком никому из нас не нужны. Нет девчонки – нет проблем.

– Через полчаса будем на месте, – отозвался третий.

Через полчаса? При этих словах меня охватила новая волна страха. Почувствовав это, сидящий на заднем сиденье опять глянул на меня с похотью и, дотянувшись, погладил по щеке. Потом по шее, по вырезу платья.

– Ты сладкая, – проговорил он тихо. – Очень сладкая, Ева. Знала бы ты, сколько раз у меня на тебя вставал, – усмешка, пальцы по шее. – Хотелось вставить тебе так, чтобы орала... Но деньги слаще. Куда слаще.

Вскоре мы действительно остановились. Едва я успела посмотреть вверх, сквозь стекло, дверца открылась, и меня поволокли к высокому кованому забору, где уже ждали двое.

– Оставьте меня в покое! – истерично вскрикнула я, дёрнувшись.

Понимала, что это бессмысленно, но что ещё мне оставалось?

Сердце колотилось в горле, содранные колени болели, солнце, яркое, стоящее высоко в небе, грело кожу. Вот только тепло мне не было. Наткнувшись на взгляд одного из поджидавших нас мужчин, я поняла – ничего хорошего дальше не будет.

Судорожно обернулась на одного из троих, что шёл позади. Как его зовут? Кажется... Тон... Антон...

– Тон! – снова вскрикнула и очень тихо добавила: – Пожалуйста...

– Надо же, – он немного склонил голову, посмотрел на товарищей. – Наша детка вспомнила, как меня зовут, – перехватил за руку и подтолкнул вперёд. Лицо его искривила злоба, и я поняла – это была ошибка. – Пошла, – процедил он и толкнул меня снова.

Остановившись возле ограды, он обратился к одному из

мужчин:

– Как договаривались. Где деньги?

Молча тот кивнул второму. Тон опять толкнул меня, и я оказалась в чужих руках. В прямом смысле чужих.

– Уверен, что целка? – спросил он у Антона так, словно интересовался чем-то... Чем-то само собой разумеющимся.

– Я же уже сказал, – раздражённо отозвался Антон. – Я за свой товар отвечаю.

– Хорошо, – мужчина откинул мои волосы с лица, дёрнул молнию платья, оголяя грудь и, равнодушно осмотрев, вернул лямки на место. Меня трясло, в ушах шумело, ноги подкашивались.

С трудом я понимала, что происходит. Пальцы на моём плече сжались мёртвой хваткой и прежде, чем я смогла скинуть оцепенение, мы оказались по другую сторону забора.

– Отпустите меня, – прошептала я, попытавшись обернуться. – Прошу вас. Я...

Я поняла, что сказать мне и нечего. Более того, мои же слова могут стать для меня приговором. Призрак не тот человек, что легко отпускает проступки. А то, что сделала я... Если он найдёт меня, если вернёт обратно... Что со мной будет? А что будет теперь?

– Закрой свой рот и иди вперёд, – грозно приказал мужчина, толкнув меня к крыльцу.

Пять ступенек в никуда. Я опять попыталась вырваться, сказать, что никуда не пойду, но всё, чего добилась

– несколько брошенных в свой адрес нецензурных слов и смачный шлепок по заду.

Дверь распахнулась, когда мы оказались на верхней ступени, вышедший нам на встречу мужчина был крупнее первого.

– Отведи её в дальнюю комнату и скажи ребятам, чтобы успокоили. Девочка норовистая, – передавая меня ему, проговорил мой провожатый.

Второй был ещё молчаливее. Из его рук я переключивалась на другие. И снова пальцы, ладони...

– Я не пойду! – голос мой звучал сипло. Ноги скользили по холодному мраморному полу.

Ведущий меня никак не реагировал. Казалось, ему вообще всё равно. И действительно, для него я была ничем – сил его хватило бы на четверых таких, как я.

– Нет! – дёрнулась.

Попыталась царапнуть его, но без толку. Не знаю, что заставляло меня бороться, ибо бежать всё равно было некуда. Но и сдаваться вот так... В воздухе пахло опасностью. На стенах коридора висели фрески, на полу – высокие вазы с развратными рисунками.

Я вдруг поняла... Поняла и похолодела. Это же... как называла их одна из моих воспитательниц? Публичный дом? Как-то так... Место, где женщины отдают себя за деньги мужчинам. Никогда! Никогда я...

Рыча, я снова стала биться, изловчилась и что есть силы

ударил мужчину по ноге. И тут же почувствовала пронзившую тело боль.

– Ай! – вскрикнула я. Застонала, когда он, вывернув мне руку, толкнул дальше, в глубину холла, ведущего в никуда вне зависимости от того, что было в его конце.

– Хуже будет! – рявкнул он.

Дверь, мимо которой мы проходили, была открыта. Сквозь марево страха я различила мужчину. Рассмотреть его не успела, заметила только, что одет он в отличие от остальных, в простые джинсы и клетчатую рубашку поверх футболки.

Он бы мог мне помочь. Не такой... Простой работяга, похожий на тех, что занимались ремонтом в нашем доме. Простой... Только чем он мне поможет? Чем? Подавив готовый сорваться крик о помощи, я сделала ещё один шаг. Услышала незнакомый голос.

– Сам хозяин тебя хочет, – презрительно усмехнулся держащий меня мужчина и толкнул к открытой двери. И тут я обомлела.

Сидящий в кресле мужчина медленно прошёлся по мне взглядом. Тот самый мужчина, у которого этой ночью я украдала деньги. Тёмные глаза, острые черты лица...

Лениво встав, он бесшумно подошёл ко мне. Откуда он узнал, что меня привезут сюда? Откуда? Деньги...

– Давно не виделись, правда? – пальцы его оказались на моём подбородке, взгляд пронзил нутро.

Меня затрясло ещё сильнее. Я украла все его деньги. Почти, все. А теперь... Куртку люди Призрака сняли почти сразу и тут же обшарили карманы. Даже если он просто работает тут... От взгляда его мне было страшно.

– Вы встречались раньше? – ворвался в моё сознание голос другого мужчины.

Я выдохнула, ощутила новое прикосновение. Руслан. Его зовут Руслан – это имя будто бы огнём вспыхнуло на подкорке. Каждая буква была обвита маленькими языками пламени.

Я вдруг поняла – его имя я бы не смогла забыть, даже если бы попыталась сделать это.

– Было дело, – он усмехнулся. Коснулся моей нижней губы, и внутри у меня всё натянулось ещё сильнее. – Хотела убежать от меня, девочка?

Попытавшись отступить, я наткнулась на стоящего позади охранника.

– Я её покупаю.

Покупает? Мысли окончательно запутались. Что значит, покупает?!

– Удовольствие не из дешёвых, – тот, что говорил, подошёл к нам. Он был старше, волосы его уже серебрились сединой. Но взгляд... Жёсткий, непроницаемый.

– Сколько? – спросил Руслан сдержанно.

Человек в костюме отвечать не спешил. Отошёл к столу, взял с подноса чашку и сделал глоток. Судя по всему, имен-

но он был тут главным. Только сейчас я поняла, что в кабинете витает запах чего-то. Чего-то незнакомого – густой, будоражащий.

– Предлагаю обсудить это за кофе, – наконец сказал он, кивнув Руслану на кресло, но тот, посмотрев на него, повторил ещё более сдержанно:

– Сколько за неё?

– Расценки прежние, – ответил главный, сделав новый глоток.

– Хорошо, – Руслан как будто потерял ко мне интерес. Вернулся к креслу, но садиться не стал. – Принеси коньяк, – бросил он человеку, встретившему меня в дверях.

Я даже не сразу заметила его, стоящего в углу кабинета, подобно застывшему изваянию. Отпив, Руслан обратился к главному:

– Пожалуй, соглашусь. Кофе отличный, – уголок его губ чуть заметно дёрнулся в усмешке. – Девочка тоже. На какой счёт переводить деньги?

– Наличные, – коротко сказал мужчина в костюме. – Только наличные.

– И где я возьму наличные? – с лёгким раздражением спросил Руслан. – Какого чёрта?

Что-то шло не так, и я понимала это. Это было, наверное, единственным, что я вообще понимала. Слишком большая сумма. Где простому рабочему взять много денег? Сколько ему нужно? Ещё и я... Я украла почти всё, что у него было.

– Времена сейчас не лучшие, Руслан, – главный отставил чашку. Тенью прошмыгнув мимо, в кабинет вернулся тот, который должен был принести коньяк. Поставил бутылку на поднос. – Все подобные сделки только наличным расчётом. Думаю, что дальше будет ещё сложнее, – он повернулся ко мне, посмотрел оценивающе. – Если никаких вариантов нет, я найду, кому её предложить. На такую девочку покупатели найдутся. Да и без продажи заработать на ней проблем не составит.

– Я повторяю – наличных у меня нет, – процедил Руслан уже зло. Откупорил бутылку, плеснул в чашку и, со звоном вернув на стол, добавил: – Может быть, варианты есть у тебя? Ты и предложи.

Главный задумался. Снова посмотрел на меня, потом на Руслана.

– Твой автодом, – сказал он. – По-моему, вполне справедливая сделка.

– Девчонка не стоит и половины, – Руслан сел в кресло. Взял чашку обеими руками. – Ты это знаешь не хуже меня.

Главный молчал, а я так и стояла, не в силах сделать вдоха. Дом... Но, если он не отдаст дом, меня продадут другому. Или... Или превратят в проститутку. Или...

– Руслан... – я бросилась к нему, сама не зная, что сказать. Упала на колени возле кресла и взяла его за руку. Подняла взгляд и встретилась с ним глазами. – Я... Я отдам. Я... Я заработаю и отдам. И твои тоже. Только...

– Хорошо, – не дав мне договорить, отрезал он, обращаясь к главному. – Я согласен.

Глава 3

Ева

– Спасибо, – едва слышно сказала я, когда мы оказались на улице.

Руслан даже не посмотрел на меня. Я понимала, что он зол. Мало того, что я украла у него деньги, взяла куртку, так теперь... Теперь он отдал за меня свой дом.

Только что мы спустились по ступенькам особняка и теперь шли по ровной дорожке вперёд, сопровождаемые одним из охранников, тащивших меня по холлу. Больше всего я боялась, что Руслан может передумать и вернуть меня обратно. Украдкой я бросила на него быстрый взгляд. На скулах его темнела щетина, губы были сжаты в линию.

– Что это за место? – осторожно спросила я, когда мы вышли из отбрасываемой домом тени.

Он не ответил. Только немного прибавил шаг, и я, чтобы не отстать, сделала то же самое.

– Руслан, – позвала я чуть настойчивее. Коснулась его руки. – Что это за место? – и, не уверенная, что он услышал меня в самом начале, повторила немного громче: – Спасибо, Руслан.

– За что? – он нехотя обернулся ко мне.

И опять я ощутила внутреннюю тревогу, холодок, пробежавший вдоль позвоночника, стоило нам столкнуться взгля-

дами. Никто так никогда не смотрел на меня, как он. Ни разу за всю свою жизнь я не видела мужчин, подобных ему. Даже Призрак... При всей его власти, деньгах и жестокости, он никогда не вызывал у меня подобной тревоги. Этот же мужчина...

– За то, что спас меня, – выдохнула я. – Спасибо тебе. Если бы не ты...

– Ты что-то путаешь, девочка, – остановившись, он резко развернул меня к себе лицом. – Я не спас тебя, я тебя купил, – выговорил жёстко. – А это место... – взял за ворот платья и, подтянув к себе, проговорил ещё тише: – Это место, Ева, где такие, как я, находят таких, как ты.

– Купил? – переспросила я, не очень понимая его. – Такие, как ты, находят...

Разжав пальцы, он оттолкнул меня и посмотрел в сторону. Услышав шум двигателя, я тоже обернулась. Заметила стоящий поодаль автодом и остановившуюся около него чёрную блестящую машину. Кивком указал туда и пошёл вперёд.

– Прости меня за деньги, – попыталась я снова заговорить с Русланом, когда мы подошли к машине. – Я бы отдала их, но у меня...

– Иди внутрь, – открыв дверь автодома, приказал он, не дав мне договорить. – Поможешь мне собрать кое-какие вещи.

Замолчав, я посмотрела на него снизу-вверх, и он кивком указал на дверь. Я понимала, что лучше не спорить, не злить

его, и всё-таки спросила:

– Где ты теперь будешь жить? Я бы могла...

– Внутри, я сказал, – снова оборвал он меня и, крепко взяв за плечо, толкнул к двери.

Сам зашёл следом и, больше не глядя на меня, ушёл в другую комнату.

Не зная, что делать, я направилась следом. Комната оказалась небольшой кухней: раковина, маленький столик, пара складных стульев. Уперевшись взглядом в спину Руслана, я не решалась заговорить. Так и стояла на пороге.

– Что стоишь? – одним стремительным движением он обернулся и оказался рядом так быстро, что я не успела ничего сообразить. Отступила на шаг. – Запомни, зверёныш, повторять дважды я не люблю.

– Х-хорошо, – сбивчиво выдохнула я, отступая в комнату. На лице его отразилось нечто вроде удовлетворения.

– Чемодан в шкафу, – повторил он мягче. Сделай всё, как следует, зверёныш.

Не дотронувшись до меня, он отступил. На миг я почувствовала облегчение, и тут же он, как и раньше, жёстко взял меня за руку. На ладонь мне легло что-то прохладное.

– Это тебе пряник, – едва шевеля губами, проговорил он. – Авансом. Надеюсь, что ты будешь послушным зверёнышем. Но учти... – снова взгляд в глаза. – Если нет, будет и кнут.

Сказав это, он так же стремительно вернулся к раковине,

где и стоял, когда я вошла. Совершенно растерянная, ошеломлённая, я поспешно скрылась в комнате и только там разжала пальцы. В руке у меня была плоская картонная коробочка величиной с ладонь. Бело-коричневая, с написанным серебристым названием.

Поднеся коробку к лицу, я принюхалась, но ничего не почувствовала. Немного помедлив, открыла. Внутри оказалось что-то твёрдое, запаянное в фольгу. Надорвав её, я снова принюхалась. Какао... Примерно так пах какао, который варила наша кухарка, когда у кого-то из нас был день рождения. И ещё на Новый год. Но сейчас... Сейчас повода для какао не было. Да и на какао то, что дал мне Руслан, не очень-то походило. И тут я поняла – шоколад.

Поспешно отломив дольку, положила её в рот и ощутила сладкий, насыщенный вкус. Отломилась ещё одну.

– И что ты стоишь? – услышала я голос Руслана за спиной, едва только хотела облизать перепачканные пальцы. Делать этого было нельзя, и я знала это, но шоколад...

Обернулась. Фольга, выскользнув из пальцев, упала на пол.

– Это же шоколад, – растерянно сказала я, глядя на него.

– И что дальше? – сухо спросил он, посмотрев на меня как-то странно. Я не знала, что сказать. Замялась, комкая в грязных пальцах пустую картонную коробочку.

– Ты не просто зверёныш, – Руслан дотронулся до моего лица, провёл пальцем по уголку губ. Я поняла, что вся пере-

пачкалась. Если бы меня видел кто-то из наставниц... – Не-е-ет, – протянул и чуть заметно усмехнулся. – Ты Маугли.

– Маугли? – я нахмурилась. – Это что?

– Собирай вещи, – убрав руку, резко сказал он. – Через десять минут мы уезжаем.

А затем вышел из дома. Закрыл за собой дверь, оставив меня стоять – напрочь сбитую с толку, сжимающую в руках картонку, со сладким привкусом на губах и ощущением, что вся моя жизнь, все восемнадцать лет до минувшей ночи – клетка. Клетка, за пределами которой всё совершенно иначе.

Глава 4

Руслан

Сказать, что девчонка была странной, значило не сказать ничего. Не успели мы подняться по трапу, она оказалась возле иллюминатора и, положив узкие ладони на его края, устоялась на взлётную полосу.

– Сядь, – приказал я и кивком поприветствовал поднимающимся вслед за нами капитану борта и его помощнику.

– Приятного полёта, – пожал мне руку главный пилот. Вслед за ним то же самое сделал его напарник.

– Это зависит исключительно от вас, – шутить я и не думал. – Надеюсь, он действительно будет как всегда приятным.

– Погодные условия отличные, – командир посмотрел на прислушивающуюся к нашему разговору девчонку, но вопросов задавать не стал. Знал, что этого я не люблю. Я проследил за его взглядом.

– Слышала, что я тебе сказал? – повторил жёстко.

Она поджала губы, вздёрнула подбородок. На лице её отразилось замешательство.

– Туда? – посмотрела на стоящий у дальней стены кожаный диван.

Голос у неё был приятный – не слишком звонкий, но при этом звучал женственно. Невозможно длинные густые во-

лосы падали на плечи и спину, делая её похожей не то на лесную нимфу, не то на болотную кикимору. Сказать однозначно было трудно, ибо перепачканная грязью, в сплошь изодранном платье, она не вызывала у меня ничего, кроме странной смеси интереса и раздражения.

Нет, пожалуй, ещё кое-что. Желание. Желание отправить её в ванную.

– Рад это слышать, – проговорил я пилоту, и тот, поняв, что наш разговор на этом подошёл к концу, попрощался со мной до прилёта в аэропорт Грата.

Стоило экипажу скрыться в кабине, я указал своей новоприобретённой собственности на кресла в конце салона. Говорить ничего не стал, просто смотрел, как она, расправив узкие плечи, прошла мимо. На левую ногу она старалась не наступать, однако двигалась при этом легко. Зверёныш...

Подойдя к бару, я плеснул в стакан немного виски и, облокотившись о стойку, снова стал рассматривать её.

– Мы долго будем лететь? – спросила, нарушив тишину и, в ожидании ответа, уставилась на меня.

Глаза у неё были большие, карие, такого янтарного оттенка, губы не тонкие, но и не слишком пухлые.

– Два с половиной часа, – пригубив виски, ответил я.

На кой мне всё это случилось – сам не знал. Два с лишним года, вырванные из жизни, напрочь лишили меня ощущения самого себя и понимания, чего я хочу. Идея же с девчонкой из питомника... Почему бы и нет? Собственная карманная

собачка с той лишь разницей, что от этой собачки есть хоть какой-то толк.

Вернув стакан на место, я подошёл и сел в соседнее с ней кресло. Командир борта, включив громкую связь, сообщил, что самолёт готов ко взлёту и попросил пристегнуть ремни.

– Так? – тут же повернулась ко мне Ева, с удивительной ловкостью вставив ремень в карабин. Подёргала, глянула на мой, потом снова спросила: – Я правильно сделала?

Да чёрт возьми! Её живость действовала мне на нервы. Так и хотелось схватить её руку и, сжав, отшвырнуть на спинку. Было ли во мне когда-нибудь столько необузданности, восторженности? Даже когда был зелёным юнцом – нет.

– Так, – коротко ответил я и как-то само собой опустил взгляд на её руки.

Сам не знаю, что привлекло моё внимание – забившаяся под короткие ногти бурая грязь или маникюр. Маникюр... Если бы ночью я сам не подобрал её на грязной обочине у самого чёрта на рогах, подумал бы, что появилась она там прямоком из маникюрного салона. Заметив, что я рассматриваю её руки, она сжала их в кулаки. Занервничала и тут же, поняв, что самолёт сдвинулся с места, спросила:

– Мы взлетаем?

Отвечать ей я не стал. Никогда не любил лишний шум вокруг, от неё же этого шума за последнее время было столько, что я на полном серьёзе задумался, не подрезать ли ей заодно с волосами и язык.

Не дождавшись ответа, она угомонилась. Чопорно сдвинула ноги, сложила всё ещё сжатые в кулаки руки на коленках и застыла.

Самолёт, набирая скорость, катился по взлётно-посадочной полосе.

Грат... Уверенности в том, что стоит лететь туда, у меня не было. Но пропустить свадьбу брата я не мог. Мысль о том, что братец надумал-таки жениться на своей белобрысой попрыгунье, вызвала усмешку. Трахал бы и трахал её, если на то пошло, но нет...

Не успели мы оторваться от земли, возле меня мелькнула грязно-белая тряпка подола.

– А ну вернись, – только и успел рявкнуть я, схватив девочку за юбку. Дёрнул обратно, и ткань, треснув, разошлась у неё над задницей. В прорехе показалась полоска спины.

– Мы же взлетели, – опустившись в кресло, распахнула она глаза.

Кусок оторвавшейся ткани так и остался у меня в пальцах вместе с пониманием, что ни хрена это не просто ткань – кружево. Дорогое кружево тончайшей работы.

– Пристегни ремень, – процедил я.

Ничего не сказав, она быстро вернула ремень на прежнее место. Посмотрела вниз, на удаляющуюся землю и повторила, немного нерешительно:

– Мы же уже взлетели. Или нет?

Стиснув зубы, я разжал кулак и выпустил клочок ткани. Тот упал на пол к нашим ногам.

– Я сделала что-то не так? – спросила она негромко и дотронулась до моего кулака. – Скажи.

– Если бы я не был уверен в обратном, – прочеканил я, – подумал бы, что у тебя проблемы с головой, – усмехнулся и перехватив её руку, осмотрел ладонь.

Почувствовал, как она напряглась, попробовала выдержать её, но я не отпустил. Осмотрел длинные ухоженные пальцы. Услышал, как она выдохнула и взгляделся в её лицо. С головой у неё было всё в порядке, и мне было это ясно. И всё же...

– Теперь можешь встать, – проговорил я спустя пару минут и выпустил её руку, которую сжимал всё это время.

Мне нравилось чувствовать её беспокойство, нравилась её нервозность. Это было даже забавно. Забавный зверёныш.

Сколько ни пытался я найти самого себя, колеся по горам, сделать этого так и не смог. Но кое-что интересное найти мне всё-таки удалось. И, глядя, как девчонка, поднявшись с места, прильнула к стеклу, как она, немного прихрамывая, прошлась по ковру и остановилась у иллюминатора с другой стороны, я понимал это. Да, кое-что интересное я всё же нашёл. Только что?

Усмехнувшись, я тоже встал и налил себе ещё одну порцию виски.

– Ева, – позвал её. Почти как кличка – Ева.

Она повернулась ко мне.

– За удачную покупку! – приподнял бокал и сделал глоток. Усмехнулся. – За тебя.

– С возвращением, Руслан Каримович, – вежливо поздоровался водитель.

К тому моменту, как я покинул самолёт, машина уже ждала меня. Сдержанно кивнув, я взглядом указал топчущейся рядом девчонке на открытую дверцу. Нырнув на заднее сиденье, она хотела было подвинуться, но не успела. Захлопнув дверцу, я нехотя спросил у ожидающего дальнейших приказаний водителя:

– Здесь всё в порядке?

В действительности, в порядке ли тут всё или нет, меня особо не интересовало. Стоило самолёту приземлиться, понимание, что радости от возвращения я не испытываю, утвердилось во мне окончательно. Я посмотрел вдаль, на линию горизонта, туда, где земля сливалась с низким, сероватым небом.

– Да, Руслан Каримович, – ответил водитель и открыл для меня дверцу с другой стороны. – К вашему приезду всё готово.

– Хорошо.

Прежде, чем усесться, я ещё некоторое время смотрел на так хорошо знакомую и такую чужую полоску горизонта. Всё здесь было знакомым и чужим, и это вызывало внутри

неприятное, гнетущее чувство, появившееся ещё во время перелёта, стоило подумать о возвращении. И теперь только усилившееся.

– Ещё кое-что, – бросил я прежде, чем усесться.

– Слушаю вас.

– Моей, – уголок губ дёрнулся, – спутнице нужно переодеться. Пусть подготовят для неё вещи. И ванную.

Водитель кивнул. Как и от главного пилота, лишних вопросов от него не последовало.

– Ну что? – сев рядом с девчонкой, развалился я на сиденье. – Готова увидеть свой новый дом?

Сжимая болтающуюся на шее подвеску, она на пару секунд застыла. Смотрела на меня, то ли не зная, что сказать, то ли не находя нужных слов.

Забыв о ней почти сразу, я проследил за тем, как, мелькнув, самолёт исчез из вида. Стоящий на беззвучном режиме телефон завибрировал, но разговаривать с кем-либо у меня не было ни малейшего желания.

– У тебя телефон звонит, – подала голос зверюшка.

Повернувшись, я встретился с ней взглядом и тут же почувствовал раздражение.

– Я знаю.

Она моргнула и опять потянулась к фигурке у себя на шее. Крылатая лошадь, чтоб её! Пегас – символ дураков и поэтов.

– Сними это, – приказал я. Она не пошевелилась, и я повторил: – Сними.

– Нет, – отозвалась очень тихо.

Глаза её блеснули тем самым упрямством, непокорностью, что я заметил в нашу первую встречу. Ноздри затрепетали, пальцы на фигурке сжались так сильно, что кожа на костяшках натянулась.

Что там было навешано на ней, меня не волновало. Но терпеть её упрямство я не собирался. Схватил за руку и, дёрнув на себя, сгрёб цепочку с фигуркой.

– Я говорю, ты выполняешь, – накрутил цепочку. Та врезалась в её кожу, глаза девчонки распахнулись. Ладонью она упёрлась в моё бедро, а второй рукой неожиданно сильно впиалась в запястье.

– Не сниму, – сказала она, глядя мне в глаза. Испуг и непокорность, сильные нотки в голосе, выдающие волнение.

Ногти её врезались мне в кожу, и я стиснул зубы. Зверёныш показал зубки и коготки, и это, пожалуй, могло бы быть даже интересным. Но настроения терпеть её выходки у меня не было. Непослушным зверюшкам коготки просто-напросто удаляют, а зубы...

Телефон зазвонил снова. Поколебавшись, я оттолкнул Еву от себя. Достал мобильный и, мельком посмотрев на дисплей, бросил в трубку:

– Что тебе? – младший братец как всегда выбрал неподходящий момент. – Да, прилетел... Нет... Нет, я сказал! – повторил резко. – Всё в порядке. Да...

Закончив короткий разговор, я отключил телефон и, руг-

нувшись, кинул его на сиденье. Ни видаться с кем-либо, ни разговаривать у меня не было желания. Этот город, это небо... Вспышкой в памяти пронёсся визг тормозов, боль, оглушившая меня, и серые тучи, что стали последним увиденным мной перед продлившейся больше двух лет пустотой.

Мазнув взглядом по ноге девчонки, я посмотрел ей в лицо. На подвеску, так и висевшую у неё на шее, и отвернулся к окну.

– Это... – едва перед нами показался особняк, Ева посмотрела на меня. – Это твой дом?

– Да, – ответил я и попросил водителя остановиться.

Стоило мне оказаться на улице, мелкий, начавшийся ещё на полпути дождь обдал кожу прохладой. Под ногами зашуршал гравий, позади хлопнула дверца машины.

– Тут так холодно... – сказала подошедшая ко мне Ева и обхватила плечи руками.

– Тебя никто не просил выходить из машины, – не глядя на неё ответил я и пошёл к дому. Стоящие по обеим сторонам от ведущей ко входу дорожки клёны шелестели листвой, крохотные фонтанчики поигрывали струйками. Видно было, что к возвращению моему готовились старательно. Пожалуй, даже слишком.

– И какому дурню пришла в голову идея включить фонтаны в такую погоду? – спросил я вышедшей мне на встречу экономке.

Неуместная улыбка, с которой та встретила меня, сменилась секундным замешательством.

– Распорядиться отключить? – тут же осведомилась она.

– Оставьте, – отрезал я и добавил, взяв за плечо Еву и подтолкнув вперёд. – Проводи её в ванную. И, если она не умеет пользоваться душем, научи.

– Я умею, – тут же с лёгким возмущением отозвалась Ева.

– Хорошо, – прошёлся по ней взглядом.

Здесь, в холле моего дома, смотрелась она ещё более странно, чем раньше. Противоречивее были, разве что, ощущения, которые она у меня вызывала.

– Тогда вымойся. Иначе, боюсь, здесь у всех заведутся блохи.

– У меня нет блох! – возмущение вырвалось наружу, грудь её приподнялась и опала. – Я умею пользоваться ванной и...

– Проводи её в ванную, – повторил я, обращаясь к экономке. – И объясни, что я не люблю, когда слишком много болтают.

– Как скажете, Руслан Каримович, – отозвалась та и попросила Еву следовать за ней.

– Разрешите, Руслан Каримович, – остановившись в арочных дверях гостиной, обратилась ко мне экономка.

– Да, Наталья, – я отвёл взгляд от разожжённого в камине пламени.

– Платье для вашей гостьи, – держа в руках квадратную коробку, она подошла ближе. Сняла крышку и показала мне какую-то тряпку бледно-кофейного цвета.

Я едва не спросил, какого хрена она принесла мне это. Какая мне разница? Платье есть платье.

– Вы просили показать вам его прежде, чем отнести наверх, – проговорила Наталья, уловив, очевидно, ход моих мыслей.

Только сейчас я вспомнил, что действительно приказал сделать это. Молча вынул платье из коробки. Бумага, в которую оно было завёрнуто, упала на пол.

– Если это вам не понравится, я отнесу вашей гостье другое, – мгновенно проговорила Наталья, стоило мне, развернув платье, осмотреть его.

– Не надо, – ответил я, бросив платье обратно в коробку, которую Наталья все так и держала открытой. Забрал её у неё и добавил: – Это подойдёт. Я сам отнесу его.

Глава 5

Руслан

– Что вы... ты... – оторопело уставилась на меня девчонка, едва я, войдя в ванную, распахнул дверцу душевой.

Мокрая, с перекинутыми через плечо волосами, она так и стояла под струйками льющейся сверху воды. Сделав шаг назад, прикрыла грудь рукой.

– Выйди! – сказала вдруг гневно. – Видеть женщину обнажённой имеет право только муж!

Грудь её приподнялась и опала, в глазах полыхнул огонь. Ни дать, ни взять Моська, решившая раскрыть свою крохотную пасть и вякнуть.

– Мне кажется, ты забыла, с кем разговариваешь, – сдержанно ответил я и приказал: – Выключи воду.

Она не шелохнулась. Так и стояла, упрямо вздёрнув подбородок и смотрела на меня, тогда как струи воды продолжали стекать по её узким плечам, по животу и бёдрам. На первый взгляд ничего особенного, но... Неожиданно для самого себя я ощутил нечто, напоминающее желание взять её. Не просто получить своё, чтобы почувствовать разрядку, а взять именно её.

– Подойди ко мне, – сказал я так же ровно, но она продолжала стоять на месте.

Её упрямство только усилило моё раздражение. Чёртово

раздражение, вызвать которое, так же, как и интерес, в последнее время было практически никому и ничему не под силу.

– Ева, – с каждой секундой промедления раздражение моё усиливалось, и ничем хорошим ей это не сулило. – Закрой воду, – выговорил едва ли не по слогам, глядя ей в глаза. – Закрой эту чёртову воду и подойди ко мне.

Поколебавшись ещё пару секунд, она всё-таки коснулась крана. В воцарившейся тишине было слышно, как последние капли, смешавшись со звуком её шагов по мокрому полу, упали на дно кабины.

Переступив бортик, она встала напротив меня, всё так же прикрывая грудь рукой. Это было тем более смешно, учитывая, что дальше я мог рассматривать её сколько угодно.

– Я хочу видеть, за что заплатил, – жёстко проговорил я. Взяв за запястья, отвёл её руки.

Она напряглась, натянулась, как тетива и снова гордо вздёрнула голову. Станным образом в ней сочетались покорность и упрямство, и это сквозило буквально в каждом её движении, в каждом вдохе.

Стоило мне отпустить её руки, снова прикрыла грудь.

– Что же ты такая непонятливая? – процедил я, перехватывая её кисти, и сжал с такой силой, что она поморщилась. – Говорю тебе, говорю... По-хорошему говорю, Ева, – рывком откинул руки.

Девчонка с шумом вдохнула, плотно сжала губы. Я же

прошёлся взглядом по её влажному телу. Высокая округлая грудь с небольшими тёмными сосками, подтянутый живот, точёные ноги.

Резко посмотрел в лицо.

– Ты дорого мне обошлась, – тихо выговорил я и, положив ладонь на её упругий зад, провёл по коже. Чёрт! То самое чувство, что я испытал, открыв дверцу душевой и увидев её голой, снова напомнило о себе.

Давно женщина не пробуждала во мне ничего подобного. До приторности походящие друг на друга, они отличались лишь цветом волос и социальным статусом. Другое дело, что стоило любой из них остаться голой, ни о каком статусе речи уже не шло.

Дорогие и дешёвые – всё одно – течные суки. Но свято уверенные, что я не способен заметить возле себя подходящее к употреблению тело и пытающиеся во что бы то ни стало обратить на себя внимание.

– Дорого... – повторил тихо.

Отступил на несколько шагов, продолжая рассматривать её.

С волос её набежала вода, и теперь она стояла в небольшой луже. Да, в самом деле неплохое приобретение. Лучшее из всего, что предложили мне в питомнике.

– С этого дня ты принадлежишь мне, – нарушил я образовавшуюся тишину. – Даже не так... – снова приблизился к ней и проговорил ещё тише:

– Ты принадлежишь мне с того момента, как попалась мне под ноги. Добыча... – коснулся её бедра, пальцами поймал каплю воды и заметил, как в её взгляде появилась опаска. Вот так, девочка... – Я не люблю, когда меня пытаются сделать дураком. Не люблю, – сказал, неспешно водя пальцами по её бедру.

Чувствовал, как это тревожит её, сбивает с толку. Чувствовал её напряжение, и это мне нравилось. Любую шавку нужно воспитывать. Что же... Это может быть даже интересно.

– Я отдам тебе твои деньги! – горячо воскликнула она, пытаясь отпрянуть, но наткнулась на бортик. – Там было не так много.

Я смерил её взглядом. Похоже, она всё ещё ничего не поняла. Деньги... Это последнее, в чём я нуждался. Но разочаровывать её я не стал.

– Было немного, но за это время набежали проценты, – хмыкнул, видя, как она забеспокоилась сильнее.

– Прошел всего день! – не смогла она скрыть отчаяние в голосе.

– День? – всё же она была забавная. Настолько забавная, что я был готов доплатить отловившим её людям ещё столько же в качестве премиальных. – Ты забыла, какую сумму я выложил, чтобы вытащить тебя оттуда, где ты оказалась? Может, ты хочешь, чтобы я вернул тебя обратно? – посмотрел с ожиданием.

Она молчала, и молчание её было весьма красноречивым. Не хочет. Конечно же, не хочет. Понимает, сука, чем ей это грозит. Ещё как понимает. Глаза-то умненькие.

– Теперь ты будешь делать то, что я скажу и когда скажу, – сочтя её молчание достаточным, продолжил я. – Ты моя собственность.

– И надолго? – она расправила плечи. Последнее, что ей оставалось. Посмотрела мне в глаза.

Я медленно приблизился к ней почти вплотную, взял за подбородок и сказал почти шепотом, прекрасно зная, что так до неё дойдёт куда быстрее:

– Навсегда.

Девчонка вздрогнула. Губы её шевельнулись в тщетной попытке что-то сказать, я же сильнее сжал пальцы. Втянул носом воздух, чувствуя исходящий от неё запах незнакомого мне прежде шампуня. Приторная, сладкая дрянь... Никогда не любил сладкие запахи на женщинах, но ей, на удивление, это шло.

Отпустив, я приказал:

– Пройдись.

Она сжала ладонку в кулак, полоснула яростным взглядом и, прихрамывая, дошла до противоположной стены. Развернулась и опять посмотрела мне в лицо.

– Доволен? – спросила резко.

Её взгляд, её слова, всё в ней было вызовом. Даже её проклятая нагота в данный момент была вызовом.

В висящем за её спиной зеркале отражался изгиб бедра, содранный локоть.

Не заметив, как оказался рядом, я опёрся ладонью о стену позади неё. Почувствовал её выдох на коже и опустил руку на её талию. Провёл вверх, глядя ей прямо в глаза, до груди, обвёл ореол соска.

– Не совсем, – продолжая поглаживать, процедил я. Оставил грудь и тронул гибкую спину. – Пока не совсем.

Платье, которое я принёс с собой, съехало и упало к нашим ногам, и Ева снова вздрогнула. В кармане у меня завибрировал телефон. Так и опираясь о стену, я достал его.

– Да, – взял трубку, не посмотрев на дисплей. Вместо этого продолжал смотреть на неё – так было куда интереснее. – Я же сказал, что не сегодня... Какого дьявола?! Нет... Это не может подождать? Нет... Нет, не надо. Я спущусь.

Вернув телефон в карман, я снова дотронулся до зверёныша. Пальцем провёл по цепочке у неё на шее и задержал ладонь на ложбинке меж грудей. Сердце её стучало быстро, гулко, выдавая всё, что она пыталась скрыть.

– Глупый зверёныш... – погладил её по щеке. – Хочет казаться смелым, а на деле... – убрал руку. – Оденься, – указал на лежащее на полу платье и, достав из заднего кармана джинсов трусики, кинул туда же. – Будь в комнате, пока я не разрешу выйти, поняла?

– Поняла, – отозвалась она, как всегда немного помедлив и, присев, подобрала платье.

Несколько секунд я смотрел на неё, а после вышел из ванной.

Молодец. Хорошая девочка.

– Разве я неясно выразился? Видеть тебя сегодня у меня нет никакого желания, – войдя в гостиную, обратился я к ожидающемуся меня брату.

Как и я получасом ранее, он стоял возле камина. Положив чугунную кочергу, которой, судя по всему до этого поправлял поленья, внимательно посмотрел на меня.

– Рад тебя видеть, Рус, – сказал он спустя несколько секунд и, подойдя, протянул руку.

– Не могу сказать того же, – на рукопожатие я всё же ответил. – Так какого чёрта ты здесь делаешь?

Ренат вернулся к камину и взял с полки золотистый конверт с тиснением. Для того, чтобы понять, что внутри приглашение на их с попрыгуньей свадьбу, открывать его мне было не нужно.

– Это не могло подождать? – бросив конверт на диван, осведомился я. – В следующий раз дам распоряжение охране, чтобы гнали тебя взащей, если решишь явиться тогда, когда я тебя не жду.

– Вряд ли твоя охрана осмелится погнать взащей хозяина этого города, – в тон мне ответил он.

Невесело усмехнувшись, я подошёл к камину. Почувствовал исходящий от огня жар и, взяв стоящую тут же на полке ещё не откупоренную бутылку старого доброго коньяка,

свинтил крышку. Взял стакан и плеснул пару глотков.

– Не предложишь составить тебе компанию? – спросил Ренат.

– Извини, бокал только один, – сделал небольшой глоток. Хозяин города, чтоб его... Сделал ещё один глоток. Изначально именно я должен был занять это место, сменив нашего отца. И, сложишься всё иначе, занял бы. Но Грат всегда был слишком лакомым куском, получить который хотели многие. Любыми способами. Пусть даже самыми грязными. В памяти снова раздался визг тормозов, локоть заныл, будто бы события, с момента которых прошло уже больше трёх лет, на миг стали настоящим. Два с половиной года в коме... Покушение было продумано до мелочей. Вот только в конечном итоге червей кормить отправился не я, а тот, кто организовал его. И произошло это благодаря Ренату.

– Ты в порядке? – спросил он, когда я, вернув бокал на полку, снова плеснул коньяк и отдал ему.

– Да чёрт его знает, – сам глотнул прямо из горла и заткнул пробкой.

– Не думал, что ты так рано вернёшься.

– Так получилось, – ответил, не собираясь вдаваться в подробности.

Присев на подлокотник дивана, Ренат медленно потягивал коньяк. Отблески огня плясали на стекле бокала, поигрывали на циферблате его часов. Грёбанный эстет. Белобрысая балерина, раритетный автомобиль, дом в стиле Барок-

ко...

– Не мешало бы тебе подстричься, – выговорил он спустя некоторое время.

Я отвернулся к огню. В этом, пожалуй, братец был прав. Месяцы, проведённые в горах, были выдернутыми из той жизни, что протекала здесь. Но пришла пора возвращаться.

Взяв кочергу, я пошевелил потрескивающие поленья и повесил её обратно.

– Тебе пора, – сказал я сухо. – Спасибо за приглашение. Передавай привет своей леди.

– Обязательно передам, – отозвался он, но вставать не спешил. Так и сидел, потягивая коньяк.

Младший брат, всегда имеющий право выбора. Право, которого у меня зачастую не было. Тогда как он мог позволить себе походы по английским танцовщицам, мне приходилось решать совершенно иные задачи, маневрируя, зачастую, между личными интересами и тем, что от меня ожидал отец. Отец, погрязший под конец в собственных делишках настолько, что выбраться из петли, в которую сам себя загнал, уже не мог. Вот только учащийся в Оксфорде младший братец понятия не имел об этом. Сильно же, должно быть, было его удивление, когда он наконец вернулся на грешную землю и узнал о папочке много нового.

– Ты изменился, Руслан, – Ренат поднялся.

Подошёл ко мне, поставил бокал на полку.

– Ты тоже, – смерил его взглядом. – Хотя... Именно этого

и стоило от тебя ожидать.

– Чего именно?

Ничего не сказав, я взял с дивана конверт и, вытащив приглашение, кинул конверт в огонь. Языки пламени тут же с готовностью накиннулись на бумагу, превращая золото в пепел. Уголки почернели и загнулись.

Пробежав взглядом по строчкам, выведенным на оформленном в стиле старого письма листе, я опять поднял взгляд на брата.

– Лиана, – отложил бумагу. – Ли-а-на. Не думал, что ты решишь дать ей свою фамилию. Одно дело разложить её на постели, но жениться... Этого я от тебя не ждал.

– Во-первых, Руслан, полегче, – судя по прозвучавшему в голосе Рената предупреждению, слова мои оказались ему не по вкусу. Что же, сугубо его проблемы.

– А во-вторых? – не желая выслушивать продолжение, которое, судя по всему, должно было последовать, осведомился я. – Может быть, ты хочешь сказать, что мне тоже не помешало бы жениться?

– Не помешало бы, – отрезал он, посмотрев на меня прямо. – Возможно, голова встанет на место.

Я жестом указал ему в сторону арки. Испытывать моё терпение братец больше не стал. Молча мы вышли из гостиной, но, стоило нам оказаться в холле, он остановился.

Проследив за его взглядом, я увидел стоящую на самом верху лестницы девчонку. Одета в платье, что я принёс ей,

она придерживалась за поручень и рассматривала Рената с не меньшим интересом, чем он её.

Вот же маленькая сучка! Слов она, очевидно, не понимает. Значит, придётся доходчивее объяснить – я приказал, она выполнила. Сиди в комнате – означает сиди в комнате, мать её!

– Это ещё кто? – спросил Ренат, снова посмотрев на меня.

Не ожидал, братец? Похоже, действительно не ожидал.

– Невеста, – спокойно выговорил я, глядя брату в глаза. И добавил, сделав акцент на первом слове: – Моя невеста.

Во взгляде его отразилось непонимание, недоверие и, наконец, вопрос, отвечать на который я не собирался. Какого дьявола?! Какого дьявола я должен что-то объяснять? Да и как я мог ему хоть что-то объяснить, если для начала стоило бы объяснить это самому себе. Хотя... Это тоже могло быть забавным. Его сахарная танцовщица и моя... моя малышка Маугли.

Глянул на девчонку, усмехнулся и снова посмотрел в глаза брату:

– Как тебе? Красивая, правда?

Ренат смотрел на меня со смесью ярости и осуждения. Я же обратился к вышедшей из кухни Наталье:

– Проводи Рената Каримовича. Он уходит.

– Мы ещё поговорим об этом, – отрезал Ренат и, не дожидаясь экономку, пошёл к двери.

Глава 6

Руслан

– Разве я тебе что-то не ясно сказал? – спросил я, поднимаясь по лестнице.

Девчонка сделала пару шагов вниз и остановилась, наткнувшись на мой взгляд. Сильнее вцепилась в перила и замешкалась, не решаясь пойти дальше. Терпение моё кончилось, и ей это, судя по всему, наконец стало ясно.

– Что я сказал тебе?

Вместо ответа она всё-таки сделала ещё несколько шагов вниз. Ступала по-прежнему легко, и всё-таки было видно, что с левой ногой у неё не всё в порядке. Не прошло и нескольких часов, а проблем с ней становилось всё больше и больше.

– Что это был за человек? – проигнорировав мои слова, спросила она.

Да чтоб её! Махом преодолев оставшееся между нами расстояние, я хотел было схватить её за ворот и подтянуть к себе, но она успела отпрянуть. Выпустила перила, вскрикнула и покачнулась.

Вот же!

Подхватив, я почувствовал её шумный выдох у себя на шее, прикосновение рук. Сердце её колотилось часто, как у испуганного кролика, от волос исходил сладковатый ваниль-

ный запах, который я уже чувствовал там, в комнате.

– Дура, – рявкнул я, ставя её на ступеньку. Заметил, как она поморщилась, как поджала ногу и глянул вниз, на босые стопы.

Снова поднял взгляд к лицу. Выглядела она немного смущённой. Всё ещё влажные волосы едва заметно завивались у висков, цепочка убегала под круглый ворот платья.

– Я же не помешала вам? – спросила она. – Этот мужчина... Он уже уходил, верно?

Моя ладонь так и лежала на её талии, кончик мизинца касался выпирающей косточки бедра. Меньше всего мне хотелось разговаривать с ней о Ренате.

Провёл по её бедру, коснулся волос. Репейник... Новой волной меня охватило раздражение. Верхняя губа дёрнулась сама собой. Слов она однозначно не понимает, что же...

– Ты что? – вцепилась она в меня, когда я, приподняв, перекинул её через плечо и понёс вверх. Подол платья задрался, сильнее открывая длинные ноги, коленка упёрлась в меня.

– Отпусти меня! – она попыталась вывернуться. – Руслан, пожалуйста, отпусти! – голос зазвучал немного испуганно. – Руслан!

Запах ванили стал сильнее, ноги у неё были сильными, да и вся она – гибкая, подтянутая, напоминала молодую лань. Добыча. Так и есть – моя добыча. Только вот для добычи ведёт она себя слишком вольно.

– Заткнись! – хорошенько шлёпнул её по бедру, когда она в очередной раз попыталась вывернуться.

Тряхнула головой, и я ощутил, как колыхнулись её волосы. Тяжёлые, они хлестнули меня по спине, по ноге. Задница её была едва ли не под моей ладонью – округлая, маленькая и крепкая.

Невеста, чёрт подери! Злость на самого себя яркой вспышкой резанула по нервам. Ренат, сукин сын! Этот золотистый конверт, его слова...

Ногой распахнув дверь комнаты, я внёс малышку Маугли и швырнул на постель. Так же, лёжа на спине, она попыталась отползти на другую сторону. Подол её платья задрался до самых трусиков, окончательно растрепавшиеся волосы падали на плечи, руки, устилали покрывало.

– Не смей! – вскрикнула она нервно. – Не смей! – согнула ногу в колене и упёрлась ею в край кровати.

Острая разбитая коленка замаячила передо мной. Кружево белья и её бёдра предстали во всей красе. Мотнув головой, она снова подалась назад.

– Ты не...

– Я буду делать всё, что захочу, – резко схватил её за ногу и дёрнул на себя.

Вскрикнув, она упала на покрывало. Лежала, глядя из-под чёрных ресниц – бледная, окружённая вуалью тёмных волос, в сбившемся платье, а я не понимал, чего хочу. С нажимом провёл пальцами по её щиколотке.

Она сглотнула, застыла. Высокая грудь её тяжело вздымалась, глаза сверкали страхом и вызовом.

С трудом отведя взгляд от её лица, я осмотрел ногу. Стопу её от пятки до середины пересекал длинный, воспалённый порез. Вот же... Мягко надавил на покрасневшую кожу и почувствовал, как зверёныш напряглась ещё сильнее.

– Не люблю бракованные вещи, – выговорил я и надавил на порез сильнее.

Шумно втянув воздух, она сжала зубки. Глядя ей в глаза, я провёл пальцем ещё раз, почувствовал неровные края пореза и выпустил ногу.

Ева не шелохнулась. Лежала передо мной полностью подчинённая и непокорная. Да, непокорная, мать её! Я видел это непокорство в блеске её глаз, чувствовал в каждом выдохе. Эта непокорность раздражала меня точно так же, как и нежелание выполнять то, что я говорю, но в то же время нравилась мне. Да. Именно это в ней мне и нравилось – то, что она будила во мне. Чувства, эмоции, вызвать которые в последнее время не могло практически ничего.

Вытащив из нижнего ящика прикроватной тумбочки небольшую аптечку, я присел на постель рядом с Евой. Приподнявшись на локтях, она посмотрела на коробку в моих руках, потом – на меня.

– Я не понимаю тебя, – сказала тихо, натянуто.

– Ты и не должна меня понимать, – отложил крышку. – Ты должна выполнять то, что я говорю.

Она уселась. Согнув в колене, подтянула к себе одну ногу и стала наблюдать за тем, как я перебираю блистеры и пузырьки. Грёбанные врачеватели души и тела насовали мне столько всякой чертовщины, что разобраться в этом было почти невозможно. Если бы я жрал все пилюли, что мне прописывали, должно быть, превратился бы в идиота.

– Придётся тебя немного подлатать, – найдя то, что мне было нужно, я обхватил её стопу. Изящную, узкую, с аккуратными пальчиками. Стопы, пожалуй, были самым большим её достоинством.

Смочив ватный тампон средством для обработки, я приложил его к ране. Ева сделала глубокий вдох, впила пальцами в покрывало, но даже не пискнула. Я поднял взгляд к её лицу.

Она смотрела на меня прямо, без утайки. Словно была не шавкой, а... Породистая гончая, ни дать, ни взять.

– Почему ты сказал тому человеку, что я твоя невеста? – спросила она. – Ты же купил меня. Почему ты соврал ему?

– Потому что мне так захотелось, – я снова прижал тампон к её стопе. Надавил, стирая выступившую сукровицу.

– Вы похожи, – вновь заговорила она, когда я, убрав вату, нанёс мазь и принялся перебинтовывать ногу. – Кто он такой?

– Не твоё дело, – один оборот, другой.

Закончив, я поднялся. Собрал вытряхнутые из аптечки таблетки в горсть и пошёл к двери. Чувствовал, что зверюш-

ка смотрит мне вслед. Запах ванили щекотал ноздри, действовал на нервы. Прикосновения к ней отзывались внутри меня напряжением, перед мысленным взором так и стояли длинные голые ноги и маленькие изящные стопы.

– Ты куда? – спросила она. Я услышал, как зашуршало покрывало.

– Это тоже не твоё дело, – остановился возле двери.

Она спустила ноги с края постели, одёрнула подол и теперь сидела, сложив руки на коленях, подобно выпускнице института благородных девиц.

– Если выйдешь из комнаты, – пройдясь по ней взглядом, выговорил я, не шутя, – запру тебя. И не здесь, Ева. Внизу. В цокольном этаже есть несколько подходящих комнат.

– Хочешь сказать, что запрёшь меня в подвале?

– Именно, – отрезал я и вышел в коридор, захлопнув за собой дверь.

Проклятая девчонка! Невеста...

Сбежав вниз по лестнице, зашёл в кухню и швырнул таблетки в ведро. Заметил Наталью.

– Несколько часов меня не будет, – выговорил, направляясь к выходу. – Никого на территорию не пускать.

– А если снова приедет ваш брат? Или ваша...

– Никого, – отрезал я жёстко и вышел в холл. Накинул кожаную куртку, достал из кармана связку ключей и, зажав в кулаке, вышел из дома под мелкий морозящий дождь.

Оказавшись в гараже, я сдёрнул брезентовый чехол с ав-

томобилия, стоящего ко мне ближе всего. Белый Хаммер с широким хищным бампером, простоявший без дела больше трёх лет, казалось, готов был сорваться с места, едва я сяду за руль.

Подойдя ко второй машине, я сдёрнул чехол и с неё, затем с третьей – до тех пор, пока передо мной не оказался чёрный Ягуар. Он-то и был мне нужен.

Пока меня не было, мои люди позаботились о том, чтобы всё здесь было в порядке.

Проведя ладонью по блестящему капоту Ягуара, я с удовлетворением открыл дверцу и сел за руль. Дверь гаража поднялась, стоило мне нажать кнопку на пульте. Чёрный Ягуар, подобно дикой кошке, заурчал и, изголодавшийся по свободе, сорвался с места.

Выехав за пределы территории особняка, я тут же прибавил скорость. Опустил стекло и вдохнул влажный, со смесью запахов пыли, сырой земли и прелых листьев воздух, понимая, что, вдыхая его, больше ничего не чувствую.

Та проклятая авария действительно изменила меня. Два с половиной года, проведённые в коме, последующая длительная реабилитация... Только зачем всё это? Там, в горах, я ни раз задумывался о том, что лучше бы мне было действительно сыграть в ящик. Но я выжил. Выжил и, вопреки всем условностям, правилам и законам логики, пришёл в себя тогда, когда все уже считали меня трупом.

– Проклятая жизнь, – процедил я, вжимая педаль газа.

Стрелка на спидометре, взвившись, перескочила отметку в сотню километров, после – в полторы. Ягуар, рассекая жёлтым светом фар пелену дождя, покорно нёсся вперёд. Да, красивый мощный автомобиль был покорен мне, тогда как оставшийся дома зверёныш...

– Откуда ты взялась? – выдавил я, глядя сквозь лобовое стекло на уходящую к горизонту полосу асфальта.

Вспышка. Висок пронзило болью, но останавливаться я не собирался – напротив, выжал газ до предела. До предела, на котором находился сам.

То, что когда-то казалось мне важным, потеряло значения. Грат стал чужим, деньги, еда, алкоголь больше не приносили удовольствия. Один день ртутью перетекал в другой – похожие друг на друга, словно близнецы, они сливались в пугающую бесконечность.

До тех пор, пока в этой бесконечности не появился странный зверёныш, а вместе с ней – раздражение, интерес и прочие, пусть и смазанные чувства, что мне казались уже невозможными. Зверёныш...

Боль в виске становилась сильнее. Стиснув зубы, я резко нажал на тормоза, и Ягуар, взвизгнув, встал поперёк дороги, вырывая фарами темнеющие стволы деревьев.

Звук тормозов, боль в плече, удар...

– Будь ты проклят, – сквозь зубы выдавил я и открыл бардачок.

Ожидания не обманули меня, как и память.

– Ну здравствуй, – взял я бутылку бренди, пролежавшую тут с тех самых пор, когда я сидел за рулём этой машины в последний раз. Подарок друга, по несчастливой случайности оказавшегося со мной в одной машине в день покушения. В отличие от меня, ему не повезло. А может быть, как раз наоборот...

– Видишь, Митька... – отпил глоток прямо из горла и сжал стекло. – Вот так вот...

Боль потихоньку отпускала, вздущаяся на виске вена пульсировала уже не так сильно. Заведя мотор, я выровнял Ягуар и снова повёл его вперёд к горизонту, в который упиралась полоса мокрой дороги.

Девчонка. Забавный зверёныш, которого я, хрен знает зачем, назвал перед братом своей невестой. Хотя... Действительно, почему бы нет?

Несколько мелких капель, собравшись в одну большую, ручейком побежали по стеклу.

– Почему бы и нет, – проговорил я вслух и, не останавливаясь, сделал ещё один глоток бренди.

Она, по крайней мере, вызывает во мне хоть что-то. Что именно – не важно. А когда надоест... Когда надоест, тогда будет видно, что дальше.

– Что скажешь, Митяй? – ещё один глоток.

Ответом мне, ясное дело, послужила тишина. Тишина и дождь, забарабанивший каплями по стеклу. Ни дать, ни взять, привет с того света. С того или с этого. Смотря, где

именно находился я сам. Ибо сказать этого с уверенностью я не мог.

И только малышка Маугли..., Девчонка, сумевшая пробудить во мне что-то живое.

В особняк я вернулся глубокой ночью. Оставив заляпанный грязью Ягуар возле дома, поднялся по крыльцу и, остановившись у двери, обернулся на дорожку. Фонтаны, несмотря на усилившийся дождь, по-прежнему были включены. Подсвеченные бледными лампами, они выделялись на фоне ночи бледными расплывчатыми силуэтами. Донёсшийся до меня крик птицы был коротким и нервным, словно кто-то, схватив, пережал ей горло.

Простояв несколько минут, я вошёл в дом, и меня тут же окутал едва ощутимый знакомый запах восточных пряностей с лёгкой примесью корицы. Но теперь к ним примешалось что-то ещё. Что-то, чего прежде никогда не было. Сладкое, раздражающее и одновременно вызывающее забытое напряжение.

Показалось?

Заперев дверь, я прислушался, но дом был погружён в тишину. Темноту разбавлял только падающий сквозь ветровое стекло свет стоящего у крыльца фонаря.

Не включая освещение, я прошёл вперёд, к лестнице, однако подниматься не стал – свернул в сторону кухни. Чёрный кофе, который я взял по пути обратно на заправке, был похож на жидкий дёготь. Ничего лучшего ждать и не стоило.

Внезапно до слуха моего донёлся шорох. Прищурившись, я всмотрелся в темноту, бесшумно втянул запах, присущий дому: восточные пряности, корица... Да, ваниль. Та самая ваниль.

– Сколько раз нужно повторить, чтобы ты меня поняла? – глухо спросил я и ударил по выключателю.

Глаза резанул яркий свет, сидящая на столе девчонка подскочила, едва не выронив коробку с конфетами, которую держала в руках. Несколько конфет, выпав, стукнулось о пол.

Спадающие на плечи, спину, деревянный стол волосы, перемазанные шоколадом губы...

– Я предупреждал тебя, что будет, если ты ослушаешь-ся? – вкрадчиво спросил я и, подойдя к столешнице, резко выдвинул ящик.

Достал один нож, убрал обратно. За ним другой – с широким лезвием и, посмотрев на неё, приказал:

– А теперь подойди ко мне.

– Руслан... – губы её шевельнулись почти беззвучно. – Я подумала... – она стояла, не двигаясь, и всё так же держала почти пустую коробку. – Подумала, что могу выйти на кухню и поесть. Я так хотела есть...

– Подойди ко мне, Ева, – проговорил я медленно, не сводя с неё взгляда. – Снова я должен тебе повторять. Снова, Ева, я должен повторять, хотя говорил, как сильно не люблю делать этого.

Несколько долгих, прошедших в тишине секунд, девчон-

ка смотрела на меня. Прямо, со страхом и вызовом. Только сейчас, в ярком освещении кухни, я заметил в радужке её глаз маленькие янтарные крапинки, придающие взгляду особенную выразительность.

Положив коробку на стол, она подошла ко мне. В каждом шаге её чувствовалась опаска и в то же время неповиновение, отразившееся во мне ещё большим гневом.

Едва между нами осталось около полуметра, я сгрёб ворот её платья. Дёрнул девчонку на себя, и она, как и днём на лестнице, потеряв равновесие, повалилась на меня, упервшись ладонями в грудь. Снова вздёрнула подбородок и упрямо посмотрела мне в глаза.

– Чёрт бы тебя побрал! – не выдержав, процедил я и рывком развернул её к себе спиной. Собрал в горсть волосы чуть ниже её лопаток и резким движением полоснул лезвием.

Тяжёлые, густые, они тёплым шёлком опутали пальцы, заструились по ладони.

– Ты что?! – на этот раз скрыть просочившийся наружу испуг она даже не попыталась.

Вывернувшись, попятилась, но далеко уйти ей не удалось – выпад, и я, припечатав её к столешнице, продолжил начатое.

– Руслан, нет! – запротестовала она в истерике, пытаясь увернуться.

Локон за локоном, прядь за прядью спутанные, с кое-где оставшимися колючками волосы падали к нашим ногам, по-

крывая пол.

Шумно дыша, Ева сделала ещё несколько попыток высвободиться, а после, смирившись, вцепилась в край столешницы и стояла так, пока я не отбросил нож в сторону.

– Повернись, – приказал, и она медленно, волком глядя на меня, развернулась ко мне лицом.

Нерешительно провела ладонью от виска до кончиков волос. Губы её дрогнули, взгляд опустился к ногам и снова метнулся ко мне.

– Так же нельзя... – выдохнула она, прижавшись ягодицами к столешнице. – Нельзя, – повторила тихо и снова провела по тому, что осталось от её косм.

Выглядела она теперь не столь экзотично, как прежде, но казалась... Дороже. Да, именно дороже. И, вроде бы, на первый взгляд ничего не поменялось, но черты лица стали казаться более выразительными, руки – изящными, а бёдра узкими и при этом не менее женственными.

– Кто тебе это сказал? – сухо осведомился я и, отойдя к столу, присел на край, почти так же, как сидела она до моего появления.

Неловко переступив с ноги на ногу, она оторвала задницу от столешницы. Ступила на чёрные пряди босыми ногами и, поняв это, опять посмотрела на пол. Присела, плотно сдвинув колени и, взяв несколько локонов, положила на ладонь, как будто всё ещё не верила, что они больше не имеют к ней никакого отношения.

– Только муж может... – она запнулась, наткнувшись на мой тяжёлый, суровый взгляд.

Только муж может?! Чёрная волна, что с разрушительной силой хлестанула по мне в тот момент, когда Ренат сунул мне проклятый золотистый конверт с приглашением, поднялась вновь и понеслась вперёд со страшной, неконтролируемой силой.

Сидя на столе, я разглядывал вставшую на колени девчонку и думал обо всём том, что случилось за сегодня. Обо всём, что уже случилось, что могло и не могло случиться. Об этом и не только.

Подвинув к себе коробку с конфетами, я взял одну – квадратную, из молочного шоколада. После нагнулся, подобрал с пола другую – из горького и, окликнув зверёныша, кинул ей.

Ловким движением она поймала её и, прежде, чем демонстративно глядя на меня положить в рот, подула.

Я невольно хмыкнул.

– Я твой будущий муж, Ева, – взял конфету из коробки и, подойдя, откусил половину. Затем положил на язык вторую и, взяв девчонку за плечо, рывком поставил на ноги. – Поэтому я имею право делать всё, что посчитаю нужным.

– Вначале ты говорил, что имеешь право делать всё, что считаешь нужным потому, что выложил за меня большие деньги, – напомнила она вполне серьёзно.

Я приподнял указательным пальцем её голову за подбородок. Большим пальцем стёр шоколад, оставшийся в уголке

её рта.

Да, девочка совсем не глупа. Совсем. Но это к лучшему. Глупая шавка никогда не сможет выучить больше трёх слов: на, гулять и место.

– Именно, – погладил её по скуле и отпустил. – Вначале я купил тебя. Ты понимаешь, к чему я веду? – холодно посмотрел ей в глаза.

Она поджала губы. Отвернулась и тряхнула головой. Ладошка её опять прошла по волосам, из груди вырвался выдох.

Посмотрев на нож, она неожиданно взяла его и, протянув мне, попросила:

– Обрежь ещё.

Пожалуй, ожидал я всего чего угодно, только не этого. Приподняв волосы у затылка, Ева отпустила их, и они, одновременно с вырвавшимся у неё стоном, рассыпались по спине.

– Так легко...

– Нет, – твёрдо проговорил я, положив нож туда, откуда она взяла его, однако моё «нет» должного действия на неё не возымело.

– Прошу тебя, – она опять посмотрела на меня. Свет падал на её лицо, делая янтарные крапинки глаз ещё ярче. – Это так... Я даже не думала, что они такие тяжёлые.

Я заколебался. На какой-то миг мне стало действительно жаль её. Вероятно, гриву, подобную той, что до этой ночи

таскала она, и можно считать достоинством, но как по мне, походит оно скорее на извращение.

– Повернись, – сунув еще одну конфету в рот сказал я и, как только она встала ко мне задом, выдвинул ящик, из которого до этого вытащил нож.

Нашёл ножницы с острыми лезвиями.

Да, так ей действительно было куда лучше – округлая задница, скрытая до этого, предстала передо мной во всей красе, как и икры её ног.

– Покороче, – услышал я, едва только щёлкнул лезвиями.

– Хватит с тебя этого, – резанул ещё раз, на уровне лопаток. – Не люблю короткостриженных.

Тут же мне вспомнилась жена одного хорошего знакомого. Маленькая брюнетка с короткими волосами цвета горького шоколада. Пожалуй, она была единственной женщиной из всех знакомых мне, кому это действительно шло.

Аверин, сукин сын... Он-то мне и нужен. Вернее, нужны мне документы для малышки Маугли, а он сможет решить эту проблему быстро и качественно.

– Завтра я приведу человека, который доведёт всё до ума, – сказал я, положив ножницы рядом с ножом.

Ева потрогала волосы, распушила их и облегчённо выдохнула. Наблюдая за ней, я думал о том, на что ещё, по её мнению, право есть только у мужа. Нужно будет непременно спросить её об этом. Но не сегодня.

– Приготовь мне чай, – сев за стол, бросил я. – Надеюсь, ты на это способна?

Глянув на меня, она легко прошлась по кухне и включила чайник. Взяла поднос и, достав из шкафчика чашки, поставила на нём вместе с сахарницей и блюдами. Положила салфетки, ложки.

– Ты же не будешь против, если я выпью чай с тобой? – спросила она, поднеся всё к столу.

Вначале я хотел сказать, что буду, но потом, глядя на то, как она выставляет всё передо мной, на её тонкие пальцы, решил, что компания её мне не помешает. А если не так... Если не так, в любой момент я смогу взять её за шкурку и вышвырнуть в холл.

– Не буду, – посмотрел на неё и, подняв с пола оставшиеся конфеты, кинул на стол. – Только достань что-нибудь из холодильника. Я хочу есть. Не забывай, что я твой будущий муж. Поэтому в твои обязанности входит не только подчиняться мне, зверёныш, но и ублажать меня.

– Ублажать? – руки её на миг застыли. – Мне казалось, у этого слова немного другое значение.

– У этого слова много значений, зверёныш, – я поймал её ладонь и, погладив большим пальцем по костяшкам, резко сдвинул, а потом выпустил. – И чуть позже мы с тобой дойдём до всех. А пока я хочу есть. Начнём с этого.

Глава 7

Руслан

– Вот уж не ожидал, что ты попросишь меня о чём-то подобном, – хмыкнул Аверин, развалившись в кресле.

Свадьба Рената, намеченная на пятницу, оказалась как нельзя кстати, – вчера Алекс со своей женой приехали в Грат, и я тут же набрал его номер.

Принёсшая поднос с кофе горничная принялась расставлять чашки на журнальном столике перед нами. Алекс окинул её оценивающим и при том лишённым каких-либо эмоций взглядом. Неспешно, скорее даже лениво прошёлся по заду, прикрытому коротким подолом форменного платья, по ногам.

Кофейник в руках девицы дрогнул, гость же, потеряв к ней всякий интерес, снова обратился ко мне:

– Какие сроки?

Я тоже откинулся в кресле. Под руку мне попался непонятно откуда взявшийся тут томик испанской поэзии на языке оригинала.

Покрутив, я бросил его на стол.

– Не люблю стихи, – прокомментировал я, немного поморщившись. Должно быть, когда-то случайно прихватил его вместе с другими книгами из библиотеки, а потом забыл приказать отнести обратно.

Давно стоило навести в доме порядок. После смерти бабки по наследству мне досталось много всякой ереси, куда больше бы пришедшейся по вкусу Ренату. Но раньше заниматься этим мне было некогда, а сейчас просто-напросто не хотелось.

– Сроки... – взял чашку кофе. – Это не горит. Но затягивать мне не хочется.

Алекс откусил кусочек от сахарного печенья. Застывшая в ожидании дальнейших распоряжений горничная начинала раздражать меня, и я, не глядя на неё, махнул рукой, приказывая убраться.

Кофе был неплох, но особого удовольствия не доставлял. Поднявшись, я достал бутылку коньяка. Плеснул в чашку и, подтолкнув коньяк по стеклянному столику к Алексу, сделал новый глоток. Да, так куда лучше.

– Мне нужна фотография, – Алекс последовал моему примеру. – И имя, – прежде, чем вернуть бутылку на стол, глянул на этикетку. – Старый добрый Хеннеси... ты как всегда верен себе, Рус. Рад, что ты снова с нами.

– Сомнительное удовольствие.

– Смотря, о чём ты, – он хрустнул ещё одним печеньем. – Если про коньяк – готов с тобой поспорить. Если про суку жизнь...

Я невесело усмехнулся уголком губ. За что всегда любил Аверина, так это за его умение воспринимать вещи такими, какие они есть, не приукрашивая реальности. Рано потеряв-

ший родителей, он не понаслышке знал, что такое дерьмо.

Алекс самый верный из всех возможных друг и такой же опасный враг для тех, кому не посчастливится перейти ему дорогу.

– Сука она и есть сука, – отозвался и, тряхнув головой, потёр переносицу. Головная боль накатила резко, резанула по нервам. Стиснув зубы, я шумно втянул носом воздух.

С тех пор, как кому-то сверху взбрело в голову, что со мной ещё не покончено, такое случалось нередко – вспышка – острая, сильная, длящаяся какие-то секунды и отступающая так же внезапно.

– Ты в порядке?

Поморщившись, я открыл глаза и встретился с пристальным, блестящим сталью взглядом Алекса.

– Ева, – выговорил, глядя на него. – Ева Алиева.

Ничего не ответив, он поставил чашку на стол рядом с блюдцем. Прищурился и поднялся с кресла. Я наблюдал за тем, как он, пройдясь по гостиной, остановился возле бара. Выбрал самый лучший, выдержанный виски.

– Значит, Алиева? – подойдя, он привалился бедром к боку кресла и, держа бутылку за горло, покачал ею. – Надеюсь, ты не против, если я возьму это, чтобы отметить? Ева...

– Сколько я тебе должен?

– Считай, что это будет мой тебе свадебный подарок, – он кинул виски в кресло и посмотрел на дверь прежде, чем я уловил едва слышный звук шагов. Зверёныш.

Одетая во вчерашнее платье, она вошла в гостиную и остановилась, заметив Алекса.

– Иди сюда, – приказал я, поманив её пальцем.

Приблизившись на несколько шагов, она снова встала. Я почувствовал знакомое раздражение, что она будила во мне с такой лёгкостью. Раздражение, желание подчинить её, и чёрт знает, что ещё. Босая, она ступала по ковру, и стопы её тонули в мягком ворсе. Завивающиеся у лица волосы подчёркивали красоту скул и глаз.

– Ева, – позвал я с нетерпением.

Судя по тому, что, пусть и с явным нежеланием, но она всё-таки подошла к нам, прозвучавшее в моём голосе она уловила.

– Вообще-то, мне всегда больше нравились рыжие, – взял её за подол и, подтянув к себе, со шлепком опустил ладонь ей на бедро. Погладил, немного приподнимая платье. – Но эта, как видишь, – заставил её обернуться вокруг своей оси, во всей красе продемонстрировав Аверину, – тоже ничего.

Зверёныш попробовала отступить, но я не дал. Напротив, вынул сесть к себе на колени. Ноздри тут же щекотнул сладковатый запах ванили. Я стиснул её ляжку, сам не зная, чего хочу – почувствовать её ближе или отшвырнуть от себя. Дёрнувшись, она хотела встать.

– Сидеть! – приказал, снова несильно ударив её по ноге.

Достал мобильный и сделал несколько снимков. Получилось так себе, и я тут же стёр их. Сгрёб её волосы, повернул

лицом.

– Мне так не нравится, – запротестовала она, пытаясь убрать мою руку. – Руслан! Мне так не нравится.

– Меня не волнует, что тебе не нравится, – отрезал я. Поправил волосы и снова сфотографировал, а после всё-таки столкнулся с коленей.

На этот раз фотографии получились вполне подходящими для того, чтобы отправить их Алексу, что я тут же и сделал. Краем глаза заметил, как пальцы девчонки коснулись лежащей на столе книги.

– Можно я возьму? – спросила она прежде, чем я успел сказать ей, чтобы положила на место.

Я посмотрел на неё с интересом, опустил взгляд на томик стихов, который она держала в руках и, забрав его, жёстко выговорил:

– Иди к себе.

Положив книгу на другую сторону стола, я посмотрел на Алекса. Всё так же сидя на подлокотнике, он молча рассматривал мою будущую жену. Внимательно, совсем не так, как смотрел на горничную, принёсшую нам кофе.

– Хочешь эту книжку? – внезапно спросил он и, взяв томик, показал ей.

Она недоверчиво глянула на тарабарщину в его руках, потом на меня, как будто не знала, как себя вести.

– Возьми, если хочешь, – я взял со стола кофе. – Только сомневаюсь, что тебе это будет интересно.

С опаской она приблизилась к Алексу и взяла протянутый томик. Прижала к себе и тут же попятилась, как будто побавалась его.

– Спасибо, – несмотря на опаску, читающуюся в каждом её движении, сказала она, а потом повторила то же самое уже мне: – Спасибо, Руслан.

– А теперь пошла вон отсюда.

Едва она исчезла, Алекс пристально посмотрел мне в лицо.

– Где ты её взял?

– В питомнике, – признался я, ибо знал – Аверин не из тех, кто будет разносить сплетни. Да и особой тайны из этого делать я не собирался. Зверёныш он и есть зверёныш. Надоест – отправлю обратно.

– Я так и подумал, – он допил кофе. Достал телефон и просмотрел снимки. – Неплохой выбор. Только...

– Что?

– С этими девочками из питомников стоит быть поосторожнее, – хмыкнул он собственным мыслям. – Знаешь ли... Вначале приведёшь в дом, потом фамилия в паспорте...

– Просто зверёныш, – твёрдо сказал я и плеснул в пустую чашку коньяк. – Просто зверёныш.

Никогда раньше стены не давили на меня так, как теперь. Временами я начинал ловить себя на мысли, что собственный дом напоминает мне склеп. Ни большие окна, ни наполненное воздухом пространство и добротная деревянная ме-

бель не могли избавить от этого ощущения.

Пару раз мелькнула мысль вернуться в горы, однако я понимал – этого мне тоже не хочется. Как ни крути, в Грате я всегда чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было. Серое низкое небо с порой пронзаемыми солнечными лучами тучами, плеск холодного моря...

Именно к морю я и поехал, едва только проводил Алекса.

Стоя на гранитной набережной смотрел на пришвартованные корабли, вслушивался в истеричные крики горластых чаек и вбирал в лёгкие свежий, пропитанный солью воздух.

Дующий с моря ветер хлестал меня по лицу, пробирался под свитер.

Наблюдая за похожими на муравьёв грузчиками, снующими туда-сюда с ящиками, я поймал себя на том, что в какой-то степени завидую им.

Чёрт возьми! Да, я завидовал им. Потому что каждый из этих муравьёв хотя бы понимал, чего ему нужно от проклятой жизни: койка, кусок хлеба и немного денег, чтобы подложить себе под бок дешёвую шлюху из местной забегаловки или, придя домой, сунуть вечно недовольной жене.

Постояв ещё немного, я спустился к причалу. Навстречу мне попался приземистый парень с обветренным лицом. Жилетка, что была на нём, была в нескольких местах порвана, но для подобной работы лучшего и не требовалось.

– Кто здесь главный? – сухо спросил я, остановив его.

– Пройди туда, – бросил он, недовольный тем, что его отвлекли, и кивком указал мне на конец причала, где, перекриваясь, разгружали груз ещё несколько подобных ему.

Ничего не ответив, я пошёл было дальше, однако почувствовал направленный мне в спину взгляд и остановился.

Парень опустил ящик на землю.

– Руслан Каримович? – голос у него был грубый, как будто заветренный точь-в-точь, как и лицо.

Узнал, значит.

Я смерил его взглядом и, ничего не сказав, продолжил путь. Стоящая вокруг суета порта была знакома мне с самого детства, как и пропитанный запахами соли, рыбы и соляры воздух.

Чем дальше я дышал им, тем явственнее понимал, что внутри меня всё-таки ещё есть нечто живое. Только этот запах и мог заставить меня чувствовать. Нет... Этот и ещё совершенно другой – сладковатый запах ванили. Зверёныш... Моя малышка Маугли.

– Руслан Каримович? – на этот раз спрашивать мне ни о чём не пришлось. Мужчина – высокий, сухопарый, отвлекся от работы и сам подошёл ко мне.

– Так понимаю, вы отвечаете тут за разгрузку? – в ответ спросил я.

Ветер снова хлестанул по лицу, принёс с собой запах свободы, волны ударились о причал. На лицо упало несколько мелких капель, похожих на водяную пыль – как и вчера тучи

решили выжать из себя хоть какую-нибудь дрянь. Лежащий рядом брезент зашуршал вместе с очередным порывом, мужики ругнулись, обложив Грат на чём свет стоит, но никто из нас не обратил на это внимания.

– Да, – коротко ответил мужчина.

Старый морской волк – видно без слов. Лицо грубое, на щеках многодневная щетина.

– Что в ящиках? – посмотрел на выгруженный с судна контейнер.

Мужчина тоже повернулся в ту сторону.

– Партия вина, – отозвался он. – Хотите проверить?

Я задумался. Собственно, всё это мне было нахрен не нужно. С другой стороны... Ветер, особенно сильный тут, у моря, на причале, шумел в ушах, трепал волосы.

С другой стороны, почему бы и нет?

Сунув руки в карманы кожаной куртки, я проводил взглядом уходящий в море корабль.

– Да, хочу.

Девчонку я нашёл в гостиной. Свернувшись клубком в уголке дивана, она сидела, зажав в тонких пальцах раскрытую книгу.

– В чём дело? – резко спросил я, заметив, что глаза у неё мокрые.

Весь день я провёл в порту. Ветер, море и чайки... А теперь этот чёртов запах ванили.

– Это так... – она подняла на меня взгляд. Губы её дрогнули. Я невольно глянул на её ноги, на стопы с аккуратными пальцами и изящные лодыжки. – Так красиво, Руслан.

Пальцы её так и лежали на раскрытых страницах.

Забрав книгу, я понял, что это та самая испанская ересь, которую я отдал ей утром. Кинул обратно на диван.

– Хочешь сказать, что хоть что-то поняла? – я продолжал рассматривать её.

Спустив ноги с дивана, она оправила подол и, дотянувшись до книги, положила её на столик. Смахнула слезинку.

Впервые за долгое время я чувствовал голод. Голод и усталость – приятную, ноющую. И теперь ещё... Проклятье! Её узкие аккуратные стопы, её ноги: она волновала меня, и с каждым разом я понимал это всё отчётливее.

– Конечно, – отозвалась она как само собой разумеющееся. Вздохнула – немного неровно, тяжело. Грудь её приподнялась и опала. – Эти строчки...

– Где ты выучила испанский, Ева? – я опять почувствовал раздражение. Пожалуй, всё-таки стоило задать малышке Маугли несколько вопросов, хоть делать этого у меня всё ещё не было никакого желания.

Отвечать она не спешила. Замялась, разглаживая подол платья, посмотрела на свои сжатые коленки.

– Где твои родители? – попробовал я иначе, пытаюсь сохранять остатки самообладания.

Чтобы как-то отвлечься, взял пульт и включил плазму.

На экране тут же замелькали кадры рекламного ролика, молодая кобылка продемонстрировала широченную улыбку, призванную, очевидно, сидящих у экранов потребителей броситься скупать зубную пасту, которую она настойчиво расписывала во всей красе.

– Не знаю, – после недолгого молчания сказала она, смотря при этом на экран. Потом всё-таки отвлеклась и посмотрела на меня.

Я щёлкнул кнопкой на пульте. Рекламу сменил выпуск вечерних новостей – хоть что-то дельное. Бросив пульт на кровать, я подошёл ближе к Еве.

– Где ты выучила испанский, – повторил размеренно. – Ты помнишь про то, что я тебе говорил? Про то, что не люблю повторять одно и то же дважды? Ева... Ты слишком часто заставляешь меня делать это.

– Я... – она опять замялась.

Репортаж сменился, на экране замелькали знакомые горные пейзажи, и я невольно отвлёкся.

– Сегодня утром у обочины дороги между посёлками... – заговорил появившийся в кадре репортёр. – Смерть наступила в результате пулевого ранения в затылок. Погибшая – сорока восьмилетняя местная жительница Семёнова Анна...

Как всегда. Ничего нового, ничего стоящего. Потеряв интерес к новостям, я хотел уже надавить на так и молчавшую Еву.

– Откуда ты бежала? – подошёл вплотную и дёрнул на пле-

чо на себя, заставляя отвести взгляд от экрана и тут понял, что она сидит ни жива, ни мертва.

Бледная, она посмотрела на меня и, судорожно сглотнув, спросила надтреснутым голосом:

– Это ведь новости? Не кино?

– Не кино, – подтвердил я, внимательно наблюдая за ней. Потом снова посмотрел на экран, отметив про себя, что чуть позже нужно будет обязательно пересмотреть репортаж. Местная жительница сорока восьми лет и моя малышка...

– Ты её знаешь? – я сильнее сжал плечо девчонки. – Отвечай!

– Нет, – поспешно соврала она.

А в том, что соврала, я не сомневался.

Глава 8

Ева

Оставшись одна в своей комнате, я растеряно осмотрелась и, совершенно опустошённая, села на пол возле постели. Подтянула к себе колени и, обвив их руками, уткнулась лбом. Анна...

Если бы не она, мне бы никогда не удалось выбраться за пределы пансионата. Если бы не она, я бы сейчас...

Застонав, я коснулась ладонями ковра. Руслан не поверил мне, и я это знала. Почему не продолжил расспрашивать? Почему отпустил, приказав переодеться к ужину? К ужину...

Просидев ещё несколько минут, я заставила себя подняться. Только сейчас заметила лежащую на кровати коробку, но, достав платье, не смогла даже взглянуть на него. Снова обессиленно опустилась на пол и, зажав в руках мягкую ткань, всхлипнула.

– Простите меня, – вырвалось у меня с глухими рыданиями. – Простите меня, Аня. Если бы не я...

Сделав надрывистый вдох, я заставила себя подавить рыдания. Если бы не я, она была бы жива. Из-за меня она получила эту пулю. Из-за того, что помогла мне сбежать. И я даже знала, кто нажал на курок. Кто-то из тех, кто всегда сопровождал Бориса. Один из его телохранителей, а может

быть, и он сам.

– Ты опоздала, – сказал Руслан, стоило мне появиться в кухне.

Он стоял прямо напротив двери, опираясь о стол. Руки его были скрещены на груди, взгляд направлен прямо на меня.

Вздрогнув, я остановилась. Что говорить ему, если он снова начнёт задавать вопросы? Уже почти готовая сказать ему о пансионате, о своём побеге, сейчас я не была уверена, что стоит делать это.

– Извини, – сдавленно отозвалась и подошла ближе, не дожидаясь, пока он повторит.

Злить его не стоило, тем более что, кажется, он и так был мной не очень доволен.

Пройдясь по мне взглядом Руслан, ничего не сказав, взял со стола бутылку и откупорил её. От негромкого хлопка я вздрогнула и тут же заставила себя успокоиться. Не думать об Анне, не думать о том, что случилось. По крайней мере, пока я снова не останусь одна.

– Тебе идёт этот цвет, – протянув мне бокал, сказал Руслан.

Цвет... Я вспомнила про новое платье. Нежно-розовое, с кружевной отделкой, оно и правда было настолько красивым, что, надев его, я с минуту простояла у зеркала.

– Оно очень красивое, – честно сказала я. – И кружево... – коснулась груди, где поверх ворота шла изящная отделка,

без которой вырез был бы просто непристойным.

– Кружево... – он приблизился, дотронулся до кружева, украшающего ворот платья и, внезапно сжал его. – Это лишнее, – дёрнул.

Я ахнула, когда ткань, затрещав, подчинилась его силе.

Он дёрнул снова, обрывая его до конца.

– Так лучше, – провёл пальцами по краю ворота, по груди. – Да, так намного лучше, – выговорил немного сипло, неспешно и отбросил кусок платья к столу.

Ладонь его опустилась на моё бедро. Бокал у меня в пальцах дрогнул, когда Руслан, обхватив ягодицы, смял их – грубо, без церемоний.

Дыхание его коснулось моего лица. Резко прижав к себе, он потёрся о меня пахом, и я ощутила его твёрдость. Так же было с Борисом, когда он трогал меня. Вот только... Страх, поднявшийся внутри, неожиданно смешался с какой-то незнакомой раньше тревогой.

Бокал в руках дрогнул. То, что Руслан налил, прохладой плеснулось на кисть. Кажется, это было белое вино. Где-то на краю сознания мелькнуло, что белое вино обычно подают прохладным. А к нему...

– И это тоже лишнее, – собрав подол, он рванул кружево, идущее по низу.

– Не надо, – горячо попросила я, когда оно не поддалось с первого раза. – Пожалуйста, Руслан. Оно такое красивое. Оно так мне нравится.

– Что нравится тебе – не важно, – процедил, разрывая платье. – Главное, что нравится мне.

Демонстративно он разжал кулак, позволяя обрывку ткани упасть. Забрал у меня бокал и сделал глоток, а после резко собрал мои волосы, заставив запрокинуть голову и грубо впился в губы.

– М-м... – попробовала я отвернуться, но он потянул сильнее.

Язык его оказался у меня во рту. Не понимая, что происходит, я судорожно глотнула воздух. Упёрлась ему в грудь ладонями, попробовала оттолкнуть, но он не сдвинулся с места.

Я задыхалась, терялась, чувствовала, как он сминая меня, чувствовала его напор, его жёсткую хватку. Язык его втолкнулся глубоко, лишая возможности дышать.

– Зверёныш... – просипел он, на миг отстранившись, и ещё крепче сжал мои волосы. Провёл по бедру и впечатал в себя.

– Прекрати! – я стала выворачиваться. – Перестань, Руслан! Ты мне ещё не муж! Так нельзя.

– А как можно? – раздражённо, даже разгневанно процедил он и толкнул меня к стене. – Как можно, Ева?!

Я сглотнула, глядя в его потемневшие глаза. Из груди моей короткими толчками вырывалось шумное, сбившееся дыхание. Губы болели, сердце несло галопом.

– Если мужчина берёт женщину для того, чтобы сделать

любовницей, – неуверенно начала я, вспоминая, чему нас учили в пансионате, – можно так. А если для того, чтобы жениться...

Он грязно выругался и стремительно схватил меня за подбородок. Всмотрелся в лицо. Слова закончились сами собой, как и мысли, пальцы его сжались до такой степени, что я поморщилась, взгляд пронзил меня насквозь.

– Я просто беру, – процедил он. – Беру, а потом решаю, зачем. Вещи, женщин. Всё, что захочу, понятно тебе? – подтянул к себе и тут же толкнул обратно к стене.

Я ударилась затылком, он же, не дожидаясь ответа, стремительно отошёл к столу. Казалось, только что он был возле меня, а в следующий миг уже оказался там.

Облизнув ноюющие, сухие губы, я прижалась спиной, понимая, что ноги подкашиваются. Смотрела на него и понимала – несмотря ни на что, он тот, кто подобрал меня ночью на дороге, тот, кто забрал меня в свой дом, тот, кто спас меня. Единственный, кого я знаю в этом новом странном, совершенно непонятном мне мире.

– Твоё вино, – вновь подал он мне бокал, когда я, на всё ещё подгибающихся ногах, подошла к столу.

Я сделала глоток, ожидая почувствовать привычную сладость. В пансионате нам объясняли, как пить вино, но... Языка коснулось нечто совершенно незнакомое. Лёгкие фруктовые ноты, кислинка, прохлада...

Пытаясь распробовать, я сделала несколько глотков.

– У тебя красивые ноги, – обойдя меня сзади, Руслан остановился у меня за спиной. Убрал волосы с шеи и неожиданно расстегнул молнию. Я ухватилась за спинку стула.

– Хороший вечер, Зверёныш, – опустил молнию до середины спины и так же резко застегнул обратно.

Не прошло и двух секунд, как он уже сидел за столом.

– Приятного аппетита, – кивнул мне на стоящую напротив тарелку и принялся за еду.

От его прикосновений на коже как будто остались горячие следы, волнение никак не желало проходить, во рту пересохло.

Я осмотрела стол, надеясь увидеть графин с водой, как это всегда было в пансионате, но его не оказалось.

– Я хочу пить, – призналась, присев за стол.

Ноги всё ещё подкашивались, взгляд, которым Руслан одарил меня, напомнил о прикосновениях. Я вспомнила твёрдость его паха и невольно сдвинула ноги.

– Так пей, – ответил он резко.

Захотелось прикрыться. Спрятаться от него, от его голоса, от черноты его глаз.

Бокал, ещё наполовину полный, стоял возле меня, и я, поколебавшись, взяла его. Под пристальным взглядом Руслана допила почти до конца и облизнула губы. Вкус был странным, не понятным мне, так же, как и ощущения, которые я почувствовала после тех первых глотков.

– Разве вино бывает таким? – допила последний глоточек.

Проигнорировав нож, Руслан насадил на вилку большой кусок мяса. Рванул зубами, как хищная птица, получившая свою добычу. Добыча...

Я сглотнула, перехватив его взгляд. Взяла бокал, но он был пуст, как и стоящая передо мной тарелка. Только сейчас я заметила это и теперь уже с непониманием посмотрела на Руслана.

Взяв кусок хлеба, он разломил его и макнул в стоящий на столе соусник. Подал мне, а после, так ничего и не ответив, встал. Обойдя стол, остановился у меня за спиной. Соус с хлеба потёк по моим и так уже облитым вином пальцам, ладонь Руслана опустилась мне на плечо, бокал снова стал наполняться.

– Именно таким и бывает вино, Маугли, – очень тихо, обманчиво мягко проговорил он, поглаживая мою руку.

Взял кисть и, положив на свою, погладил между большим и указательным пальцем и тут же с силой сдавил. Дёрнул меня, заставляя встать. Я оказалась прижатой к нему – лицом к лицу, глаза в глаза. Ощутила ладонь на пояснице.

– Белое вино сладкое, – сама не зная зачем, прошептала я, напуганная, перестающая что-либо понимать. В теле появилась непонятная лёгкость, голова немного кружилась. – И его не подают с мясом.

– В этом доме его подают с тем, с чем я прикажу, – он заправил прядь волос мне за ухо. Сжимая запястье, поднёс

руку ко рту и облизал соус с мизинца.

Меня заколотило, волнение, которое я испытывала до этого, было ничем по сравнению с тем, что я почувствовала, когда он принялся вылизывать следующий, а за ним ещё один. Не торопясь, то касаясь языком, то покусывая. Раздвинув безымянный и средний, он прикусил между ними и снова провёл языком и только когда соуса совсем не осталось, опять посмотрел в глаза.

Дышать я не могла, внизу живота всё стянуло, между ног заныло, и я, ещё больше напуганная, как можно плотнее сдвинула бёдра.

Подол платья медленно пополз вверх, я инстинктивно накрыла ладонь Руслана. Взгляд его полыхнул злобой, по скулам заходили желваки, черты лица моментально стали острее, жёстче.

Покорно убрав руку, я схватилась за спинку стула. Чем выше были его пальцы, тем чернее становились глаза, тем больше я чувствовала исходящую от него опасность.

Губ моих коснулась влажная мякоть хлеба. Соус – молочный, ароматный, попал на язык.

– Хорошим зверюшкам полагается лакомство, да, девочка?

Его слова согнали оцепенение, и я, отвернувшись, сделала шаг назад. Врезалась в стол и услышала, как упало на пол что-то из приборов.

– Не называй меня зверюшкой! – выпалила, чувствуя

непонятно откуда нахлынувшую злость.

Хотелось сделать что-то такое... За что в пансионате меня непременно бы наказали.

Голова стала кружиться сильнее, я чувствовала себя смелой. Такой смелой, какой ни в коем случае не полагается быть женщине.

– А как мне тебя называть? – он опёрся ладонью о стол. Осмотрел меня медленно – от лица до самых кончиков лёгких балеток, которые я нашла в комнате вместе с платьем.

– Ева! – выпалила я. – Меня зовут Ева!

– Я буду звать тебя так, как посчитаю нужным, Ева, – выговорил он, вдавливая меня в край стола, сделав при этом акцент на моем имени. – Не забывай, где я купил тебя.

– Где?! – я попыталась отодвинуть его, и он мгновенно перехватил моё запястье. Тут же сдавил, холодно глядя мне в глаза.

Где он меня купил?! Мне действительно хотелось знать это.

– В публичном доме?! – выкручивая руку, выплюнула я. – Или как это называется?! Там, где женщины продают себя?!

– В питомнике, – прочеканил он. – Где женщин никто не спрашивает. В питомниках, Ева, мужчины покупают себе зверюшек. Таких, как ты. Запомни: ты – моя комнатная собачка.

– Но на этой комнатной собачке ты собрался жениться! – горячо возразила я.

– А это уже моё право, – моё второе запястье оказалось в плену его ладони, как и первое.

Резко он толкнул меня на стул, обхватил затылок и заставил посмотреть на себя.

Я тяжело дышала, он же был совершенно спокоен. Тронул пальцем уголок моего рта, стирая оставшийся соус.

– Предлагаю всё же поужинать, – приказ. Он не предлагал, он приказывал. – Только вот я ошибся, – мягко помассировал голову и вдруг резко отпустил, толкнув меня к столу. – Сегодня ты была плохой девочкой, а плохим девочкам лакомство не положено.

Он взял из плетёной корзинки ржаную булочку с кунжутом и положил передо мной на тарелку. Рядом – два ломтика огурца и только после этого вернулся на своё место.

Схватив бокал, я залпом выпила вино. Глоток за глотком, пытаюсь прогнать дрожь, страх и всё ещё не прошедшее тянущее чувство внизу живота. Анна мертва, Борис... Его люди отвезли меня не к нему, а в питомник и, судя по всему, получили за это хорошие деньги. А это значит...

– Несмотря на то, что я тобой крайне недоволен, – сказал Руслан, собирая с тарелки подливу куском такой же, как и у меня на тарелке, булочки, – я разрешаю тебе выпить ещё вина. Как понимаю, никогда раньше ты его не пила?

Прежде, чем я успела ответить, он опять наполнил мой бокал.

– Я не знаю, – призналась честно. – То, что я пила, было

очень сладким и... – замялась. – И от него так не кружилась голова.

– Тогда пей, – уголок его губ приподнялся в какой-то недоброй усмешке, но я не предала этому значения.

Люди Бориса отвезли меня не к нему. А это значит... значит, что он, скорее всего, ищет меня. И если найдёт...

– Когда мы поженимся? – я отпила большой глоток.

Вино... Оно мне однозначно нравилось. Особенно нравилось появившееся после него ощущение лёгкости, смелости и свободы. Хрустнула огурцом и тут же сделала новый глоток.

– Скоро, Ева, – Руслан покачал свой бокал. Кажется, он даже не выпил первый. Откинулся на спинку стула.

Я нахмурилась, понимая, что кухня приобретает расплывчатые очертания, лёгкость, что я чувствовала, становилась какой-то уж... сильной.

– Скоро – это когда? – не выпуская из рук бокал, встала, но не смогла сделать и шага. Прижала свободную ладонь ко лбу.

– Завтра или послезавтра, – услышала я голос Руслана и тут же очередной приказ: – Сядь на место, Ева. Сядь и допей вино.

Не споря, я послушалась. Свет лампы был каким-то непонятным, шкафчики как будто кривились. А в мыслях у меня только и мелькало: если Борис найдёт меня... если найдёт...

– Он не должен меня найти, – прошептала я, цепляясь за

собственный подол. – Он не должен...

Слёзы вдруг подступили к глазам. Платье... Оно было такое красивое. И Анна. Она тоже была красивая, добрая. И ещё она...

– Это ещё что? – внезапно я увидела перед собой что-то тёмное.

Растерянно подняла взгляд и поняла, что это мужчина... тот мужчина, который должен стать моим мужем. Похожий на хищную птицу и забравший меня из... как его? Питомника... Руслан. Да...

– Русла-а-ан... – протянула я и прижала ладонь к губам, не сумев подавить икоту. Всхлипнула. – Оно... – провела по оборванному подолу платья и, не сдержавшись, зарыдала.

Глава 9

Ева

– М-м-м... – против воли застонала я, повернувшись на бок.

Не помню, чтобы хоть раз в жизни я чувствовала себя так ужасно. Голова была настолько тяжёлой, что я не могла оторвать её от подушки. К тому же, сильно хотелось пить.

Облизнув сухие губы, я снова потихоньку застонала и, уперевшись ладонью в постель, заставила себя приподняться.

Картинка перед глазами покачнулась, локоть подогнулся. Ощущение было такое, что... Я и сравнить это ни с чем не могла.

– Проклятое вино... – прошептала, с трудом усевшись в постели, и уткнулась лбом в колени.

В том, что виновато именно оно, я не сомневалась. Нам ведь говорили... Говорили, что пить много нельзя ни в коем случае. Вот только сколько это много я не помнила.

Что-то было не так. Волосы, скользнув по спине, щекотнули бок. Платье... Вчера я была в платье, а сейчас... Внезапное понимание, что я не помню, как оказалась у себя в комнате, пришло столь отчётливо, что заглушило всё остальное.

У себя в комнате? Вскинув голову, я осмотрелась. Комната была не знакома мне: не многим больше, чем та, куда при-

вели меня, она отличалась характером. Именно характером, безошибочно говорящим о том, кому она принадлежит. Мебель из тёмного дерева, портьеры шоколадного цвета на окнах, полка на противоположной стене, где, наряду с небрежно лежащих одна на другой книг в толстых переплётах, стояли деревянные фигурки – индийский слон, сфинкс... Рядом, на той же стене – три ножа. Один большой и два поменьше.

Сглотнув, я сжала кулон. Руки покрылись мурашками от осознания: я обнажённая в комнате Руслана. В его кровати. А в голове ничего. Пустота. Только тяжесть и туман.

Кажется, я ела хлеб, а потом, кажется, сжимала подол платья и... Что было последним?! Что?!

В панике я отбросила одеяло, встала. Под ногами было что-то мягкое. Шкура... Шкура зверя.

– Доброе утро, зверёныш, – услышала я голос Руслана и, переведя взгляд, увидела его, остановившегося в дверях.

Черты лица его как всегда были жёсткими, взгляд цепким, пристальным. Прикрыв грудь рукой, я сдвинула ноги, открыла губы, не зная, чего сказать.

– Ты специально дал мне столько вина вчера? – всё-таки выдавила, не собираясь молчать. Получилось немного истерично. – Специально, да?! Почему я ничего не помню?!

– Во-первых, – он не сдвинулся с места, – смени тон, – от голоса его веяло холодом, таким же холодным был и взгляд. Непроницаемая морозная темнота. – Во-вторых...

– Что во-вторых?! – меня вдруг стало потряхивать. Я стояла перед ним совершенно голая, не помнящая ничего из последних часов. Что между нами было?! Что?! Я должна была это помнить! И... должна была хоть что-то чувствовать!

– Во-вторых, – пальцы его сжались на моём локте прежде, чем я успела сделать хоть шаг назад. Дыхание перехватило на вдохе. Он был совсем близко, в миллиметрах, холод его взгляда пронзал насквозь. – Если ты помнишь, я тебе ничего не давал. Ты вполне охотно пила сама.

– Но ты бы мог предупредить, – сглотнув, я дёрнула локоть, пытаясь отступить от него.

Запах его одеколona пробирался в лёгкие, возвращая меня во вчерашний вечер. Короткими неясными воспоминаниями мелькнули ступеньки под ногами, его ладонь на моей талии.

Ткань рубашки соприкоснулась с моей голой грудью, щекотнула сосок. Его пальцы... Я вдруг вспомнила, как он, стоя у меня за спиной, шумно дышал, как мял грудь и рычал что-то, потираясь о мои голые ягодицы.

Меня обдало жаром, потом холодом.

– Ты специально сделал это, чтобы я была послушной в постели?! – я стала вырываться сильнее. Гнев усилился, подпитанный моим же собственным бессилием. Женщина не должна себя так вести. Не должна, но... – Чтобы заняться со мной сексом?!

Внезапно пальцы его, до боли сдавливавшие мой локоть,

разжались, и он засмеялся. Громко, запрокинув голову. Его смех, сиплый, немного рваный, сдавленный, царапал меня всё тем же холодом, вонзался острыми шипами.

– Разве я сказала что-то смешное? – выпалила я.

Схватила с кровати одеяло, чтобы прикрыться, но не успела. Выдернув, Руслан швырнул его на пол. Меня он больше не касался. Только взгляд его, как и прежде, проникал, пронзал насквозь.

– Если я захочу заняться с тобой сексом, Ева, – на лице его не было и тени улыбки, – я это сделаю. Для этого мне не нужно давать тебе вино. Для этого мне вообще ничего не нужно,

Он снова сократил расстояние, положил раскрытую ладонь мне на талию. Как вчера. Да, именно так и было, когда мы поднимались по лестнице, когда мы... когда мы зашли в его спальню.

– И ты будешь послушной. Ты будешь такой, какой я захочу тебя видеть, – поглаживая кончиками пальцев, добавил он.

– Если захочешь? – отстранилась и подняла одеяло. Прикрылась им. – Значит, сегодня ты не хотел? У нас ничего не было?

Не ответив, он отошёл к шкафу, на ходу расстёгивая пуговицы рубашки. Одна за другой, они проходили сквозь петли, открывая моему взгляду его покрытую колечками тёмных волос грудь. Высокий, поджарый, с жилистыми руками

и крепкими плечами...

Неожиданно смутившись, я заставила себя отвернуться. Но уловив, как он скинул рубашку, не удержалась и снова посмотрела на него.

– Сегодня прохладно, – сказал он, всё так же не глядя на меня. – Наталья принесёт тебе подходящее платье.

Натянув через голову тонкий свитер под горло, Руслан пошёл к двери. Остановился.

Я по-прежнему стояла возле постели, прижимая к себе одеяло. Волосы мои, должно быть, растрепались. Раньше мне постоянно приходилось собирать их в косу, а теперь... Теперь я не могла заставить себя сделать даже хвост.

– Пьяные женщины не вызывают у меня ничего, кроме отвращения, – презрение, с которым он это выговорил, не вызывало сомнений. – Вчера ты была отвратительна.

– И тем не менее, ты хотел меня, – не удержалась я, отчётливо помня твёрдость его паха, его глухое рычание и жаркое дыхание у себя на шее.

На это он ничего не сказал. Дошёл до выхода из комнаты и только там снова обернулся.

– Приведи себя в порядок, – приказал он жёстко. – Скоро к нам приедут гости.

– Гости? – я подтянула одеяло.

– Алекс, – отозвался Руслан так, словно снизошёл до ответа. – Ты видела его вчера утром. Алекс и его жена Стэлла.

Дверь за ним закрылась, а я всё так же продолжала стоять на месте. Только спустя несколько секунд присела на край постели. Опустила взгляд и снова увидела звериную шкуру у себя под ногами. Вот так, наверное, может быть и со мной. Зверёныш...

Наклонившись, я дёрнула угол шкуры в сторону. Тяжёлая, она поддавалась не сразу, но я всё же отодвинула край, чувствуя, как внутри полыхает так и не погасший гнев.

Выходит, ничего у нас не было. Только вот ощущение жаркого дыхания на шее, ладоней на бёдрах... Это было точно. И в тот момент отвратительна я ему вовсе не была.

– После завтрака придёт стилист, – сообщила та самая Наталья, что принесла мне платье.

Я как раз достала его из коробки. Бордовое, с воротником под горло, оно было таким же мягким, как и свитер, который я достала из шкафа Руслана в ночь нашей встречи.

– Стилист? – переспросила, аккуратно перекинув платье через руку. – Ко мне?

На этот раз на платье не было ни кружевной отделки, ни чего-либо лишнего. Простое, однотонное, с длинными рукавами.

С сожалением я подумала о том, которое разорвал Руслан накануне вечером. Такое красивое... Наверное, я смогла бы починить его, пусть даже прежним оно уже не было бы. Вот только ничего, помимо белья и балеток в комнате я не нашла.

Раньше у меня никогда не было ничего похожего. Ком-

плект одежды для занятий танцами, два каждодневных платья, два комплекта нижнего белья и две ночные сорочки. Каждый год старую одежду у нас забирали и давали новую, всё остальное же, необходимое для занятий, мы получали непосредственно перед ними.

– Да, – подтвердила Наталья. – Руслан Каримович пригласил лучшего стилиста Грата, чтобы он поправил ваши волосы.

– С моими волосами что-то не так?

Наталья замешкалась. Я понимала, что некоторые мои вопросы звучат странно, что, должно быть, я сама кажусь ей несколько странной, вот только она понятия не имела, насколько странным кажется мне эта новая действительность. Дом, наполненный незнакомыми запахами, еда, какой я раньше никогда не то что не пробовала – не видела, сладости, свободно лежащие в кухонном шкафчике. Кофе...

Простые и обыденные, как я успела понять вещи, были мне совершенно не знакомы.

Снова и снова я задавалась вопросом кто я и откуда сбежала той дождливой ночью? Вся моя жизнь прошла на нескольких принадлежащих Борису гектарах земли. Вся, сколько я помнила себя.

– Было бы неплохо подравнять их, – наконец сказала она. Я кивнула.

Примерно так я и думала, хотя полностью уверена не была. Торчащие кончики не нравились и мне самой. У всех

женщин в пансионате волосы были подстрижены ровно, даже если опускались только немного ниже плеч.

– Конечно, – согласилась я

– Переодевайтесь, Ева, – посчитав, очевидно, разговор законченным, Наталья взялась за ручку двери. – Руслан Каримович уже ждёт вас.

Как только она ушла, я размотала полотенце, в которое обернулась, приняв душ. Сложила его на постели и надела свежее бельё. Новый комплект белья, платье, туфли... Это тоже было для меня странным. Как же я сглупила, приняв Руслана за простого рабочего. Кто он, я не знала. Понимала только, что у него не просто есть деньги – он богат. Причём очень богат. И ещё он привык, чтобы окружающие слушали его и подчинялись.

– Ты тоже должна подчиняться, – напомнила я себе.

Только вопреки сказанному что-то внутри отозвалось протестом.

Анна всегда говорила, что я должна усмирить свой характер, быть более ласковой и мягкой. Что для воспитанницы пансионата я слишком дерзкая, неусидчивая и непокорная. И ещё она говорила, что, если бы не всё это, я бы могла достичь куда больших успехов в обучении. А так... высший балл – удовлетворительно что по рукоделию, что по живописи. Вот только, признаться честно, всё это я терпеть не могла.

Одевшись, я несколько раз провела по волосам найденной в ванной расчёской. Зубчики с трудом справлялись с воло-

сами, но делать было нечего. Как сказала эта Наталья? Лучший стилист Грата?

Посмотрев на своё отражение, я расправила плечи, провела ладонью по боку, по мягкой ткани и надела вишнёвые туфли на достаточно высоком устойчивом каблуке.

Засмотрелась на собственное отражение. Такой я себя никогда не видела.

– Как будто леди... – шепнула собственному отражению и улыбнулась. – Как в кино.

Придерживаясь за перила, я аккуратно спускалась вниз по лестнице. Нога болела всё так же сильно и, хотя туфли были удобными, быстрее у меня не получалось.

Ещё издали я услышала раздающиеся из холла голоса – голос Руслана и, судя по всему, того самого Алекса, что был в гостиной, когда я так неосмотрительно вошла туда в прошлый раз.

Несмотря на то, что я уже слышала его, он казался мне совсем незнакомым. Да и что удивляться? Этот мужчина... Он казался настолько опасным, что боязно было даже встречаться с ним взглядом. Было в нём нечто, делающее его схожим с людьми Бориса, только более сильное.

Едва я спустилась, к мужским голосам примешался ещё один – женский. Мягкий, приятный. Его обладательница коротко засмеялась, и в голосе её стали заметны чуть сиплые нотки.

Пройдя вперёд, я увидела Руслана, а вместе с ним его го-

стей. Это в самом деле был тот самый мужчина – Алекс. А рядом с ним...

Сопровождающая его женщина выглядела, мягко говоря, странно: маленького роста, одета она была в кожаную куртку и узкие джинсы. Вместо туфель или, хотя бы, аккуратных сапожек – ботинки, какие обычно носят только мужчины, да и то занимающиеся тяжёлой работой. А волосы...

Стоило мне подойти, Алекс окинул меня взглядом и сказал, обращаясь к Руслану:

– Неплохо ты её укатал, Рус, – уголок его рта дёрнулся.

– Алекс! – тут же гневно выпалила его спутница, потихоньку покачивая завёрнутого в бледно-розовое одеяльце ребёнка, которого держала на руках.

Пожалуй, только ребёнок и делал её хоть сколько-то женственной. Если бы это увидели наши наставницы...

Она поджала губы и качнула головой, с недовольством глядя на него снизу-вверх.

– Это Ева, – Руслан опустил ладонь на мои ягодицы и подтолкнул вперёд.

– Стэлла, – кое-как она перехватила малыша и протянула мне руку. На запястье её блеснуло несколько тонких серебряных браслетов.

– Ева, – неуверенно сжала её ладонь.

Ладонь её была узкая, пальцы аккуратные, длинные, с тёмным лаком на ногтях. Почему-то мне казалось, что так здороваются только мужчины, но...

На Алексе тоже были ботинки. Почти такие же, как у Стэллы, только ещё грубее. Вот только что он не рабочий, я знала наверняка. Промашки с Русланом хватило, чтобы не делать поспешных выводов.

– Очень приятно, – проговорила Стэлла и снова взяла ребёнка обеими руками.

Лицо у неё было красивым даже несмотря на ужасные короткие волосы. Высокие скулы, в меру пухлые, как и у меня, губы, правильная линия носа.

Я с трудом сдержалась, чтобы не спросить, почему она так странно одета. Штаны нам разрешали носить только на некоторых, требующих того занятиях, в остальное время это было под запретом.

К чему эти ужасные ботинки?! Штаны, кожаная куртка?! Неужели ей нравится одеваться в вещи, которые предназначены для мужчин?!

– Дай её мне, – Алекс умело забрал девочку. В его руках она казалась совсем крошечной. Посмотрев в маленькое личико, он попросил, обратившись к Стэлле: – Отдай Русу паспорт.

– Он в кармане? – спросила она, и, не успев Алекс ответить, в пальцах её оказалась маленькая книжка.

Я так и опешила. Это паспорт? Если да, как она смогла настолько быстро достать его?! Она ведь только тронула край куртки и...

– Ловкость рук, – видимо, заметив моё удивление, пояс-

нила Стэлла.

Уголок губ Алекса опять дрогнул. Руслан приобнял меня за талию и, взяв у Стэллы паспорт, открыл. Я увидела собственную фотографию и имя. А в графе фамилия...

– Алиева Ева Константиновна, – прочитала я негромко вслух. – Почему Алиева? – спросила у Руслана.

Он закрыл паспорт, убрал в карман и только потом ответил, ещё ближе прижимая меня к себе.

– Потому что с этого момента ты носишь мою фамилию, зверёныш.

Наклонился и очень тихо, вкрадчиво, так, что у меня побежали мурашки, добавил:

– С этого момента ты моя жена. А я твой муж, и мои желания для тебя – закон. Единственный закон, которому ты должна безоговорочно подчиняться.

Глава 10

Ева

– Увидимся на свадьбе, – Руслан крепко пожал руку Алексу и коротко кивнул его жене, утвердив меня в мысли, что рукопожатие – жест, имеющий отношение только к мужчинам.

– Как ты смотришь на то, чтобы на днях выйти в море? – спросил Алекс, открыв дверцу со стороны водителя.

Море? Мне вспомнилась полоска воды, которую мы проезжали по пути в аэропорт, линия горизонта, в которой глубокая синева сливалась с другой – освещённой солнцем. Но то море осталось далеко...

Про какое море он говорит? Или Руслан собирается вернуться в горы? Несколько минут, что Алекс и Стэлла пробыли у нас, хватило, чтобы понять – этот мир совершенно мне не знаком. При том, что слова остались теми же, многое было за гранью моего понимания. И вот снова...

– Мы задержимся в Грате на несколько дней, – продолжил тем временем Алекс. – Так что если будет желание...

Уложившая ребёнка в люльку на заднем сиденье огромной машины Стэлла поправила кожаную куртку и, подойдя к Алексу, запустила руку в его карман. Даже сейчас, в тусклом свете непривычно серого дня, камни в её браслетах играли, переливались так же, как и те, что были в серёжках.

– Я поведу, – сказала она, вытащив брелок от машины и сжала его в пальцах.

Поведёт?! Я ожидала, что Алекс запретит ей, отберёт ключ и прикажет сесть в машину, но он и не подумал сделать этого. Поймал за ворот куртки, притянул к себе и, обхватив за талию, прижал к своему боку.

Смотрелись они довольно странно. Он – высокий, должно быть, даже на несколько сантиметров выше Руслана, а она... Ещё меньше меня. И эта её одежда, обувь, а главное – волосы...

– Почему бы и нет, – мне показалось, что Руслан ответил нехотя, как будто в действительности ему было всё равно. Но тогда зачем он согласился?

Я совершенно не понимала его, логики его поступков ни по отношению к себе, ни вообще, в целом. Как будто всё в нём было наполнено противоречиями, диссонансом. Одно то, что он сделал меня своей женой... Женой. Эта мысль, мелькнувшая как будто невзначай, тотчас же оттеснила назад остальные. Что это значит? Одна спальня на двоих, одна постель... Стэлла коснулась лба, убрала прядь волос. На пальце её блеснуло тонкое кольцо.

– Значит, позже договоримся, – сказал Алекс прежде, чем, обойдя машину, открыть дверцу со стороны пассажира.

Стэлла села за руль.

Она это серьёзно?!

Судя по тому, как спокойно она себя вела – вполне. Даже

если допустить, что муж позволяет ей водить, эта машина...

– Рада была познакомиться с тобой, – она посмотрела на меня. Снова контраст – её голос, взгляд, пальцы с зажатым в них брелоком... – Не позволяй этому негодяю себя обижать, – добавила она вроде бы с насмешкой, но в то же время довольно серьёзно. Посмотрела на Руслана. – Учти, Рус, – насмешка исчезла вовсе. – Ты меня знаешь. Обидишь девочку...

Договаривать она не стала. Только сильнее сжала ключи. Снова посмотрела на меня, теперь с какой-то задумчивостью.

Будто бы сбросив мимолётное оцепенение, она хотела было закрыть дверцу, но я остановила её, всё-таки не сдержавшись:

– Ты действительно сможешь вести эту машину?!

– Я смогу вести всё, что угодно, – она улыбнулась уголками губ.

Внезапно я почувствовала нечто странное, непонятное. Коснулась скрытого тканью платья Пегаса и сжала его.

Дверца хлопнула, зашумел двигатель.

Не прошло и нескольких секунд, как внедорожник тронулся с места. Я смотрела ему вслед всё с тем же непонятным чувством, поселившимся внутри меня.

Ветер облизывал голые щиколотки, лицо, а я не могла отвести взгляд от удаляющейся машины до тех пор, пока она не скрылась в глубине территории.

– И долго ты собираешься тут стоять? – услышала голос Руслана и поняла, что он уже поднялся на крыльцо. Холод, которого я раньше почти не ощущала, заставил поёжиться. Бросив последний взгляд в ту сторону, где скрылся автомобиль, я пошла следом за... за мужем.

– Открывай, – кивнул он на дверь.

– Разве не ты должен открыть? – с непониманием посмотрела я на него. – В пансионате нам говорили, что по правилам этикета...

– Открывай, – повторил он тихо, с угрожающими нотками, и я поспешно отворила перед ним дверь.

Не заставляя его повторять – это я помнила.

Посмотрела искоса, снова пытаюсь понять его. Как будто почувствовав мой взгляд, он остановился. Повернулся ко мне и, протянув руку, коснулся лица. Обрисовал скулу, подбородок, затем погладил по волосам, пропуская их сквозь пальцы. Накрутил одну прядку и заставил меня прижаться к нему.

Ладонь его легла на поясницу, взгляд пронзил до самого нутра. Он гладил меня сквозь платье, всё сильнее прижимаясь бёдрами, и дышать мне становилось трудно.

– Почему у этой девушки такие волосы? – спросила я, когда он, ослабив хватку позволил мне слегка отстраниться. – У неё что, были вши?

– Вши? – Руслан окончательно отпустил меня.

Я не поняла, разозлил его мой вопрос или нет – сказать

что-то по тому, как он смотрел, было сложно. Почувствовала только неловкость.

– Ну да... – пожалала плечами. – В пансионате у одной девочки были вши. Тогда её побрили. Она потом так переживала...

– Хорошо, что ты не сказала ничего подобного самой Стэлле.

– Это было бы не вежливо, – я всё ещё чувствовала себя несколько смущённой под его взглядом. – И... и она бы могла расстроиться, – снова потянулась к кулону, но не сжала – только провела пальцами по платью. Руслан проследил за моим движением и опять посмотрел в лицо.

– Стэлла? – накрыл рукой мои пальцы и с силой сдавил их в кулаке. – Вряд ли, зверёныш. Но ты бы выставила себя полной дурой.

Это он сказал уже без тени усмешки. Сжал мою руку ещё сильнее, медленно пробрался пальцами под рукав. Пах его был твёрдым, в глазах появилось нечто недоброе, пугающее. Положив ладонь мне на ягодицы, он сгрёб ткань, задрал выше. Погладил по голой коже и, резко оттолкнув от себя, приказал:

– Убирайся наверх.

– Наверх? – у меня вырвался выдох. В голове всё смешалось, мысли запутались.

– Наверх, – процедил он. – Ко мне сейчас приедут.

– Так Алекс...

Телефон Руслана зазвонил, и я тут же замолчала. Меня потряхивало, соски стали твёрдыми. Близость Руслана волновала меня, и, теперь я понимала это, волновала, как может волновать женщину близость мужчины. И то, что я стала его женой, было тут ни причём.

– Да, – рявкнул Руслан, ответив на звонок. – Пропустите её... Да...

Я стояла на месте, не сводя с него взгляда до тех пор, пока он не убрал мобильный обратно в карман. То, что я видела в его глазах...

– Хорошо, – сказала я, ответив ему прямым взглядом. – Если ты хочешь, я пойду наверх, – проговорила и, не дожидаясь ответа, пошла к лестнице, понимая, что он смотрит мне вслед.

Руслан

– Не выглядишь ты довольным жизнью, – заметила Каролина, присев на угол стола у меня в кабинете.

Как всегда, она была безупречна: завивающиеся крупными кольцами рыжевато-каштановые волосы её были уложены аккуратно и в то же время слегка небрежно, черты красивого лица подчёркнуты неброским макияжем.

Положив клатч рядом с собой, она разгладила складку на подоле платья и снова посмотрела на меня.

Кожаное кресло, в котором я сидел, откинувшись на спин-

ку, стояло по диагонали, и я мог видеть её колени, обтянутые капроном чулок ноги. Да, красивая, сука. Вот только дела мне не было ни до её длинных ног, ни до остроносой туфельки, соскользнувшей со стопы и теперь лежащей возле стола подобно маленькой провокации.

– Вот скажи мне, – я медленно прошёлся по ней взглядом, – с чего вы все решили, что я должен быть ею доволен?

– Все – это кто? – в ответ спросила она. – Полагаю, твой брат?

– Допустим, – невесело ухмыльнулся я.

Каролина всегда была не только красивой, но и умной. Когда-то я даже подумывал поиметь её не только в постели. Может быть, не жениться – хотя бы перевести статус наших отношений из разряда одноразовых встреч на постоянные. Дело до этого, правда, так и не дошло. Оно и к лучшему.

– Наверное, потому, – она скинула вторую туфлю и, неспешно встав, направилась ко мне, – что мало кому везёт так, как повезло тебе, – остановилась напротив и, склонившись, упёрлась ладонями в поручни кресла по обе стороны от меня. – Сукин ты сын, – дыхание её коснулось моего лица, запах дорогих духов воспоминаниями проник в сознание.

Рука её с подлокотника переместилась на моё колено, пальцы прошлись по бедру. По-кошачьи прищурившись, она качнула головой.

– Ты никогда не ценил то, что у тебя было, Руслан.

– Как понимаю, сейчас ты имеешь в виду себя? – я об-

хватил её затылок, сгрёб волосы. Мягкие, шелковистые, они были не такими... Не такими, как...

Стоило представить зверёныша, её тяжёлые тёмные волосы, бархат кожи, в паху стало тяжело. Чёрт подери, даже мысли об этой девчонке волновали меня куда сильнее, чем довольно откровенная близость женщины, с которой я когда-то проводил неплохие ночи.

– Не без этого, – не стала отрицать Каролина, не отводя взгляда.

Я презрительно хмыкнул, поглаживая её пальцами. Вдыхал некогда знакомый запах, вызывающий прежде желание тут же усадить её на тот самый стол, что маячил у неё за спиной и, задрав юбку, взять её – быстро, резко в перерыве между назначенными встречами и решением касающихся Грата дел.

– Смени духи, – разжал я пальцы. – Они слишком резкие.

– Раньше тебе так не казалось, – заметила она, нагло глядя на меня.

Ладонь её оказалась в моей ширинке. Склонившись ближе, она тихо проговорила мне на ухо:

– Это не мои духи слишком резкие, – прикусила мочку лизнула и коснулась моей скулы губами. – Не-е-ет, Руслан. С моими духами всё в порядке.

– Хочешь сказать, что не всё в порядке со мной? – сжал её запястье, убрал руку от паха. Каролина упёрлась второй мне в колено. Взгляды наши опять встретились.

– Да, Алиев, – спокойно, негромко, поглаживая меня по бедру. – Именно это я и хочу сказать. Но ничего, думаю, мы это поправим.

Сказав это, она опустилась на колени между моих ног.

Посмотрев сверху вниз, я выпустил её руку. Ртом она всегда работала превосходно. Она вообще была превосходной любовницей: неутомимой, изобретательной, страстной и несдержанной. Что же...

Ладони её прошлись по моим бёдрам, молния ширинки легко поддалась тонким пальцам. Пройдясь ладонью, она выпрямилась, расстегнула несколько пуговиц на блузке, демонстрируя мне скрытую почти прозрачным бюстгалтером грудь. Помнила, сука, что и как я люблю.

Нутро само собой отозвалось примитивным, первобытным желанием.

– Продолжай, – глухо сказал я, наблюдая, как она, вытащив края блузки из-под юбки, просунула в петельку последнюю пуговицу.

– Я и не собиралась останавливаться, – нагло ответила она, запустив руку меж пуговиц моей рубашки. Расстегнула одну, царапнула живот и тут же расправилась с ремнём.

Я шумно втянул носом воздух. Смотрел, как она, склонившись, обхватила головку члена ртом, как взяла глубже.

– Н-да... – прорычал удовлетворённо, подтолкнув её вперёд.

Помогая себе рукой, она наращивала темп, волосы её по-

тихоньку покачивались в такт движениям. Это было действительно неплохо: её мягкие губы, волосы, даже запах её духов. Хотя нет, запах был отвратительный.

На несколько секунд я закрыл глаза. Воображение тут же нарисовало мне совсем другую картинку: стоящая на коленях девчонка.

Узкие плечи, тонкая талия, контраст светлой кожи и тёмных волос... Её узкие ладони, её губы... Кровь моментально ударила в виски, понеслась по венам.

– Бери как следует, – просипел я и, схватив Каролину за волосы, опять толкнул на себя, насаживая на член. – Раньше ты делала это куда лучше.

Ногтями она прошлась по моему бедру. Сильно, заставив меня зашипеть.

– Чёрт! – процедил я.

Она отстранилась, облизнула губы, шумно выдохнула и обхватила член рукой. Сделала несколько быстрых движений, обвела пальцем головку и, медленно пройдясь до основания, погладила мошонку.

– Ты стал совсем диким, – не переставая ласкать, тихонько засмеялась она.

Склонилась и, расстегнув ещё одну пуговицу на моей рубашке, провела кончиком языка по моему животу. Опустилась ниже и лизнула там, где только что были её пальцы. Язык запорхал по мошонке, по плоти, губы опять сомкнулись вокруг головки.

– Да... – положив ладонь на её голову, просипел я.

Рыжевато-каштановые волосы под моими пальцами, а мысли... Я снова закрыл глаза и представил, что это малышка Маугли сейчас работает ртом, лижет и ласкает меня. Её язычок, её рот, её пальцы... Всё бы хорошо, если бы не этот проклятый запах. Но ничего. Даже он не смог развеять нарисованную сознанием картинку. Сегодня же поставлю её на колени. Да... Выставлю Каролину, а потом займусь своей...

Чувствуя приближение разрядки, я сжал волосы Каролины и насадил её на себя. Ещё и ещё. Чувствовал, что ей это не по нраву, но мне было плевать. Сама захотела. И ещё... Напряжение, сведшее мышцы, сменилось расслабленностью. Не позволяя бывшей любовнице отстраниться, я удовлетворённо зарычал. Неплохо... Пожалуй, это как раз то, что мне было нужно. Женщина, знающая, что я люблю.

Разжал пальцы, выпустив её волосы и тут же, сквозь дымку удовольствия, услышал, как открылась дверь кабинета.

Какого дьявола?!

Подняв веки, я медленно перевёл взгляд на дверь.

– Кто это? – спросила Каролина, рассматривая остановившуюся на пороге девчонку. Вытерла уголок рта, облизала губы.

Она так и стояла на коленях передо мной, ладонь её лежала на моём бедре.

– Моя жена, – выговорил я, глядя на Еву.

Уголок моего рта дёрнулся, стоило вспомнить мысленно

нарисованную картинку.

– Тебе пора. Каролина, – не сводя со зверёныша взгляда, жёстко проговорил я и только потом посмотрел на неё.

Встал, дёрнул её вверх и застегнул ширинку.

Она опять смотрела на Еву.

– Ты слышала, что я сказал? – коснулся я её спины. – Тебе пора, Каролина.

– Слышала, Руслан, – ответила она, не глядя на меня.

Ева так и стояла в дверях. Одета в чёрное платье, с распущенными волосами. Тяжёлые, тёмные... Да, именно их я хотел чувствовать. Именно эти волосы и... Именно эти губы.

Глава 11

Руслан

Одарив меня заинтересованным взглядом, Каролина приналась неспешно, со свойственной ей грациозностью застёгивать пуговицы блузки. Закончив, не заправляя её в юбку, подошла к столу и всё так же неторопливо одну за другой сунула ноги в туфли.

– Не знала, что ты обзавёлся женой, – наконец сказала она, взяв клатч, и опять посмотрела на так и стоящую в дверях Еву.

Оцениваяюще, несколько надменно. Я знал этот взгляд – взгляд львицы, коей, собственно, Каролина всегда и была. Всегда и со всеми, разве что со мной ей приходилось держать свои коготки при себе.

– Так получилось, – отозвался я и обратился к Еве: – Ты что-то хотела?

– Да... – она замешкалась. – То есть, нет.

Взгляда она не отводила – смотрела на Каролину так же прямо, как та на неё, и мне вдруг подумалось, что спустя какое-то время они вполне могли бы держаться на равных.

– Наверное, будет лучше, если мы поговорим позже, – сказала девчонка, не теряя, к моему удивлению, чувства собственного достоинства и хотела было выйти, но я остановил её:

– Вернись, – отрезал жёстко.

Обернувшись через плечо, она посмотрела на меня, и я взглядом приказал ей пройти в кабинет.

Наблюдавшая за нами Каролина вытащила из клатча помаду и провела ею по губам. Убрала обратно и проговорила.

– Не стоит тебе жаловаться на жизнь, Рус, – тряхнула она головой, рассыпая по плечам пышные волосы. – Кому-кому, только не тебе. Ты всегда был у неё любимчиком, – сказав это, она в последний раз посмотрела на стоящую у окна девочку.

Прошлась взглядом по её лицу, по плечам, по стройным ногам.

На мгновение я заметил мелькнувший в её глазах недобрый огонёк. Я презрительно усмехнулся. Все они одинаковые. Стоит снять шелуху, по факту остаётся одно – пригодное или непригодное к использованию тело.

– Сравниваешь?

– А разве должна? – по-бабски ответила Каролина вопросом на вопрос.

Я снова ухмыльнулся.

– До встречи, Рус, – проговорила она, посмотрев мне в глаза.

Не сомневалась, сука, что встречи у нас ещё будут.

Я тоже не сомневался. Проводил её безразличным взглядом. Если бы не всё ещё витавший в кабинете запах духов, я бы забыл о ней в ту же секунду, как она переступила по-

рог. В общем-то, сделать это не помешал мне и он. Тонкие пальцы, губы, волосы... Чёрные волосы, струящиеся по ладони. Стоило мне подумать об этом, сомнительное удовольствие, что я испытал, растворилось.

Ева...

Чем ближе я подходил к ней, тем больше тревоги отражалось в её глазах.

– Моя любовница, – сказал я, обхватив её за шею. Погладил пальцами вдоль позвонков – мягко, потом с нажимом. Почувствовал, как она напряглась. – Не прикидывайся глупее, чем ты есть, – понизил я голос, продолжая поглаживать её.

Каждое прикосновение к ней отзывалось во мне куда острее, чем всё, что происходило в этом кабинете несколькими минутами раньше.

Склонившись, я с шумом втянул воздух у её шеи, прихватил губами кожу. Ощутил, как девчонка затрепетала и положил ладонь на её бедро. Сгрёб подол и задрал его, обнажая ногу, ягодицы.

В паху всё мигом стало твёрдым, член встал так, что потемнело перед глазами. Только что у меня между ног старательно работала самая настоящая bestия, а я дурел от запаха, от близости какой-то недалёкой девчонки.

Лизнул её шею, стиснул задницу и, рыча, прижался пахом.

Глаза её были распахнуты, дыхание чуть заметно сбилось. Она не противилась – стояла спокойно, вот только я знал, что

спокойствие её обманчиво. Вся она дрожала, глаза выдавали её.

– Ты знаешь что-нибудь о любовницах? – вкрадчиво спросил я, резко сжав её шейку. – Знаешь?! – глухо, уже с рычанием.

– Что я должна знать? – она попыталась вырваться.

Я качнул головой, жадно глядя, как поднялась и опустилась её грудь.

Скомкал подол и задрал платье выше. Хотелось раздеть её до гола, разложить на столе и всадить ей так, чтобы извивалась подо мной, чтобы кричала, прогибаясь в спине. Видеть, как её волосы чёрными змейками мечутся по красному дереву, как пульсирует венка на шее. И в то же время это было слишком просто. Слишком, чтоб её, просто!

– Например, что любовницы зачастую могут то, чего не могут жены, – пробрался под ткань и сдавил грудь.

Желание взять её понеслось по венам горячей лавой, начинённой острыми каменными осколками.

Давно со мной не было ничего подобного. Пожалуй, даже больше, чем я мог представить. И, что было главным, с каждым разом, с каждым проклятым разом, что я прикасался к ней, желание трахнуть её только усиливалось.

– А что можешь ты, Ева? – смял грудь сильнее, терзая нежную плоть, надавливая на сосок. Сердце её колотилось совсем близко, и я чувствовал эти удары.

– Давай! – рыкнул, с силой толкнув её вниз. – Покажи мне.

Или я напрасно на тебе женился?!

Она упала к моим ногам. Упёрлась в пол ладонью и, вскинув голову, посмотрела снизу-вверх. Губы её приоткрылись, в глазах появился испуг. Только что она пыталась быть стойкой, смотрела с подобием вызова, но теперь...

Схватив её за волосы, я рванул вниз молнию ширинки. Ремень был всё ещё расстёгнут, и я, подтащив к себе, ткнул её носом.

– Приступай! – крепко держа за волосы, выдавил, чувствуя, как лава собственной крови обжигает меня. Желание почувствовать её рот, её язык было почти что животным.

– Руслан, – она упёрлась ладонями в мои бёдра, попыталась вывернуться.

– Что?! – ещё сильнее сжал тяжёлые чёрные пряди. Да... пахнущие ванилью чёрные пряди, которые теперь струились по моей ладони. Её дыхание, её пальцы: вот, что мне было нужно. – Что, Руслан?

Приспустив штаны, я высвободил член и опять ткнул девочку. Сильная, дрянь!

– Пожалуйста! – она попыталась отползти, перехватила мою вторую руку, едва я попытался ухватить её за подбородок. – Пожалуйста... – всхлипнула она. – Руслан...

Голос её наполнился слезами, задрожал сильнее. Кровяная лава рассыпалась искрами. Внутри как будто перемешалось чёрное и красное. Я видел её карие глаза с янтарными искорками. Карие глаза, наполненные слезами. Желание

рвало внутренности, губы её были так близко...

– Убирайся! – рявкнул я, грубо толкнув её от себя.

Не удержавшись, она села на задницу, повалилась, ударившись локтём. Отползала от меня, тяжело дыша, так и смотря своими огромными глазами. Слёзы уже текли по её лицу.

– Убирайся! – заорал так, что у самого в ушах зазвенело. – Пошла вон отсюда!

Подскочив, она, спотыкаясь, метнулась к двери. Выбежала из кабинета, оставив за собой запах ванили. Теперь я чувствовал только его – сладковатый, отделаться от которого было невозможно.

Его и дикое желание.

Зарывав, свернул попавшееся под руку кресло, всадил кулак в дверцу деревянного шкафа. На пол полетели лежащие на столе бумаги, книги...

Тяжело дыша, я стоял посреди собственного кабинета. Да, чёрт возьми! Я бы мог взять её сейчас, но... Что было бы, если бы я сделал это?! На слёзы её мне было плевать – боялся я другого.

Я боялся, что как только попробую её, пойму, что она ничем не хуже и не лучше других, всё кончится. Всё, что она будит во мне. И что тогда? Что останется?! Ничего, мать её! Ничего! Трахнуть я могу любую, а она... Она – единственное, что дарит мне возможность хоть что-то чувствовать. Интерес, злость, желание, раздражение. Она и ещё море, порт.

Застегнув ремень, я вышел из кабинета и, на ходу прика-

зав одной из горничных, чтобы привела там всё в порядок, набрал Алексу.

– Ты предлагал выйти в море? – зло выговорил я, стоило тому ответить. – Как насчёт того, чтобы сделать это прямо сейчас? И да, Алекс... Без баб, – невесело усмехнулся, услышав ответ. – Н-да... Хотя нет, одну бабу я возьму, – зашёл в гостиную и, окинув взглядом содержимое бара, взял бутылку хорошего коньяка. – Да... Уже взял, – зажал горлышко и сунул телефон в карман джинсов.

Девчонка, порт и море... Что же, пока хотя бы порт и море.

Широко расставив ноги, я вглядывался вдаль, слушая, как ударяются о металл беспокойные волны. Погода для выхода в море была, мягко говоря, дерьмовая, но меня это не волновало. Алекса, судя по всему, тоже.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросил он, встав рядом со мной.

Брызги солёной воды попали мне на лицо, очередная волна, врезавшись в борт, заставила яхту покачнуться.

– Чёрт его знает, – признался я честно.

– Заметь, я не уточнял, с чем именно, – он крепко держался за металлическую ограду.

Становящийся всё сильнее северо-западный ветер трепал волосы, шумел в ушах. Поправив ворот тёплого вязаного свитера, я застегнул куртку под горло. С сожалением подумав об оставленной внизу бутылке коньяка, я проводил

взглядом торопящуюся к берегу чайку и отозвался:

– Я тоже.

Уголок губ Алекса чуть заметно дрогнул. Волна, особенно наглая, ретивая, принесла с собой новую порцию брызг.

Ничего не сказав, я всё-таки спустился вниз, к каютам. Качка здесь ощущалась не так сильно, но там, на палубе, мне нравилось куда больше. Когда-то, будучи ещё совсем пацаном, я мечтал о дальних плаваниях. Мечтал вести судно в море, а потом, спустя месяцы, возвращаться обратно, на большую землю. Сейчас это казалось далёким и неразумным. Жизнь, грязная, уродливая, как она есть, вытравила из меня недееспособного романтика, оставив в сухом остатке то, что есть.

Вернувшись, я встал на прежнее место и, принявшись откупоривать бутылку, бросил:

– Мы забыли нашу леди.

Алекс всё так же стоял у борта. Судя по бронзовому оттенку кожи и выгоревшим волосам, несколько предыдущих недель они с женой провели вне дома. Может быть, в Испании, где, как знал, они бывали частенько, может, у чёрта на рогах.

– Кстати, о леди, – заговорил он. – Может быть, ты всё-таки объяснишь, нахрена тебе эта малышка?

Я невесело усмехнулся. Вынул пробку и, сунув её в карман, сделал глоток. Поморщился, глядя на разгулявшееся море. Плеск волн стал громче так же, как и гул ветра. Здесь,

в открытом море, он мог играть нашим жалким судёнышком, как огонь с попавшей в него спичкой. Сожрёт и не заметит. Не самый плохой конец, надо сказать. По крайней мере, куда лучше, чем быть пережёванным собственной искорёженной машиной или сдохнуть в чистой палате на белых простынях под носом у бестолково сожалеющей толпы друзей-родственников.

– А тебе твоя зачем? – огрызнулся я.

Вопрос резанул по нервам, напомнив о том, что случилось в кабинете. Карие глаза, наполненные слезами. Проклятье! Нужно было сделать то, что собирался, и дело с концом. В прямом и переносном смысле.

– Не сравнивай, – резко ответил Алекс.

Я презрительно хмыкнул. Да, пожалуй, сравнивать тут было нечего. Принял нашу пузатую «леди», как эстафетную палочку. Сколько лет мы были знакомы с Авериным? Давно. Пожалуй, даже слишком давно. Считал ли я его другом? Раньше мне не доводилось думать об этом, но сейчас, стоя рядом с ним на раскачивающейся яхте, я понимал – да. Одним из тех, с кем можно не пересекаться месяцами, а потом вот так запросто оказаться посреди штормящего моря, одним из тех, кто, не задавая лишних вопросов, достанет пушку и встанет плечом к плечу.

– Знаешь, Аверин, – проговорил я задумчиво, – порой я ловлю себя на мысли, что нахрен мне всё это не сдалось. Каждый день одно и то же дерьмо...

Он молчал пару секунд. Забрал у меня коньяк, глотнул.

– Так вперёд, – он кивнул на тёмную воду. – Дело недолгое.

Я не ответил ему. Прищурившись от ветра, всмотрелся в линию горизонта.

– Недолгое, – проговорил наконец всё так же задумчиво.

– Так что мешает?

– Понятия не имею, – ответил я, взяв бутылку.

У самого же в мыслях вспыхнул образ черноволосой девочки.

Мне было интересно наблюдать за ней, рассматривать её. Тайна, что в ней жила, была для меня ребусом, разгадывать который я не торопился. Те несколько дней, что она была в моей жизни, дали мне, должно быть, куда больше, чем проведённые в горах месяцы. Жена...

Я сделал большой глоток. Жена, чтоб её! Первый выход в люди не за горами.

Едва я подумал о предстоящей свадьбе братца, губы искривила презрительная усмешка. Малышка Маугли на балу у заносчивого аристократа. Да... вот это будет по-настоящему забавно.

– А ведь желания хлебнуть соли нет, правда? – неожиданно Алекс развернулся ко мне и, схватив за грудки, швырнул на борт. Бутылка ударилась о палубу, кровь зашумела в ушах. Зарывав, я перехватил руку Алекса. Брызги воды попали на шею, борт как будто накренился.

– Не хочется, да? – процедил он, продолжая держать меня.

Несколько секунд дали ему преимущество. Я дёрнулся, заехал ему под рёбра, и он, стиснув зубы, разжал кулак.

– Не хочется, – повторил утвердительно.

– Сукин сын, – процедил я, отряхивая куртку. – Я тебя...

Рванулся было к нему, но, наткнувшись на тяжёлый, мрачный взгляд, остановился. Аверин поднял наполовину пустую «леди» и протянул мне.

Стиснув зубы, я отвернулся. Дьявол! А ведь он прав – не хочется. Стоило мне почувствовать опасность, вонь старухи с косо́й, как нутро отозвалось совсем другими желаниями, инстинктами.

– Жизнь, может быть, штука дерьмовая, – Алекс опять встал рядом. – Но кое-что в ней есть.

– Например, леди, – выговорил я всё ещё раздражённо.

– Например, леди, – согласился он, и оба знали, что говорим мы не о нашей пузатой спутнице.

Глава 12

Ева

– Ты ещё не готова? – с порога резко осведомился Руслан.

Обернувшись, я наткнулась на его пренебрежительный взгляд и поджала губы. О том, что вечером нам предстоит отправиться на банкет по случаю бракосочетания брата Руслана, мне сообщили только пару часов назад. Да и то сделал это не он сам, а его экономка, принёсшая мне очередное платье и аксессуары к нему.

С того утра в кабинете, когда я застала его с другой женщиной, мы не разговаривали. Только несколько раз я видела его из окна, да и то мельком, стоя у края занавески. Боялась столкнуться с ним, боялась, что всё повторится, и в то же время не могла понять, почему он остановился.

Тогда он действительно напугал меня, потому что... Потому что случившееся напомнило о прошлом.

– Мне нужно ещё десять минут, – ответила я, не отводя взгляд.

Не знаю почему, но мне казалось, что сегодня Руслан смотрит на меня по-другому, пусть даже с прежним холодным пренебрежением. Та женщина, что была у него в кабинете... Мне было прекрасно известно, что в отличие от женщины, у мужчины на подобное право есть. Жена должна принадлежать только мужу, муж же может иметь столько

женщин, сколько посчитает нужным. Вот только разговоры об этом всегда вызывали во мне чувство протеста. А стоило мне увидеть эту женщину...

Ничего не ответив, Руслан подошёл ко мне.

– Повернись, – приказал он.

Помедлив, я встала к нему спиной.

Почувствовала, как он коснулся моих ягодич, провёл по позвоночнику.

– Хорошо, – убрав руку, бросил коротко и вновь заставил меня встать к себе лицом.

Долго смотрел на меня, и с каждой оставшейся позади секундой темнота его глаз как будто сгущалась. Словно небо, ещё недавно затянутое только пеленой низких облаков, темнело, предвещая скорую бурю.

– Зверёныш зверёнышем, – хмыкнул он, коснувшись моего уха, – а камни на своих местах. Вижу, что нравится, – провёл за раковиной и, взяв пальцами мочку, как будто поигрался с серёжкой. – Нравится, – повторил он.

Ладонь его переместилась к моей шее. Уже понимая, что он сейчас скажет, я предупредила его слова:

– Нет.

Не знаю, откуда взялась во мне эта решимость. Рядом с ним я вообще не понимала саму себя.

Страх, волнение, холод и жар.

Непонимание, растерянность и ярость.

Казалось, все чувства смешивались, противоречили друг

другу.

Отступив от Руслана, я дотронулась до подвески и решительно повторила:

– Я его не сниму.

Присланная мужем вместе с серёжками и браслетом капелька на тонкой цепочке так и осталась лежать в коробке.

Понятия не имею почему, но заставить себя надеть её взамен своей я так и не смогла. Стоило мне расстегнуть замочек на шее, внутри как будто стало пусто, а горло сдавило недобрым предчувствием. Как будто всё моё существо отозвалось протестом. Сколько ни повторяла я самой себе, что это только на один вечер – не помогло. И теперь, стоя перед Русланом, я снова чувствовала это – чувствовала, что не должна расставаться с кулоном даже на несколько часов.

– Ты забыла, что решаю здесь я? – мы так и стояли напротив друг друга. Я – в атласном в пол платье королевско-синего цвета, и он – в чёрной рубашке, вряд ли подходящей для свадебного банкета, но удивительно идущей ему.

Не знаю, что заставило меня подумать об этом. Чёрная рубашка, брюки, взгляд... Он был красив. Не той приторной красотой, что обладали многие герои фильмов, которые нам показывали и которая никогда не вызывала во мне отклика. Нет. По-настоящему красив.

– Не забыла, – ответила, в самом деле помня об этом. – Но пегаса я не сниму, Рус.

– Рус? – уголок его рта недобро дрогнул.

– Все так тебя называют.

– Ты – не все, – он медленно приблизился. Взял меня за подбородок и, приподняв голову, повторил: – Ты не все, Ева.

Пальцы его я сбросить не пыталась. Смотрела на него из-под ресниц, изучая, снова и снова пытаюсь понять.

До сих пор я не очень-то думала о том, насколько он привлекателен, а теперь вдруг пришло понимание этого. Та женщина в кабинете... Сколько у него таких? Должно быть, много.

Достав что-то из кармана брюк, он отпустил меня. Я увидела в его руках коробочку, на крышке которой была изображена витиеватая, окружённая вензелями буква «А».

– И кто же тогда я, если не все? – отвернувшись, подойдя к столику, взяла расчёску, чтобы закончить с волосами, но не успела провести по ним даже раза, Руслан снова развернул меня к себе.

– Мой зверёныш, моя малышка Маугли, – сказал, глядя в лицо. Сжал правую руку. – И моя жена, – одним движением он надел мне на палец кольцо.

Наградил тяжёлым взглядом и выпустил руку, больше ничего не сказав, пошёл к выходу из спальни.

Я смотрела ему вслед. Кольцо как будто пекло кожу, и я сжала ладонь, не понимая, хочу ли я сохранить это ощущение или избавиться от него.

Как будто почувствовав мой взгляд, Руслан остановился в дверях. Прикосновения его, как обычно, заставили моё серд-

це забиться чаще, вызвали лёгкую дрожь и внутреннее волнение.

– От твоих десяти минут осталось девять, – всё так же резко выговорил он и скрылся за дверью.

Я судорожно выдохнула. Разжала руку. Тонкое кольцо из светлого металла блестело россыпью камней, переливающихся так же ярко, как и камни в кольце той девушки – Стэллы. Два прозрачных и один голубой, как тот, что украшал пегаса. Невольно я снова зажала подвеску в пальцах. Жена...

– Чей это дом? – спросила я, когда машина, на которой мы ехали, остановилась напротив шикарного особняка.

Величественный, он мало чем походил на дом Руслана. Не выходя из машины, я рассматривала большие арочные окна, колонны, аккуратно подстриженные кусты по обеим сторонам от мраморного крыльца.

– Если ты помнишь, банкет проводится по случаю свадьбы моего брата, – сухо выговорил Руслан. – Сама подумай, чей это дом.

Почему-то тон его задел меня. Я ведь, по сути, не спросила ничего глупого. Наверное, ничего. Хотя до конца уверенной в этом быть не могла. И всё же.

– Значит, это дом твоего брата? – постаравшись скрыть неприятное чувство, спросила я снова.

Взгляд Руслана опустился на наши руки, и я, посмотрев вниз, увидела блестящие рядом друг с другом кольца. Блеск белого металла – его простое, моё – усыпанное камнями.

Взгляды наши встретились буквально на несколько секунд.

– Да.

Жёсткая линия его рта дрогнула подобием усмешки. Неожиданно он погладил моё запястье. Провёл по тонкой свежей царапине, хорошо, как я ни пыталась скрыть её, видной на коже.

– Это ещё что? – резко схватил руку. Я попыталась выдернуть ладонь – он не отпустил.

– Ничего, – ответила, как можно спокойнее и, заметив, как к дверце со стороны мужа подошёл лакей, почувствовала облегчение.

Сидящий за рулём водитель напоминал мне скорее восковую фигуру. Казалось, что здесь, на заднем сиденье лимузина, мы с Русланом наедине.

– Моя жена должна быть идеальна, – одновременно с тем, как дверь открылась, он будто невзначай снова коснулся царапины, стиснул руку. Наши кольца соприкоснулись.

– Это просто царапина, Рус, – я вскинула голову.

Ещё немного, и от хватки его мне бы стало больно. Однако он как будто понимал это и не спешил переходить грань. Только смотрел на меня, и бездонная чернота его глаз затягивала. Как будто так же темно было и в его душе, как будто всё внутри него было подчинено этой темноте, окутано ею.

Стоило ему отпустить мою руку, я вдруг поняла – это действительно так. Что-то тёмное владеет им. Что-то, что держит его. И именно это я стремилась прочитать в чертах его

лица, отыскать в выражении глаз.

– Позвольте помочь вам, – обратился лакей, открыв на этот раз дверцу с моей стороны.

– Да, конечно, – я подала ему руку и ступила на дорожку возле дома. Тут же обернулась, осматривая особняк уже во всей красе.

Вряд ли можно было назвать его более красивым, чем тот, в который привёз меня Руслан. Скорее... просто другой.

– Дальше я сам, – услышала я голос мужа.

Забрав из моих рук тонкую серебристую шаль, он накинул её мне на плечи. Приобнял за талию и повёл вверх по ступеням.

Из открытых окон первого этажа доносились звуки музыки. Кажется, скрипка.

Дворецкий – невысокий мужчина в хорошо скроенном костюме, отворил перед нами тяжёлую дверь, и Руслан завёл меня внутрь.

Незнакомые, странные запахи тут же окутали меня: ароматы цветов, мужского и женского парфюма, еды и огромного дома. Холл был уставлен высокими вазами с цветами. Цветы, казалось, были повсюду – белые лилии, источающие тяжёлый, насыщенный и в то же время приятный аромат.

– Я знаю, куда идти, – отрезал мой муж, когда подоспевшая горничная хотела было проводить нас.

Девушка ступевалась. Заискивающе улыбнулась. Возможно, мне только показалось, но улыбка её была какой-то

слишком уж мягкой.

– Простите, Руслан Каримович, – тут же извинилась она. – Может быть, я всё же могу вам чем-нибудь помочь?

Он посмотрел на неё с таким пренебрежением, будто перед ним была не горничная, а... Почему-то первое, о чём я подумала – жилистый кусок мяса. Именно так он и посмотрел на неё – как на лежащий на прилавке жилистый кусок дешёвого мяса.

– Вряд ли, – ответил Руслан, и снова я уловила нечто. Словно бы в ответ этот он вложил совершенно другой смысл.

Дверь позади нас отворилась, в холл вошло несколько человек. В зеркало я увидела пышнотелую женщину и контрастом – высокого поджарого мужчину в очках, ещё одного – с носом-картошкой и двойным подбородком. Но больше всех внимание моё привлекла высокая стройная девушка. Рыжая, с горделивой осанкой. Однако рассмотреть гостей Руслан мне не дал – толкнул вперёд и грубо отрезал:

– Пойдём, зверёныш.

– Не называй меня так, – с каждым разом я начинала злиться всё сильнее.

Резко остановилась, вскинула голову, в упор глядя на него.

– Я же уже просила, Руслан! Мне это не нравится!

– Зато нравится мне, – ладонь его опустилась на мою шею, – зверёныш.

Гостей в зале было уже достаточно много. Находящемся

на сцену возвышении в дальнем углу комнаты на самом деле находились инструменты, однако самих музыкантов видно не было. Только одна скрипачка виртуозно водила смычком по струнам и, казалось, не замечала ничего вокруг.

– Руслан, – из толпы вынырнула девушка. Белокурая, одетая в длинное белое платье, она походила на... на ангела. Мягкие черты её лица казались настолько идеальными, что я почувствовала себя неловко.

– Привет, – она улыбнулась моему мужу и тут же посмотрела на меня. В глазах её – огромных, голубых, отразился интерес, который она, однако, поспешила скрыть.

Снова взгляд на Руслана.

– Знакомься, Лиана, – он небрежно провёл по моей руке от локтя к плечу. Небрежно, но чувственно, как будто пытался продемонстрировать меня. – Это Ева.

– Ренат говорил, что ты, скорее всего, будешь не один, – отозвалась она и махнула рукой появившимся в зале гостям. Мельком я заметила ту самую рыжеволосую высокую девушку, и подумала, что это, должно быть, подруга белокурой.

– Не один, – согласился Руслан.

Из толпы показался тот самый мужчина, что недавно был у нас в гостях. Брат моего мужа. Руслан снова погладил меня по руке. Опустил ладонь ниже – на талию, потом на ягодицу. Я было дёрнулась. Заметила, что некоторые гости косятся в нашу сторону.

– Рад, что ты приехал, – подойдя к Лиане, Ренат подал

ей фужер с шампанским, а после легко приобнял за талию. Совсем не так, как обнимал меня Руслан совсем недавно. И не так, как трогал сейчас.

– Может быть, всё-таки познакомишь нас со своей, – взгляд Рената задержался на мне, но было это так... так, будто я не стою и капли его внимания. – Со своей невестой.

Я стояла молча, не зная, что говорить. Да и, признаться честно, не очень-то и хотелось. Я понимала, что между фразами, которыми обмениваются эти трое, звучит ещё что-то. Что-то, скрытое от меня.

– Не с невестой, – теперь Рус обнял меня так, что левая ладонь его опустилась на низ моего живота. Так низко, что я не выдержала и накрыла его руку своей, боясь, что он позволит себе ещё больше и не зная, что тогда делать.

Но этого не случилось. Напротив, высвободив руку, он сплёл наши пальцы.

– Не с невестой, – повторил он. – С женой.

Взгляд Лианы метнулся к нашим рукам, взгляд брата Руслана тоже скользнул по переплетённым пальцам, а до меня вдруг дошло, что кольца наши снова соприкасаются. Блеск белого металла, моя рука в руке мужа. И поняла – не просто так он положил руку на мой живот. Он сделал это специально.

И в этот момент я осознала ещё одну простую, но очевидную вещь – этот мужчина просто так не делает ничего. Вообще ничего.

– Твоей жене я Еву уже представил, – он наконец отпустил меня. Остановил жестом проходящего мимо официанта и, взяв с подноса два бокала, подал один мне.

Помня о том, что было немногим раньше, пить я не спешила, но отказываться не стала. Просто взяла бокал, как нас учили в пансионате.

– Но повторю для тебя, – продолжил Руслан: – Ева.

– И когда вы успели пожениться, позволь узнать? – холодно осведомился Ренат.

– Недавно, – муж сделал глоток вина. – Но это тебя не касается. Мои поздравления, – он цинично усмехнулся и приподнял бокал, а пальце его тем временем опять заскользили по моей талии и легли на живот.

Глава 13

Руслан

Заполонившее гостиную дома брата разношёрстное собрание мало чем отличалось от прочих, среди которых мне нередко доводилось бывать раньше. Женщины, повытаскивавшие из груд рассованных по шкафам шмоток дорогие платья, живая музыка, вышколенные официанты...

Не прошло и пятнадцати минут, как мне стало откровенно скучно.

– Кто это? – подала голос молчавшая почти всё это время Ева, напомнив мне о своём присутствии.

Проследив за её взглядом, я увидел нескольких довольно интересных девиц. Все как одна – высокие, стройные, одетые дорого и при этом со вкусом.

Увидел среди них новоиспечённую жену брата. Даже среди своих именитых подруг она выделялась особенной грацией, тонкой красотой. Вот только во мне это не вызывало никакого отклика. Милая мордашка, неплохое тело... Отодрать разок другой и выставить за дверь.

– Полагаю, – я обернулся к девчонке, – подруги Лианы.

Бокал, что я дал ей, был почти полон. Запомнила, девочка. Чёрные волосы, тёмные глаза... Стоило мне посмотреть на её шею, на скрытую бледно-голубым атласом грудь, на её запястья, нутро отозвалось удовлетворением. Чёрт! Меня

действительно влекло к ней.

– Это я поняла, – голос её снова вторгся в мои мысли. – Но они... – зверёныш замялась, видимо, подбирая нужные слова.

Я терпеливо ждал. Едва заметно нахмурившись, она открыла губы. Поджала их и всё-таки продолжила:

– Они просто замужем? Или... Может быть, ещё чем-то занимаются? Я знаю, что некоторые женщины занимаются чем-то... Благотворительностью, например, – она вдруг посмотрела мне в лицо с таким видом, как будто нашла иголку в стог сена. – Или... Может быть чем-нибудь ещё, Руслан? Я... Я не знаю, – наконец призналась она, и это, пожалуй, было самым дельным из того, что она сказала.

– Женщины, Ева, – высвободил из её пальцев бокал и, отпив глоток согретого ладонями вина, поставил на стол. Обхватил её за талию и несильно прижал к себе, – могут заниматься, чем угодно. Даже, если они не замужем, – провёл вверх по её спине.

В глазах её отражалось непонимание. Она как будто собирала кусочки мозаики, пыталась сложить их в целое, но выходило это у неё плохо.

Да кто ты, чёрт тебя возьми?! Кто и откуда?

Интерес, что она опять умудрилась вызвать во мне всего одним вопросом, развеял скуку. Внутри как будто что-то встрепенулось. Как будто она раскочегарила затухающие, почти остывшие угли.

Губы её приоткрылись. Проклятье! Впитаться бы в них, но... Отпустил её. Начинать здесь и сейчас не стоило – слишком велик был соблазн подняться на второй этаж и перейти черту. Эта девочка нужна мне для другого, и забывать об этом не стоило.

– Чем угодно? – переспросила она. – То есть и я могу заниматься, чем угодно?

– Ты – нет, – глядя ей в глаза, выговорил спокойно. – Ты можешь заниматься только тем, чем разрешу я.

– Но... – непонимание, которое только что читалось в её взгляде, слышалось в голосе, заглушило нечто, напоминающее протест. – Ты же сам только что сказал, что...

Мельком я заметил вошедшего в зал Алекса.

– Рус! – Ева требовательно схватила меня за рукав пиджака. Да зверёныш опять начала выпускать когти! Однако, как ни странно, это не разозлило – скорее позабавило.

– Всё, что я говорю про других женщин, тебя не касается, – жёстко ответил я, чтобы до моей маленькой жены дошло – я не шучу.

Глаза её вспыхнули гневом, черты красивого лица заострились. Я мягко разжал её пальцы и тут же с силой сжал ладонь в своей. Заметил, как она вдохнула и, не удержавшись, погладил большим пальцем по скуле.

– Они балерины, – ноздри защекотало ванилью. Желание наплевать на всё и увести-таки малышку наверх становилось сильнее, пах наполнился тяжестью. Нет.

Я сделал шаг назад и, не сводя с Евы глаз, протянул ей её бокал. Взглядом указал на так и толпившихся возле Лианы девиц.

– Балет.

– Я знаю, что такое балет, – отозвалась она с раздражением. – Не считай меня настолько глупой, Руслан, – стиснула ножку бокала и, сделав глоток, хотела было отойти от меня, но я остановил её и повёл в другую сторону, к разговаривающим с моим братом Алексу и Стэлле.

Ждал, что зверёныш снова начнёт протестовать, однако у неё хватило ума попридержать характер. Неужели дошло? Вот только удовлетворения я не чувствовал, скорее нечто вроде разочарования.

Остановился посреди гостиной и развернул девчонку к себе, сам не зная, что ударило мне по мозгам.

Она резко вскинула голову, я же, не думая, обхватил её за шею и, не обращая внимания ни на кого вокруг, впечатал ей в рот голодный поцелуй. Почувствовал, как резко приподнялась её грудь, её выдох и упёршуюся в меня ладонь.

– Ты что делаешь, Руслан? – возмущённо зашипела она, пытаясь высвободиться. – Так нельзя, мы же...

– Молчать! – рыкнул я и снова принялся целовать её.

Здравые мысли пробивались сквозь бьющий по барабанным перепонкам пульс, но мне было наплевать. Слишком долго я думал над тем, кто и что скажет. Гратом теперь заведует мой братишка, вот пусть он и соблюдает правила при-

личия.

– Руслан! – Ева всё-таки отвернулась.

Шумна дыша, я выпустил её и наткнулся на полный гнева взгляд. Да, чёрт подери, это именно то, что мне было нужно, то, что я хотел увидеть. Пятна выплеснувшегося из её бокала вина украшали пол, взгляды окружающих были устремлены на нас со всех сторон.

– Не сдержался, – процедил я, обернувшись к стоящей неподалёку кучке аристократов.

Дама с пышным бюстом тут же смущённо отвернулась, делая вид, что занята поеданием очередного канапе, лысый увалень в смокинге растянулся в понимающей улыбке.

– Доброго вечера, Руслан Каримович, – отозвался он и улыбнулся Еве. – Ваша спутница прекрасна.

– Моя жена, – сухо выговорил я.

С тем же успехом можно было бросить динамитную шашку в курятник с наседками.

Уводя Еву прочь, я слышал сменившие повисшее молчание шепотки и всё сильнее сдавливал локоть девчонки.

– Это было слишком, – сказала она, когда мы уже почти дошли до Алекса. – Такое поведение непозволительно, ты знаешь это не хуже меня.

– Перестань, – я едва снова не остановил её. Сдержался только понимая, что, если сделаю это, велика вероятность, что данное торжество мы покинем раньше, чем подадут горячее. А отведать братских изысков я всё-таки был намерен.

– Перестать?! – мы всё-таки остановились. На этот раз потому, что притормозила она. – Не надо мне говорить, что ты сам решаешь, что позволительно, а что нет.

Я смотрел на неё довольно долго. Молча, получая от этого незнакомое прежде мазохистское удовольствие. Окружающие нас звуки смешивались в сплошной монотонный гул, среди которого явственно угадывалась только скрипичная истерика. Гнев Евы постепенно отступал. Чем дольше между нами царило молчание, тем больше в ней чувствовалась неуверенность.

– Ты становишься очень сексуальной, когда злишься, – выговорил я наконец негромко, стоя напротив неё. – Знаешь, что мне хочется сделать с тобой? – кончиками пальцев я коснулся её талии. Погладил и опустил ладонь на аккуратный зад. – Мне хочется развернуть тебя к себе задом, нагнуть и...

– Прекрати, Руслан, – она вцепилась в мою руку. Гнев и растерянность...

Я в последний раз погладил её и, убрав руку, опять повёл вперёд. Больше она ничего не говорила. Только напряжение её стало заметнее. Не зря, ибо озвученное мной было лишь малой частью того, чего бы мне действительно хотелось.

– Добрый вечер, – первой поздоровалась Ева, когда мы подошли к Аверину и его крошке жене.

Поколебавшись, подала Стэлле руку.

Немного удивлённо глянув на ладонь, Стэлла всё же пожала её.

– Добрый ве... – умолкла она на полуслове. – Добрый вечер, – повторила как-то глухо. – Прости...

– Что-то не так? – забеспокоилась Ева, но Стэлла поспешила успокоить её:

– Всё в порядке. Просто... Красивая подвеска, – опустила взгляд и снова посмотрела девчонке в лицо. – Откуда она у тебя?

– Не знаю, – улыбнулась Ева. Дотронулась до пегаса. – Она была у меня всегда. Всю жизнь.

– Это не та вилка, – чуть слышно шепнула Ева, когда я, взяв одну из арсенала разложенных возле тарелки столовых приборов, уже хотел было заняться ужином.

Каждую минуту с тех пор, как мы вошли в гостиную дома Рената, я ожидал, что моя малышка выдаст какой-нибудь номер, но она, к моему величайшему удивлению, держалась так, словно подобные рауты были для неё в порядке вещей.

Однако что-то подсказывало мне, что это далеко не так.

– Вот эта, – она тронула кончиками пальцев соседнюю от той, что я держал, только лежащую возле её тарелки. – Та, что у тебя, для мяса.

Дьявол! Представления, что я предвкушал, не последовало. Напротив. Взяв стакан с водой, Ева грациозным движением вернула его на прежнее место.

Да откуда ты взялась?!

Я прошёлся взглядом по изящному лицу. Пожалуй, время хорошенько потряхнуть её настало. Какое бы удовольствие

мне ни доставляло раскрывать её тайны постепенно, вопросов накопилось слишком много. Придётся моему Зверёнышу ответить. Хотя бы на какие-то из них.

Холодно усмехнувшись мыслям, я, как и собирался, принялся за еду. Заметил отразившееся на лице жёнушки недовольство и, не сдержавшись, положил ладонь на её колено под столом.

Она тут же подобралась.

– Я как-нибудь переживу, – убрал руку.

Поймал на себе взгляд сидящей напротив Стэллы. В руках её был бокал с коньяком, который она медленно цедила, глядя прямо на меня. Внезапно меня охватило ощущение, что что-то в ней мне знакомо. Не так, будто я знаю её саму, а так... Она напомнила кого-то.

– Чёрт... – процедил я, сделав шумный вдох.

Вспышка, вонь жжёной резины, боль в плече...

В одну секунду меня вырвало из существующей реальности. Вырываемые смычком скрипачки-виртуозки звуки музыки превратились в скрежет металла, голоса – в испуганные вскрики птиц.

Зарывав, я швырнул вилку на стол и потёр висок.

– Что с тобой?

Открыв глаза, я встретился взглядом с Евой. Обеспокоенная и как будто немного побледневшая, она смотрела на меня во все глаза. Ладонь её лежала на моём локте.

– Руслан, что случилось? – говорила она негромко, так,

что слышать её мог только я.

– Ничего, – ответил сдавленно.

Помешкав, она убрала руку.

Я снова посмотрел на Стэллу. Длинное платье с маленьким округлым вырезом, тонкие руки и бокал с коньяком на низкой ножке... Меня всегда поражало сочетающаяся в ней женственность и дерзость.

А ведь я, чёрт возьми, помнил её отца. Когда-то давным-давно, в те времена, когда я был ещё пацаном, он бывал в нашем доме. Да... Должно быть сука-память хлестнула меня именно этим.

– Ты с нами? – бросил Алекс.

– Где же мне ещё быть? – процедил я в ответ.

Стэлла перевела взгляд на мою жену, Ева же опять смотрела на меня. Я ждал, что она смутится, отвернётся, однако она этого не сделала. Как будто пыталась вгрызться в мои мысли, залезть мне в башку.

Нет, девочка. Не стоит.

– Не стоит, – выговорил я вкрадчиво, с раздражением и предупреждением. – Даже не пытайся, Ева.

Уточнять, что именно, она не стала. На мгновение на лице её всё-таки промелькнуло смущение, вилка в пальцах дрогнула.

Взяв бокал с вином, она сделала небольшой глоток.

Мельком я заметил, как встретились их со Стэллай взгляды, как Ева нервным движением тронула подвеску, и как

проследила за этим жена Алекса.

Наколов на вилку кусок сочной курицы, прожевал и запил вином, не чувствуя вкус. Чувствовал я другое – едва ощутимое прикосновение колена сидящей рядом девчонки к своему, запах её сладковатых духов и противоречивые желания: подчинить её себе, научить покорности и, смотря в её глаза, видеть огонёк вызова.

– Руслан, – догнала нас Лиана в дверях зала.

Обернувшись, я смерил её взглядом.

– Возьми, – подойдя, она протянула мне конверт.

– Что это?

– Приглашение на премьеру, – говорила она по большей части со мной, но при этом не игнорировала и Еву.

Фарфоровая статуэтка, ни дать, ни взять. Не удивлюсь, что перед тем, как трахнуть, мой братец обкладывает её подушками. Грёбанный эстет-извращенец!

– Знаю, что ты не большой любитель балета, – продолжила она, – но вдруг... Буду рада видеть вас обоих.

– Вряд ли, – сунув конверт в карман, выговорил я. – Ты правильно заметила, я не большой любитель балета.

– Мы придём, – возразила Ева.

– Вряд ли, – повторил жёстче, отвечая уже не только жене брата, но и своей собственной.

Ева посмотрела на меня с упрямством. Выпитое за ужином вино, очевидно, придало ей смелости. Глядя в её тём-

ные глаза, я вдруг подумал, что этой-то подушки точно не понадобятся.

Пальцы её легли на мой локоть.

– Спасибо за приглашение, – вежливо обратилась она к Лиане. – И ещё раз наши искренние поздравления. Вечер был прекрасным.

– Почему ты так грубо разговаривал с Лианой? – спросила Ева, как только мы оказались на улице.

– Это тебя не касается, – отрезал я, спускаясь по ступенькам.

На улице было совсем темно. Вечер ранней осени окутал пригород Грата прохладой и свежестью. Я сделал глубокий вдох, понимая, что именно этого мне и хотелось почти всё то время, что мы пробыли на банкете.

Ева остановилась рядом, в свете одного из подсвечивающих подъездную дорожку фонарей и плотнее закуталась в шаль. Нити, украшающие её концы спускались с запястий, оставляя открытыми ладони, кажущиеся сейчас особенно светлыми.

– Возьми, – сняв пиджак, подал ей.

Сам не знаю, что меня заставило сделать это.

Только что мне хотелось свернуть ей шею, но, стоило увидеть её запястья, её руки... Как ни гнал я от себя те противоречия, что она поднимала во мне, отделаться от них не мог. И ещё эти кольца на наших пальцах... Подумал было снять и швырнуть в траву, но не сделал даже попытки.

– Спасибо, – сказала Ева и, стянув шаль, накинула пиджак.

Слишком большой, он висел на ней, как будто на жерди, но было в этом что-то... Что-то, неожиданно задевшее новые струны внутри меня. Какая-то трогательная сентиментальность.

Одна за другой к дому подъехали две машины – наша, поданная по моему распоряжению и чёрный внедорожник с тонированными стёклами.

Вечер подходил к концу, гости постепенно начинали разъезжаться, но из окон всё ещё раздавались звуки голосов и слышалась музыка. Да и возле дома не было никого, помимо нас и подоспевшего лакея.

– Пойдём, – поторопил я малышку, когда он отворил заднюю дверцу.

Она сделала шаг и остановилась. Я понял, что смотрит она на машину, пристроившуюся позади нашей. И поторопил:

– Ева, – толкнул вперёд.

Она не сводила с внедорожника взгляда. Пальцы её сжались на вороте пиджака.

– Ева, – сказал я уже с нажимом и взял за локоть. Тут же почувствовал, как она вздрогнула.

Похоже, меня она вообще не слышала.

Я кивнул на лимузин.

Дверца внедорожника хлопнула как раз в тот момент, когда мы подошли к машине, и девчонка опять застыла.

– В чём дело? – посмотрел в том же направлении.

Стоящий возле внедорожника в окружении охраны мужчины не сводил с Евы взгляда так же, как она с него, и это мне не понравилось.

– Ты его знаешь? – я заставил её обернуться.

– Н-нет... – выдохнула, запнувшись.

Ещё раз поспешно глянула назад и юркнула в салон.

Несмотря на то, что мне были знакомы почти все видные люди не только Грата, но и страны, владелец внедорожника был мне незнаком. Прежде, чем усесться рядом с женой, я снова глянул в его сторону. Теперь он смотрел на меня – так же, как до этого на моего Зверёныша. Пристально, тяжело, прямо. Длилось это считанные секунды, после чего он, сопровождаемый охраной, пошёл к дому. Я же расположился на заднем сиденье.

– Поехали, – приказал водителю, а после посмотрел на Еву, раздумывая, какие же всё-таки тайны в ней скрыты.

Глава 14

Ева

– Уверена, что ничего не хочешь мне сказать? – прежде, чем позволить выйти из машины, спросил Руслан, удерживая меня за руку.

Вначале рассматривал меня, ожидая, должно быть, что я заговорю первой, потом, судя по всему, думал о чём-то своём. Несколько раз ему кто-то звонил, однако ответил он всего на один вызов. К разговору я не прислушивалась. Поняла только одно – звук его голоса успокаивает меня.

Господи, а я-то думала... Вспоминая о засохших на руках пятнах крови, о багряной грязи под ногтями, я ощущала озноб. Ожидала ли я встречи с Борисом? Возможно, но не так скоро. Сейчас же понимала, насколько глупа и наивна. Это мой мир был ограничен высоким забором, окружающим территорию пансионата, его – нет.

– Что я должна сказать? – неловко ответила я.

Ждала, что он начнёт задавать вопросы про Бориса. Вопросы, отвечать на которые, может быть, мне не стоило, ибо я понятия не имела, что за этим может последовать. Да и... Что я могла сказать ему? Ведь в действительности ничего не знала. Ничего, кроме имени и того, что он хотел сделать меня своей.

– Для зверёныша, жившего в лесу, у тебя слишком хоро-

шие манеры, – вопреки моим ожиданиям, проговорил Руслан.

– С чего ты взял, что я жила в лесу?

Губы его искривила пренебрежительная усмешка. Я ощутила лёгкую тревогу. Чувство было такое, что я иду по узкой тропинке среди топкого болота. Ничего просто так он не делает, и мне не стоило забывать об этом.

– Да так, – ещё одна усмешка.

Неожиданно он коснулся моего лица и тыльной стороной ладони провёл по щеке.

– Сегодня мы оставим это, малышка Маугли. Но завтра продолжим, – взял за подбородок, не позволяя отвернуться. – Если ты намерена врать мне, хорошенько подготовься. У тебя есть для этого целая ночь. Но запомни, Ева, – голос его стал очень тихим, взгляд – колючим, как будто одним резким выпадом он сжал не мою руку, не подбородок, а схватил самую душу, – ложь я считываю на раз-два. И за каждое слово вранья тебе придётся ответить. Так что подумай хорошенько, стоит ли врать, тем более, если делать ты этого как следует не умеешь.

Пальцы его исчезли. Нервно выдохнув, я инстинктивно отодвинулась к двери.

– Сейчас иди к себе, – дотянувшись, он открыл дверцу позади меня. Спины коснулся холодный воздух, и я поспешила закутаться в пиджак, который так и не сняла.

Не дожидаясь, пока я выполню его указание, он отворил

дверь со своей стороны и первым покинул салон лимузина.

Я же так и сидела, кутаясь в пиджак до тех пор, пока Рус не оказался рядом. Шире раскрыв дверь, он выжидающе посмотрел на меня, и я всё же ступила на улицу.

– Как я поняла, мы не будем делить с тобой одну спальню?

– Хочешь перебраться в мою спальню? – жёсткая линия его рта дрогнула подобием усмешки.

– Нет, если это позволительно, – вскинув голову, без раздумий ответила я и тут же поняла, поняла, что слова мои прозвучали неуместно, но как сказать иначе – не знала.

Наверное, Анна была права. Не раз она говорила, что я должна быть внимательнее, быть более прилежной и ответственнее относиться к обучению манерам, правилам поведения с мужчинами. Вот только мне всегда казалось это слишком скучным. Тем более, я знала – Борис не отдаст меня. Так зачем нужны были все эти наставления и уроки? Он всегда хотел, чтобы я принадлежала только ему, и не скрывал от меня этого. Вот только каждый раз существо моё отзывалось протестом.

– Позволительно, если я позволяю, – он продолжал усмехаться.

Мне вдруг захотелось ответить ему в таком же тоне, только что именно, я не знала. Да и тревога из-за произошедшей встречи не отпускала меня. Только когда за нами закрылись раздвижные ворота особняка Руслана, я почувствовала себя немного спокойнее, но всё ещё не могла отделаться от хо-

лодка, пробежавшего по всему телу, едва увидела огромную чёрную машину, которую уже видела до этого. В последний раз – в ту ночь, когда, напуганная, вымокшая, с заляпанными кровью руками встретила Руслана.

– Не стоит каждый раз напоминать мне, Руслан, что тебе принадлежит право решать, – всё-таки ответила я, поднявшись на пару ступенек.

Оглянулась. Руслан всё ещё стоял возле машины.

– Я поняла это.

– Не похоже, – он опёрся рукой о дверцу лимузина.

Вопреки желанию ответить, продолжать я не стала. Подобрала подол платья и быстро преодолела оставшиеся до двери ступени. Хотелось как можно быстрее оказаться в доме и почувствовать себя в безопасности.

– Не наелась?

Едва я, налив в стакан молоко и сложив в лоток немного еды, отошла от стола, в кухне появился Руслан.

Застигнутая врасплох, не нашлась, что ответить. Так и стояла в роскошном вечернем платье посреди кухни под изумчающим взглядом мужа. Ясно мне было только одно – что бы я ни сказала, слова он мои поставит под сомнение. В то, что я не знаю Бориса, он не поверил. Я понимала это.

– Это просто молоко, – всё-таки ответила. – Захотела пить.

Ничего не сказав, он двинулся мне навстречу. Даже сейчас, когда он, вроде бы, был спокоен, в каждом его движении

сквозила опасная собранность.

– Просто молоко? – переспросил, подойдя на расстояние вытянутой руки. Заставляя моё сердце застучать чаще. Что случится в следующий миг, я понятия не имела. Руслан был способен на всё.

– Д-да... – голос против воли прозвучал сдавленно. – Просто молоко, Руслан.

Пристально глядя в глаза, он коснулся моей талии, затем плеча. Провёл по голой руке от локтя до запястья и, высвободив из мгновенно похолодевших пальцев стакан, сделал несколько жадных глотков. И всё это держа меня взглядом.

Я почти не дышала. Не потому что боялась, а потому... Сама не могла понять причину.

– Хорошее молоко, – поймав мою ладонь, отделил указательный палец и стёр им капельку в уголке своих губ. Поднёс палец к моим губам и дотронулся.

Я вздрогнула и, сбросив оцепенение, высвободила руку. Он не удерживал. Отдал мне пустой стакан и молча ушёл.

Я опёрлась ладонью о стол. Поняла, что ноги едва держат, облизнула губы и почувствовала едва ощутимый молочный привкус. Поставив лоток, я сложила на столе руки и обессиленно уронила на них голову. Закрыла глаза.

– Этот мир слишком большой для меня, – едва слышно шепнула самой себе. – Слишком большой. Но я справлюсь.

Нашла цепочку с Пегасом и сжала её.

– Не засиживайся, – вновь прозвучавший голос Руслана

заставил меня вздрогнуть.

Вскинув голову, я увидела его, опирающегося на дверной косяк.

– Чтобы завтра в семь была готова.

– К чему?

– Завтра и узнаешь, – проговорил Руслан и скрылся в глубине дома.

– Спускайся завтракать, – вместо пожелания доброго утра, сухо выговорил Руслан, не успела я выйти в холл. – Жду тебя внизу.

Взгляд его прошёлся по мне сверху донизу. Понадеявшаяся спуститься на кухню ещё до того, как дом проснётся, я даже не переоделась. Так и стояла в пижаме с наспех собранными в небрежный хвост волосами. Меньше всего я ожидала с утра пораньше наткнуться на Руслана и меньше всего хотела этого.

– Как посмотрю, ты сильно проголодалась, – та же усмешка, едва тронувшая самый уголок жёсткой линии рта.

– Пить захотела, – ответила я, стараясь говорить спокойно, но поддаваясь ни его скрытой силе, ни пробирающемуся в самую глубь меня и опутывающему душу чёрными нитями взгляду.

– Горничная два раза в день приносит графин со свежей водой, – напомнил он.

С каждым сказанным им словом я всё сильнее чувствовала

ла себя загнанной в угол, но виду подавать не собиралась.

– Или тебе снова захотелось молока?

– Сока, – понимая, что так или иначе спуститься на кухню уже не получится, я хотела было вернуться в комнату.

Коснулась ручки двери, уже собираясь отворить, но Руслан придержал меня. Развернул к себе.

Ничего не говоря, просто смотрел, ожидая, видимо, что я занервничаю, растеряюсь. Я действительно нервничала, и он наверняка чувствовал это.

– Я распоряжусь, чтобы тебе принесли сок, – наконец сказал он, не спеша разжимать пальцы. Неожиданно резко выпустил руку и сжал ворот пижамы. Прищурился и буквально впечатал меня в дверь.

От неожиданности я коротко выдохнула. Он же оказался совсем близко.

Видела блеск его тёмных глаз, чувствовала лёгкий запах шампуня и зубной пасты. Уверенность в том, что я смогу не поддаться ему, противостоять, пошатнулась, как стоящая на узкой жерди доска.

– Ева... – Руслан качнул головой, собирая пижаму ещё сильнее, и я схватилась за его запястье. Не обращая на это внимания, он подтянул меня к себе. – Помнишь, что я тебе сказал вчера в машине?

– Ты много чего говорил вчера, – всё-таки нашла в себе силы ответить и впилась пальцами в руку сильнее. Подалась назад.

Я должна бы была потупить взгляд, промолчать. Должна бы была убрать руку и покорно терпеть всё, что бы ни случилось дальше. Но не сделала этого.

– Отпусти меня, – получилось даже резче, чем я собиралась. – Я должна одеться к завтраку.

Помедлив, он ослабил хватку, и я тут же убрала руку с его запястья. Упёрлась спиной в дверь, и та немного приоткрылась.

– Сок тебе принесут через пять минут, – сказал так, как будто это был непонятный мне приказ. Или угроза. – Или, может быть, всё-таки молоко?

– Сок, – выговорила я, так и смотря на него.

Откуда-то знала, что, если отвернусь сейчас, так и останусь зверёнышем. Той, что всегда должна подчиняться.

Вчерашний день был для меня сложным, как и все дни до него. Но там, на банкете, я убедилась: не все женщины подчиняются мужчинам. Даже мужьям. Глядя на жену брата Руслана, на Стэллу, на красивых высоких балерин я была уверена – у них всё не так. И ещё... Ещё в том, что их никогда не учили тому, чему учили нас в пансионате: быть хорошими жёнами, любовницами, покорными девочками, никогда не перечасшими мужчинам.

– Гранатовый, – добавила и скрылась в комнате.

Только там, закрыв дверь, как и вчера почувствовала, что пальцы стали холодными.

Плохо понимая, что делаю, подошла к окну и оперлась

локтями о подоконник.

Серое, такое непривычное небо... Непривычное, но отчего-то всего за несколько дней ставшее мне куда ближе того, что я всю свою жизнь видела в горах.

Поняв, что машину Руслан поведёт сам, я немного забеспокоилась. В том, что он часто обходился без водителя, было ясно. Но это уединение вкупе со вчерашней встречей с Борисом и ночным предупреждением Руса действовало на нервы.

– Мне не нравится, что я не знаю, куда мы едем, – честно сказала я после того, как мы провели в тишине, должно быть, не меньше двадцати минут. – Руслан, ты можешь сказать, куда ты меня везёшь?

Дорога, по которой мы ехали, постепенно становилась более оживлённой, деревья потихоньку сменялись домами. Вначале это были невысокие домики – где-то совсем убогие, покосившиеся, а временами выглядывающие из-за заборов кирпичные, двухэтажные. Но даже они не шли ни в какое сравнение с домом Руслана и его брата.

Заговорил Руслан не сразу. Его манера выдерживать паузу порядком раздражала. Он как будто некоторое время раздумывал, снизойти ли до меня и, только решив, что нескольких слов я всё-таки достойна, начинал говорить.

– Думаю, вам нужно как-нибудь прогуляться с Лианой, – озадачил меня вместо того, чтобы ответить на вопрос.

– С Лианой?

Вдоль обочины снова замелькали деревья, за ними пусты-

ри. Я заметила возвышающиеся впереди высокие дома и поняла, что пригород закончился.

– Зачем?

– Иногда, когда ты говоришь, у меня возникает чувство, что меня вышвыривает в старую добрую Англию века эдак девятнадцатого.

– Я неправильно говорю? – не очень понимая, переспросила я. – Если это так, тебе стоит просто поправить меня.

Он бросил на меня короткий взгляд и опять сконцентрировался на дороге. Я ждала, что он объяснит, однако отмеренные для меня слова по всей видимости кончились. Вытягивать их из него я была не намерена.

Уставилась в окно, глядя на проплывающие мимо многоэтажные здания. Подобное прежде мне тоже случалось видеть лишь в кино.

– Сколько тут этажей? – не удержавшись, ахнула я, когда мы миновали устремлённый ввысь дом. Казалось, что крышей он буквально подпирает небо. Проводила взглядом и порывисто обернулась на Руслана.

– Это небоскрёб, – удостоил меня ответом.

– Как он может быть таким высоким? – я опять посмотрела назад.

Изловчившись, схватилась за спинку сиденья, стараясь разглядеть дом, однако видно его уже не было.

– Сядь на место! – неожиданно рыкнул Рус и, схватив за плечо, буквально швырнул меня обратно.

Стоило посмотреть на него, я поняла – на этот раз лучше действительно промолчать. Поджала губы и искоса посмотрела на мужа.

Ещё несколько минут мы ехали в тишине. Я смотрела на удивительные, поражающие воображения дома, на идущих по обочине вдоль дороги людей, на вывески магазинов. Читала названия, не понимая, что все они значат, видела выставленные манекены, виднеющиеся сквозь стёкла столики...

Светофор перед нами мигнул, сменил свет, машина замедлила ход и остановилась напротив нарисованного штрихами на стекле витрины парусника. По бокам виднелись тёмно-синие шторы, внутри – столики.

– «Гавань», – шёпотом прочитала я. – Кафе-кондитерская...

Парус кораблика как будто был натянут ветром, штора, покачнувшись, напомнила мне о море. О моём обещании вернуться. Дверь кафе приоткрылась, и на улице показалась высокая женщина. Не оборачиваясь, уверенным шагом она пошла вперёд, не сопровождаемая никем из мужчин. Сама по себе. Одна...

Я опять посмотрела на вывеску.

– Кондитерская... – не уверенная, что стоит разговаривать с Русланом именно сейчас, всё-таки сделала это: – Это ведь там, где делают сладкое?

Он медленно повернулся. Посмотрел на меня, потом в ок-

но. Цвет светофора сменился, но вместо того, чтобы поехать вперёд, Рус неожиданно свернул к обочине. Ничего не сказав, вышел из машины и, обойдя, распахнул дверцу с моей стороны.

– Пошли, – в секунду он отстегнул удерживающий меня ремень и, взяв за руку, вытянул из машины.

Я почувствовала на своём лице запах, незнакомый прежде. Станный запах... Как будто... пахло свежестью и ещё немного чем-то несравнимым ни с одним запахом.

Ещё пара секунд, и мы оказались возле двери. Парусник так близко...

– Если это кондитерская, почему здесь корабль? – задержалась я, посмотрела на Руса. Думала, он снова промолчит, но он ответил:

– Потому что у тебя за спиной порт.

Я порывисто обернулась. Порт? Всмотрелась вдаль и вдруг... Сердце застучало, когда вдалеке я увидела что-то... Что-то незнакомое мне прежде, как и запах, что проникал в лёгкие.

– Если тут порт, – прошептала, глядя на Руслана. – Значит... значит, тут есть...

– Море, – ответил он и толкнул дверь. Завёл меня внутрь и, подведя к витрине, со снисходительной ухмылкой сказал:

– Выбирай.

– Доброе утро, Руслан Каримович, – не успела я ничего сказать, обратилась к нему стоящая по другую сторону вит-

рины девушка. – Чёрный, как обычно?

– Сделай с собой, – ответил он. И... положил ладонь мне между лопаток, опустил до поясницы. – Думаю, моя жена захочет взять что-нибудь с собой. Хотим прогуляться в море, – он шлёпнул меня по ягодице и, поймав мой взгляд, молча указал на витрину.

Я же растерянно смотрела на сладости, казавшиеся мне чем-то невообразимым. Да такое может быть только на картинке! Это же не может быть настоящим. Или... Женщины, которые водят машину, женщины, гуляющие одни по городу, шоколад в шкафчике... Но в мыслях у меня было совсем другое: море, прогулка...

– Разве тут может быть море? – тихо спросила я, когда девушка занялась кофе.

– Не задавай idiotских вопросов, Ева, – кажется, я всё-таки разозлила его. – Иначе я могу передумать.

Глава 15

Ева

Стоя на борту отошедшей от берега яхты, я потрясённо смотрела на перебирающее волнами величественное море. Море... Тёмное, суровое, оно было совсем другим. Не таким, как то, что я видела по дороге в аэропорт и тем более не таким, как в кино. Холодное и... ещё более прекрасное. Самое прекрасное из всего, что я знала до этого дня.

– Это невероятно, – выдохнула, подойдя к Руслану. – Невероятно, Руслан...

Схватила его за руку и, не в силах совладать с эмоциями, сжала. Спohватившись, отпустила и под его тяжёлым взглядом отступила назад.

Сколько я ни пыталась убрать с лица волосы, всё было тщетно. Ветер трепал их, снова и снова швырял мне на щёки.

– Возьми, – протянул мне Руслан клочок верёвки, когда я в очередной раз заправила прядь за ухо. – Собери их в хвост. Море – не место, чтобы красоваться.

– Я не красуюсь, – возразила, забирая верёвку. – Я не знала. Ты мог бы предупредить. Я же спрашивала, куда мы едем, но ты не счёл нужным ответить.

Не слушая меня, он посмотрел на линию горизонта, у которой рваными тёмными клочками громоздились тяжёлые тучи.

– От тебя слишком много шума, – выговорил Рус и прошёл мимо.

Широко расставив ноги, остановился посреди раскачивающейся от волн палубы и сунул руки в карманы куртки.

Сдержанный, суровый и полный тайн, как и волнующееся вокруг нас море, он, казалось, был его частью. Даже в чертах его лица, во взгляде появилось незнакомое мне прежде спокойствие.

И снова я подумала, что он красив. Неожиданно захотелось коснуться его скул, почувствовать под пальцами щетину и, прячась от ветра, прижаться к нему спиной. Захотелось встать перед ним, чувствуя его силу и так же, как и он, смотреть вдаль, на линию горизонта, на тяжёлые тучи и просто молчать, слушая, как шумит море. Глупые, неуместные и непонятно откуда взявшиеся желания...

Проглотив очередную обиду, я спешно заплела косу и снова подошла к нему.

– Рассказывай, – приказал он, едва я встала рядом.

Подтолкнул к краю палубы и, оперевшись рукой об ограждение, смерил взглядом.

Могла ли я уйти от ответа? Вряд ли. Сделать вид, что я не поняла, о чём он? Нет.

– Я не знаю, что тебе рассказать, Руслан, – ответила я совершенно честно. На пальцы мои попало несколько капель воды, и я крепче стиснула металл ограждения.

Соль... Вот, значит, что это – запах соли.

Утром Наталья принесла мне очередную коробку – на этот раз с джинсами, свитером и ботинками. Почти такими же, как были на Стэлле в тот день, когда Руслан сказал, что теперь я его жена и показал мне паспорт. И теперь я стояла на влажной палубе, прямо глядя на мужчину, знала которого всего несколько дней. На мужчину, надевшему на безымянный палец моей правой руки обручальное кольцо. На мужчину, который всё ещё оставался для меня незнакомцем так же, как и в первые секунды нашей встречи.

– Откуда ты сбежала той ночью? – он смотрел на меня внимательно и при том спокойно. Знал, что на этот раз промолчать я не смогу. Даже если захочу этого – он не позволит. Да я и не собиралась.

Этой ночью уснула я не сразу. Думала о прошлом и том, что будет, если Руслан обо всём узнает. И ещё Борис... Борис был гранью, о которую ломались все доводы. Потому что Руслан был моей единственной защитой. Но как он сможет защитить меня, если не будет знать, от кого? Другое дело, захочет ли защищать, если узнает.

– Из пансионата, – пропустив пару стукнувшихся о борт вол, сказала я. Ответила Русу прямым взглядом. – Я там выросла, там прожила всю жизнь.

– Что за пансионат?

– Не знаю, – не соврала. – Так его все называли. Мы там жили, учились...

Говорить об этом оказалось сложнее, чем я предполагала.

Слова не шли в голову, осознание, насколько в действительности ограниченной была всё это время моя жизнь, пришло, наверное, только сейчас. В этот самый момент.

Нескольких слов оказалось достаточно, чтобы описать семнадцать лет.

Шумно, неровно выдохнув, я повернулась лицом к борту и взялась за него обеими руками. Сжала пальцы до белизны, чувствуя, как холод поручня пробирается под кожу, щурясь от обжигающего лица ветра.

– Там были одни девочки. Некоторых привозили совсем маленькими, некоторым было лет по шесть. Были даже старше... А потом их увозили.

Руслан не перебивал меня. Понятия не имею, было бы мне проще, если бы он начал задавать вопросы. Наверное, да. Но так я словно бы вернулась назад. Словно бы смогла ещё раз взглянуть на всё.

– Увозили... – повторила задумчиво, вспоминая моменты собственной жизни.

О том, что их время в пансионате закончилось, некоторым девушкам сообщали заранее, а некоторым... Некоторых Борис просто забирал с собой, не дав времени даже попрощаться. Он мог забрать кого угодно. Кого угодно, кроме меня. Но я знала, что рано или поздно мне тоже придётся уехать. С ним. К нему.

– Куда, я не знаю. Нам говорили, что мы предназначены для влиятельных мужчин. Все мы...

– И ты? – он взял меня за плечо и опять развернул к себе. Взгляд его оставался спокойным, но темнота в глубине глаз стала такой же тяжёлой, как и тучи над нами.

Мне стало страшно. Сказать правду сейчас? Есть ли у меня выбор?

– Не совсем, – отозвалась я. – Я... Борис оставил меня для себя.

– Кто такой Борис? – Рус так и держал меня за плечо.

– Не знаю, – я вдруг поняла, что больше не могу. Не могу говорить об этом, не могу вспоминать. Не могу, потому что... Потому что говорить мне не о чем.

Восемнадцать лет собственной жизни уложились в несколько слов, ярость и отчаяние, неожиданно вспыхнувшие внутри, были так сильны, что я не сумела сдержаться и крикнула:

– Я не знаю, Руслан!

Вырвалась и отошла от него. К глазам подкатили слёзы, в горле встал ком.

Руслан дождался, пока я немного успокоюсь, совладаю с эмоциями. Сделала я это достаточно быстро: несколько наполненных запахом моря вдохов, ветер на лице. Это отрезвило.

– Как ты сбежала?

– Мне помогла одна из наставниц, – отозвалась, не глядя на него. Порыв ветра, нагнавший высокую волну, принёс с собой ещё несколько солёных брызг. Я облизнула губы. –

Помнишь тогда... новости. Там говорили про женщину, которую убили? – развернулась к Руслану.

Без сомнений, он помнил. Спокойствие, которое было в нём ещё недавно, сменилось напряжением. Подобравшийся, он щурился от ветра, губы его были плотно сжаты. Мне стало ясно – терять больше нечего. Судорожно выдохнула, провела пальцами по мокрому бортику.

– Это была она... – выговорила тихо, хотя могла и не делать этого. – Её убили из-за меня, Руслан. Из-за меня.

Меня потряхивало. Стало ли мне легче от того, что я рассказала ему? Не знаю... Вцепившись в поручень, почувствовала, как соприкоснулся металл с металлом. Кольцо. Единственное, про что я не рассказала – про Бориса. Про то, что окружённый охраной хозяин внедорожника и тот, кто изначально растил меня, чтобы сделать своей, один и тот же человек. Но сил на это у меня не осталось. По крайней мере, сейчас.

– Видишь, как всё... – невесело усмехнулась.

Его молчание, шум ветра...

– Ничего не скажешь?

– Что я должен тебе сказать?

Посмотрела на него, не отпуская ограды. Ветер как будто стал тише, но небо было всё таким же тяжёлым, давяще-низким и хмурым.

Узкие джинсы, ботинки на толстой подошве... В этом действительно было что-то. Что-то от неведомой мне рань-

ше жизни.

Собрав ворот толстого свитера, я плотнее прикрыла шею. Вязаный, тяжёлый, он доходил мне до середины бёдер, выглядывал из-под куртки. Ничего от прежней жизни. И я сама... Я сама уже не была прежней.

– Зачем я тебе, Руслан? – спросила наконец. – Я не понимаю, что ты чувствуешь. Не понимаю твоего к себе отношения. Зачем, Рус?!

– Захотелось, – жёстко отрезал он.

Я качнула головой. Меня снова окатило яростью. Захотелось?!

– Захотелось?! – уже вслух выпалила я. – Ты называешь меня зверюшкой, надеваешь на палец кольцо, ведёшь на свадьбу брата... Только что я сказала тебе, что из-за меня убили человека! И тебе... тебе даже нечего ответить мне? Я не понимаю тебя!

– Меня и не надо понимать! – зарычал он, так же, как и я, сжимая поручень. – Понимать меня – не твоё дело! Твоё дело быть послушной...

– Послушной женой или послушным зверёнышем?! – перебила его.

Злость становилась всё сильнее. Она как будто клубилась вместе с тучами, плескалась с волнами, слышалась в ветре. Моя собственная злость, моё собственное бессилие. Я больше не хотела молчать. Не хотела, чтобы и следующие восемнадцать лет моей жизни уложились в несколько изломанных

фраз.

Мне нужны были ответы. В этом мире, где женщины водили машины и носили тяжёлые ботинки, где женщины открыто смеялись и сидели за столиками в кафе и ели пирожные, где они имели право выбирать – мне нужны были ответы.

– Одно другому не мешает, – процедил Руслан.

Он опять был сдержанным, спокойным, смотрел на меня, как на ничтожество, как на личную прихоть.

– Не одно и то же! – выкрикнула я. – Не одно! Зачем я тебе?! Ради интереса? Ради развлечения?! Зачем ты на мне женился?! Что ты чувствуешь?! Ты вообще хоть что-нибудь чувствуешь?

– Нет, – равнодушно ответил он.

Все мои слова как будто обошли его. Как будто он был окружён непроницаемым куполом. Нет... Вот и всё.

– Нет? – переспросила я.

– Нет, – подтвердил и хотел было уйти, но я остановила его.

– Руслан! – крикнула, когда он, дойдя до ведущей вниз к каютам лестнице, собрался было спуститься. – А если я прыгну? – встретившись с ним взглядом, спросила громко. – Тогда что? Тоже ничего не почувствуешь?

Плохо понимая, что творю, я поставила ногу на нижнюю перекладину. Мокрая, она была скользкой. Меня колотило: от этого разговора, от его безразличия.

– Ничего?! – поставила вторую ногу рядом.

– Нет, – он опёрся о перила лестницы, наблюдая за мной.

– Нет? – поднялась ещё выше. – Совсем ничего?

– Нет, – отрезал Руслан и начал было спускаться.

Неожиданно яхта накренилась. Ладонь скользнула по железу, удар бедром...

Вскрикнув, я вцепилась в поручень. Сердце загрохотало, внутри всё перевернулось, секундный испуг...

А после... после только ветер... Бездна тёмных волн и сомкнувшийся над головой холод, мгновенно пропитавший одежду, добравшийся до тела, накрывший пониманием – мне не выплыть. Никогда...

Глава 16

Руслан

Чутьё подсказало, что случится дальше, едва только в противоположный борт яхты врезалась тяжёлая, мощная волна. Бросился к борту, но было уже поздно – красная куртка, мелькнув на фоне серого неба, пропала из вида. Только короткий, испуганный вскрик Евы так и звучал эхом в ушах, как будто кто-то с размаху резанул ржавым ножом по натянутым нервам.

Не отпуская взглядом мелькающий в беспокойных волнах красный маячок, я рывком скинул на палубу куртку, ботинки и, швырнув вниз верёвочную лестницу, бросился следом.

Проклятье, я уже забыл, какой холодной в это время бывает вода!

Борясь с волнами, я широкими гребками поплыл к ней, надеясь только на то, что она не пойдёт ко дну прежде, чем я окажусь рядом.

Нет уж! Морю она не достанется – прикончу сам. Вытащу на палубу и прикончу!

– Чёрт подери, – вырвалось у меня, когда волна накрыла её с головой. Красная куртка на пару секунд исчезла из вида и появилась снова.

– Ева! – гаркнул, поняв, что, поддавшись панике, она попусту тратит силы. Идиотка!

Заметил, как шевельнулись её губы, ухватил за капюшон и рванул, пытаясь не дать ей ухватиться за себя и утянуть на дно нас обоих.

Глаза драло от соли, волны то и дело бросали в лицо пригоршни воды. Стоящий вокруг плеск смешивался с боем моего сердца и стоящим в ушах шумом. Вены, казалось, вздулись от напряжения.

– Вперёд! – рявкнул, толкнув безмозглую истеричку к лестнице. Подсадил её, холодную, мокрую, тяжеленную от пропитавшей одежду воды. – Пошла! Давай!

Руки её не слушались. Кое-как она ухватилась за верёвочную перекладину, но, стоило ей сделать это, пальцы соскользнули, и она едва снова не оказалась в воде.

Навалилась на меня. Я чувствовал её дрожь, слышал вырывающееся из груди дыхание, чувствовал её страх и свирепел от этого.

– Я тебя, суку... – кое-как перехватил её, удержал и опять подсадил, помогая.

Громко, сбивчиво дыша, она принялась карабкаться на палубу. Вода струями стекала с её одежды, со спутанных волос, попадала мне на лицо вместе с брызгами взбесившегося моря и каплями начавшегося дождя. Страхуя её, я поднимался следом. Её обтянутая джинсами задница, мелькала передо мной. Бёдра, икры, щиколотки... Теперь, когда ей ничего не угрожало, ярость стала единственным, что во мне осталось.

– У тебя, блядь, есть хоть капля мозгов?! – заорал я, рывком подняв Еву с палубы, когда она, обессиленная, перевалившись через борт, упёрлась ладонями, пытаясь сделать вдох.

Глаза её, тёмно-карие, казались огромными на бледном обескровленном лице. Мокрые растрёпанные волосы липли ко лбу, щекам, к синеватым губам.

Меня колотило. От понимания, что я мог не вытащить её, от понимания, что она, чёрт возьми, могла пойти на дно раньше, чем я добрался до неё.

– Я не хотела, – закашлявшись, начала было она. Звук её голоса резанул по нервам, как и вскрик, ставший последним, что я услышал перед тем, как она свалилась в воду.

– Я тебя спрашиваю, дура, у тебя мозги есть?!

Тряхнул так, что голова её дёрнулась, а стучащие зубы клацнули друг о друга.

– Ты понимаешь, что могло с тобой стать?! Ты хоть что-нибудь понимаешь, чёрт тебя подери?! Я тебя сейчас сам обратно швырну! Какого дьявола ты творишь?!

Кровь превратилась в чёрно-красную раскалённую лаву. Смотрел на неё, трясущуюся, похожую на вымокшую собачонку, а внутри закручивался комок из противоречий. Стоило представить, что я мог бы вернуться на берег без неё...

– Ты что мне решила доказать?! Это тебе что, надувной бассейн с резиновыми утками, чёрт подери?! Это море! Баба... – процедил я. Взял за ворот и подтянул к себе. – Глупая

баба... Чтоб я ещё раз взял тебя...

– Я не... – едва шевеля губами, снова было заговорила она.

Я не хотел её слушать. Видеть, в общем-то, тоже не хотел, ибо боялся, что в самом деле сверну ей шею.

– Заткнись! – рыкнул сквозь зубы.

Толкнул от себя, и она повалилась возле моих ног тяжёлым мокрым мешком. Боялся, что ещё секунда и просто размажу её об эту самую палубу. Вспышка внутри, скрежет металла... Поморщился, пытаюсь прогнать адскую боль, сдавившую виски. Тряхнул головой и процедил:

– Ещё одно слово...

Матерясь, на чём свет стоит, я отвернулся. Девчонка закашлялась, отплёвываясь от соли, от воды, а я сжал руки в кулаки. С шумом втянул носом воздух и сплюнул себе под ноги.

– Давай вниз, – сказал немного сдержаннее, подняв с палубы куртку и ботинки.

Боль всё ещё сдавливала голову, и я с трудом удерживался на грани между прошлым и настоящим. Штрихами на фоне неба мелькнул силуэт лучшего друга и тут же исчез. Ветер – врывающийся через окно и завывающий, свободный тут. Если бы я не вытащил её... Нет! Вытащил бы, в этом у меня не было ни секунды сомнения. Вытащил бы, чего мне это ни стоило!

Кивком я указал на ведущую в каюту лестницу.

Ева так и сидела, свесив голову. Тяжело опиралась о палубу дрожащими руками. Дышала она всё ещё прерывисто, и я, глядя на неё, не выдержал и снова крепко выругался.

– Идиотка, – процедил, рывком подняв её за капюшон и, протаскив через палубу, едва ли не швырнул вниз.

Лучше бы мне было какое-то время побыть здесь, наверху и не видеть её. Потому что каждый брошенный на неё взгляд только усиливал гнев. Понимает она или нет, чем всё могло для неё закончиться? Для неё и для меня? Что её глупость могла стоить ей жизни?! Что её настырное желание добиться от меня того, чего добиться было невозможно, могло стать последним желанием в принципе?!

Если бы не насквозь вымокшая одежда, я бы действительно задержался наверху на несколько минут. Хотя бы для того, чтобы сделать пару глубоких вдохов и унять собственных демонов.

– Раздевайся! – приказал я, когда мы оказались возле диванчика в небольшой кухне.

Перечить она не стала. Шмыгнула носом и дрожащими руками принялась неловко расстёгивать куртку. Пальцы её не слушались, и я, не в силах больше смотреть на это, откинул её руки. Сам дёрнул молнию вниз и содрал куртку с тонких плеч.

– Что ты мне хотела доказать?! – чувствуя её дрожь, снова не сдержался. Схватил за плечи и тряхнул ещё сильнее, чем

там, на палубе. – Какого хрена?! Какого, я тебя спрашиваю, хрена ты всё это устроила?! У обезьяны голова лучше работает, чем у тебя!

– Прекрати на меня кричать, – голос её звенел. – Прекрати, Руслан! – неожиданно выкрикнула она и тут же судорожно, со всхлипом, вдохнула. – Я не думала... Я...

– Ты не думала?! – заорал я в ответ. Взялся за края свитера и снял его с неё. Мокрый, он со шлепком упал к нашим ногам. – Так, может, надо было подумать?! – вслед за её свитером стянул свой и швырнул к её. Контрастом чёрное и белое.

Ева продолжала дрожать. Кожа её была покрыта мурашками, губы посинели ещё сильнее.

– Ты не думала... – зло процедил, рывком расстёгивая пуговицу на её джинсах. Дёрнул вниз молнию и принялся стаскивать с её узких бёдер.

– Мне надоело, что ты обращаешься со мной, как...

– Как с кем?! – зарычал, тщетно пытаясь стянуть прилипшую ткань вниз.

Это злило ещё больше. Всё это дерьмо: мокрые вещи, её блестящие глаза, собственное не успокаивающееся сердце, боль в висках.

– Не знаю, как с кем! – закричала она и отступила. – Вот именно, что не знаю! Ты то пристаёшь ко мне, то уходишь! И потом эта рыжая любовница у тебя в кабинете...

Против воли я скривил губы. Что у неё в голове происходит?!

– Я не понимаю тебя! – закричала ещё громче.

Сделала шаг назад, запнулась об одежду и повалилась на диван. Смотрела на меня, полуголая, снизу-вверх, а меня накрывало от её взгляда, от её вызывающей наготы и дерзости, отражающейся в её потемневших, с застывшими в уголках слезами глазах.

– Тебе и не нужно меня понимать!

– Нужно! – упрямо возразила она и, встав, подалась было ко мне, но я остановил её взглядом. Грудь её вздымалась, несколько слезинок уже текло по лицу, и она порывисто смахнула их.

– Нужно, – сказала уже спокойнее, но всё с тем же упрямством.

Вот же стерва! Стиснув зубы, я отошёл к шкафчикам, хлопнул дверцей одного, другого... Красивая стерва, вывернувшая мне мозги и добравшаяся-таки до нутра. Когда?! Вот этого я не знал. Когда только успела, сука?!

– Руслан, – голос её раздался прямо у меня за спиной.

Я вытащил пробку из горла бутылки. Отличная текила, как раз то, что нужно. Пытаясь то ли согреться, то ли отогнать всё ещё туманом маячащее прошлое, то ли справиться с настоящим, я сделал глоток. Протянул бутылку ей.

– Пей, – приказал, глядя в глаза.

Она сжала губы, даже не подумав подчиниться.

– Пей, я сказал! – зарычал, крепко сжав её худое плечо. – Пей или я волью это в глотку!

Стиснул так, что она зашипела. Дёрнулась от меня и врезалась в стол. Смотрела дерзко, не отводя взгляда. Всё-таки послушавшись, перехватила горлышко и, сделав небольшой глоток, поморщилась. Я снова взялся за её джинсы. Узкие, они плотно облепили её задницу, и чтобы хоть немного спустить, пришлось приложить немало усилий. Холодная мокрая кожа, дрожь...

Дно бутылки стукнулось о стол в тот момент, когда джинсы повисли на её бёдрах. Плеснув текилу на ладони, я резко развернул Еву к себе спиной и с силой принялся растирать её. Тонкие лопатки, желобок позвоночника.... Толкнул вперёд, заставляя упереться ладонями о дерево, но она опять не поддавалась. Повернулась лицом, посмотрела прямо в глаза. Что-то мелькнуло в самой глубине. Янтарные искорки...

– Руслан... – неожиданно подалась она ко мне. Ладонь её скользнула по моей груди, с губ слетел сбивчивый выдох. – Кто ты? – прошептала она, прижимаясь. – Кто? – посмотрела пристально.

Её твёрдые соски упирались мне в грудь, тело было упругим и гибким. Ладонь моя легла на её поясницу, желание, ещё более сильное и бесконтрольное, чем гнев, вспыхнуло внутри в одно мгновение.

– Ты сама-то, кто? – выдавил, совершенно переставая понимать, что происходит. Сгрёб её волосы.

Она подалась ещё ближе, встала на носочки и, обхватив меня за шею обеими руками, шепнула:

– Не знаю... Всю жизнь мне казалось, что знаю, а теперь...

Губы её коснулись моих губ. К чёрту! Всё к чёрту! Пропади оно пропадом!

Накрыл её рот своим и почувствовал горько-сладкий вкус соли, смешанный с её сладостью. К чёрту...

Она отвечала осторожно, неловко, и эта неловкость сводила с ума ничуть не меньше её вкуса. Я чувствовал, как она дышит, чувствовал, как вздымается её грудь. Подхватил и, усадив на стол, встал между её бёдер. Намотал на кулак мокрые тяжёлые волосы и, рыча, втолкнул язык ещё глубже.

Хотелось завладеть ею сию же секунду. Не просто повалить на стол и взять, а именно завладеть – её сознанием, её телом, подчинить её волю и разум.

– У меня так сердце стучит... – прошептала Ева, проведя ладонями по моим лопаткам. – Руслан... – взяла мою руку и положила себе на грудь.

Я снова зарычал. Дёрнул её за волосы, посмотрел в потемневшие глаза и, обхватив грудь, смял. Услышал, как она застонала, и выматерился.

С наслаждением погладил её по боку, держа так, чтобы она не могла пошевелиться. Она хотела было обнять меня, но я не дал. Чёрные прядки свисали с моей руки, раскалённая кровь неслась по венам, нутро выкручивало. Шея её манила нежным изгибом, и я, поддавшись соблазну, прижался губами к синеватой венке.

Провёл языком и прикусил.

– Руслан! – сдавленно вскрикнула девчонка. Обхватила мою голову, прижала к себе.

Она понимает, что творит?! Она, мать её, что-нибудь вообще понимает?!

– Я же тебя сейчас трахать буду, – просипел, толкнув её на стол. – Ты это знаешь? – опёрся руками по обеим сторонам от её плеч. – Знаешь, – склонился ниже, снова обхватил её голову, посмотрел в тёмные, колдовские глаза и процедил: – Всё ты знаешь.

Лежащая передо мной навзничь, она смотрела из-под ресниц, провоцируя уже одним только этим.

Резьбу у меня сорвало окончательно, шестерёнки посыпались в разные стороны, выпуская наружу то, что я до этого момента сдерживал.

– Не говори так, – шепнула она, касаясь моего плеча. – Это слово, оно...

– Заткнись! – зарычал снова и впечатал ей в рот поцелуй. Чувствовал её губы, её кожу, вдыхал запах солёной ванили и как голодный шарил по ней, получая удовольствие и удовлетворение от каждого касания.

Да, с этой девочкой я не прогадал. Откуда бы она ни была, какие бы демоны ни стояли за её спиной. С этим я как-нибудь разберусь.

– Пожалуй, ты самое удачное моё приобретение за последнее время, – усмехнулся ей в губы и, выпустив волосы, отбросил на стол. Мне доставляло удовольствие рассматривать

её, касаться.

– Солёная... – втянул в рот её сосок и прихватил её губами. Ева вскрикнула, пальцы её впились в мою кожу.

Я прошёлся вниз, до самого пупка и, взяв бутылку, сделал глоток текилы. Поморщился, провёл рукой по бедру Евы и щедро полил её живот.

– Ты что? – выдохнула она сбивчиво. Попыталась подняться.

Толкнув в плечо, я заставил её лечь обратно. Склонился и облизал – вкус выпивки смешивался со вкусом моря и её запаха.

Чёрт подери! В паху ныло так, что перед глазами едва ли точки не плясали, но торопиться не хотелось. Она мне не для этого.

Обхватил её ягодицы, сжал.

– Дай и мне, – попросила она, когда я снова взял бутылку.

Приподнялась на локтях – неприкрытая, невинно-распущенная. Потянулась было за текилой, но я убрал руку. Сделал глоток и, обхватив её шею, прижался ртом ко рту. Пойло потекло в её глотку, я почувствовал, как она попыталась сделать вдох. Не нравится...

– Не вкусно, да? – покусывая её губы, сдавленно засмеялся.

– Не нравится, – отозвалась она, целуя меня. – Зачем ты пьёшь? Это ведь не вкусно. Разве...

– Как же от тебя много слов, – её болтовня начинала раз-

дражать меня. Куда больше мне нравилось слышать её сбивчивое дыхание.

Пробуя её губы, её кожу, я понимал – хочу больше. Хочу, чтобы она извивалась, чтобы выгибалась подо мной.

– Глупая малышка Маугли... – ухватив её за подбородок, покачал я головой. Заставил её раскрыть губы и влил глоток текилы, не обращая внимания на её протест. Струйка потекла по её подбородку, и я тут же слизал её. Перешёл на шею, к груди и животу... Да, чёрт подери! Раскрытой ладонью провёл по гладкому упругому бедру.

– Что ты... – она попыталась сдвинуть ноги, когда я спустился к её лобку, увернуться.

Оставив её только на пару секунд, перехватил тонкие кисти. С силой сдавил и кинул её обратно.

– Хочу попробовать тебя, – подтянул её выше. Обвёл пальцами губы. – Уверен, там ты такая же вкусная, как и тут, – желание было таким сильным, что других мыслей не осталось. Яхту покачивало на волнах, нужно было возвращаться, но всё, что меня интересовало – она. Её влажные губы, чувственный рот, манящие глаза.

Заставив её разомкнуть губы, коснулся её языка, второй рукой сжал острую коленку. Что там она говорила? Что её оставил для себя хозяин притона, где она выросла?

Неожиданно меня накрыло чернотой. Стоило подумать, что кто-то мог касаться её, иметь на неё виды, нутро так и опалило.

– Ты только моя, запомни это раз и навсегда, – сипло процедил я, резко схватив её запястья. – Никто другой прав на тебя не имеет.

Она облизнула губы. Попробовала освободить кисти, и я само собой опустил взгляд с её лица на красивую упругую грудь с торчащими твёрдыми сосками. Махом перехватил обе её руки одной своей, провёл по шёлковой коже и накрыл между ног. Тело её было прохладным, а там... Там сосредоточилось тепло.

– Что ты... – снова было начала она, но осеклась, встретившись с моим взглядом. Только с приоткрытых губ слетел долгий, влажный выдох.

Чёрт знает, почему я разжал пальцы, почему выпустил руки. Почувствовал только касание её ладоней к плечам – как будто неловкие, невинные, но абсолютно откровенные. Такие же откровенные, как и её манящий взгляд. Пальцы её запутались в моих волосах, тело выгнулось навстречу. Сквозь грохот собственного пульса в её сбивчивом шёпоте я смог различить лишь собственное имя.

Проклятье! Собственное имя, никогда не звучавшее так чувственно и откровенно вызывающе в устах ни одной шлюхи. Даже Каролина... Мысли о рыжей бестии мелькнули и тут же пропали, словно бы их смыло мощной морской волной. Яхта покачнулась.

– Мне нравится, – дурея от своей малышки, я проделал губами уже знакомый путь – по шеи к животу.

Стоило мне, раздвинув её бёдра, тронуть языком складки нежной плоти, Ева всхлипнула. Попыталась было возразить, запротестовать.

– Не надо, Руслан, – шептала она, тогда как по телу её прокатилась волна дрожи. Волнующей, хорошо понятной мне.

Я пробовал её снова и снова, вбирал вкус, а у самого в паху болело от напряжения.

– Так же неправильно, – застонала она, откидываясь на стол.

Оперевшись о край ладонью, я провёл между её ног пальцами. Глядя ей в глаза, не спеша проник глубже, погладил её изнутри.

– Неправильно? – похрипел, раздвигая пальцы шире. Узкая, влажная... Она откликнулась на меня, поддавалась, не скрывая своих желаний. – И так неправильно? – продвинул пальцы немного дальше.

– Руслан... – она задышала быстро, ладошки её сжались в кулаки.

Большим пальцем я очертил её клитор, слегка надавил и, обхватив шею, не переставая ласкать внизу, впечатал в губы поцелуй. Вкус её плоти и вкус её губ...

– Неправильно? – пальцы ещё глубже в неё, вырывая растворившийся в нашем дыхании вскрик. Её узкие прохладные ладони на моих плечах, движение навстречу руке...

С силой укусив за нижнюю губу, я подхватил её под коленками, заставил упереться в стол стопами, а сам припал

к плоти. Обхватил за ягодичи, лаская её языком. Чёрт... В башке всё перемешалось, оставив лишь одно желание: увидеть, как она, захлёбывающаяся стонами и всхлипами, изгибается на этом столе, как влажно блестят складки её плоти, как чернота зрачков поглощает карюю радужку глаз.

– М-м-м... – стонала она, беспомощно изгибаясь. Положила руку мне на затылок, попыталась оттолкнуть. Но вместо этого шире развела ноги и простонала тихо: – Пожалуйста... Пожалуйста...

В мозгах как будто что-то лопнуло. Её голос, моё собственное желание...

– Пожалуйста... – всхлипнула она снова.

Теперь она была не просто тёплой, горячей – она пылала. Её вкус пьянил меня, пах затвердел так, что я едва мог контролировать себя. Тяжело дыша, отстранился и опять вогнал в неё пальцы. Тугая, мокрая плоть, её вскрик и глаза... Чернота, окаймлённая янтарём...

Перехватив мою руку, она положила её себе на грудь. Изнывающая, кусала губы, чёрные мокрые волосы разметались по столу, по её бледным плечам, прилипли к лицу.

– Да... – выдавил, вгоняя в неё пальцы ровно настолько, чтобы оставить на потом главное. – Да... Нравится? Нравится, малышка...

Мял её грудь, а сам точно знал – самому мне достаточно будет нескольких толчков, чтобы закончить всё здесь и сейчас.

– Рус... Руслан... – всхлипнув, она выгнулась в спине.

Я зарычал, ощущая, как она кольцом сжимается вокруг моих пальцев, как волна за волной отдаётся во власть удовольствия.

– Боже мой... – откинула голову, судорожно хватая ртом воздух.

– Посмотри на меня, – приказал, обхватив её затылок.

Пulsация крови набатом билась в висках, член стоял колом, как будто я был пацаном, в первый раз снявшим себе грудастую потаскуху.

Ресницы её дрогнули, веки приподнялись... Чёрт... Какая же красивая...

– Красивая... – вырвалось у меня. Она заскулила, захныкала, стоило мне сделать внутри неё ещё несколько движений. Потёрлась щекой о мою руку и, взяв, порывисто поцеловала ладонь.

– М-м-м... – вместо слов только и вырвалось у неё прежде, чем она, закрыв глаза, откинулась на стол. Дрожащая, влажная.

– Я никогда не думала, что это так, – шепнула она. – Никогда.

– Это не только так, – я не выдержал. Собрал её чёрные волосы, приподнял голову, желая её губ. Желая её всю.

Но начать хотел с самого доступного – со сладости её рта, смешанного с солью и текилой, опрокинувшей, и залившей весь стол.

– Сейчас ты узнаешь, как может быть ещё...

Проник в её рот языком и, подавшись назад, сдёрнул девчонку со стола. Пошатывающаяся, она прижалась ко мне, ухватилась за руку. Посмотрела снизу-вверх и коснулась напряжённого живота. Ниже...

– Чёрт тебя возьми! – сжал её плечо. Секунда. Глаза в глаза.

Я уже хотел было толкнуть её на пол, к своим ногам, чтобы она наконец занялась делом, но она сама коснулась моего бедра. Провела кончиками пальцев и, подогнув ноги, опустилась на колени.

Перед глазами поплыло, в ушах зашумело сильнее. Сам не заметил, как обхватил её голову. Узкие плечи, чёрные глаза... На пальце её блеснуло кольцо.

– Постарайся, как следует, – я толкнул девчонку вперёд. Почувствовал, как она напряглась, и заставил себя попридерживать коней.

Ничего, наверстаю потом.

Неловко она расстегнула пуговицу на моих джинсах, опустила вниз застёжку. Стоило ей дотронуться до готового взорваться члена, я судорожно втянул носом воздух. Стиснул зубы.

– Ева... – не сдержавшись, подтолкнул снова.

Если она провозится ещё хоть немного дольше, для неё это ничем хорошим не закончится. Никакие слёзы не помогут – с меня достаточно. И так тянул слишком долго. Оты-

мею, как портовую шлюху, во все...

Ощутив её пальцы, запрокинул голову. Ещё один шумный вдох, кровь, разрывающая вены...

Неожиданно яхту качнуло так, что я едва удержался на ногах. Ева вскрикнула, повалилась на бок, успев подставить локоть, лежащая на столе бутылка с грохотом упала на пол.

– Чёрт возьми! – выругался я сквозь сжатые зубы, когда за первым ударом последовал ещё один. Закреплённая на стене рация затрещала, ожила.

– Внимание всем судам... – послышалось сквозь трескотню.

Красно-чёрная дымка возбуждения всё ещё затуманивала мозг, но, судя по прорвавшемуся сквозь неё голосу диспетчера, дело принимало дрянной оборот. Ева встала, бросилась вслед за мной, когда я, схватив рацию, обрывочными фразами ответил, что мы в порядке.

– Возвращаемся в порт, – процедил прежде, чем отпустить кнопку.

Обернулся к малышке, так и стоявшей передо мной, в чём мать родила. Ева, чтоб её! То ли морская Сирена, то ли кусок того самого греховного яблока, что сожрала когда-то давно её тёзка...

– Прикройся, – взяв с дивана скомканный плед, швырнул ей, а сам быстрым шагом пошёл к лестнице.

– Руслан! – окликнула она меня с непониманием.

Обернувшись, я увидел, что она прижала плед к груди. А

ниже... На миг в голове у меня мелькнула мысль продолжить начатое. Наплевать на шторм, на стремительно поднявшийся ураганный ветер, поставить её на колени и...

– Мы возвращаемся в порт, – отрезал я и ступил было на лестницу. – Продолжим дома. Начнём с того, на чём закончили.

Она снова остановила меня: кутаясь в цветастую тряпку, сделала пару шагов в мою сторону.

– А если я не захочу? – спросила неожиданно дерзко и вызывающе.

Решила спровоцировать? Зря, девочка.

– Я тебе уже ни раз говорил, что твои желания меня не волнуют.

– Но тогда... – она замялась. Подошла ещё ближе. – Как тебя могут не волновать мои желания, если я твоя жена? – негромко, не сводя взгляда.

– Женой тебя делает только кольцо на пальце, – я всё-таки спустился. Схватил её за правую руку и крепко сжал. Глянул на ладонь, потом твёрдо – в лицо. – Кольцо и фамилия, – ях-ту раскачивало всё сильнее, и это начинало действовать на нервы. Что-то звякнуло, покатилося... – Ты моя зверюшка, – выпустил руку, отталкивая девчонку. – И ты будешь делать так, как я скажу. Если захочу поставить тебя на колени – ты встанешь. Захочу трахнуть тебя сзади – подставишь зад. Ясно? Сколько раз я должен сказать тебе это, чтобы тебе, чёрт возьми, стало ясно?!

– Мне ясно, Руслан, – вздёрнув подбородок, процедила она и отступила.

Новая волна оказалась сильнее предыдущих, и я, выматеревшись, бросился наверх, представляя, какая там творится чертовщина. Как раз под стать той, что творилась сейчас у меня внутри.

Глава 17

Ева

Завёрнутая в плед, я сидела на заднем сиденье машины Руслана и с безразличием смотрела на проносящиеся мимо здания, какие-то часы назад казавшиеся мне невероятными. Сама не понимала, что со мной. Как будто что-то внутри... надломилось. Коробка с так и не тронутыми пирожными лежала рядом.

– Тебе нравится быть женатым на зверёныше? – всё с тем же безразличием поинтересовалась я, раздумывая над тем, что ждёт меня дома.

Там, на яхте, я хотела... Хотела быть с ним. Сама не знала почему, но желание это стало таким острым, что сдерживать его было бессмысленно. Холодная вода, утягивающая на дно одежда и он. Он...

– Вполне, – коротко ответил он, посмотрев на меня сквозь зеркало заднего вида с такой небрежностью, как будто ничего не случилось.

Как будто не было штормящего моря, раскачивающейся палубы, его рук, его губ. Как будто вообще ничего не было.

С силой я сжала края пледа, под которым не было ничего, кроме тонких влажных трусиков. Так я и дошла до машины, подогнанной прямо к причалу – босая и практически голая. Мысли о том, что он делал со мной, смущали, не давали по-

коя. Никогда раньше не испытывавшая ничего подобного, я как будто потерялась в чувствах, вспыхнула и сама стала огнём.

– Да, – ответил он, когда лежащий рядом телефон завибрировал. – Да... Нет... Это так срочно? Послушай... – спокойный голос наполнился раздражением. – Нет, это ты послушай...

Наблюдая за Русланом, я вдруг задумалась о том, смогу ли жить вот так? Постоянно терпеть его унижения, выполнять приказы и слушать, что я никто? Но что мне остаётся?! Ни дома, ни денег, ни семьи... Не имея почти никакого представления о мире, в котором оказалась, я всё же понимала: без этого я действительно никто.

– Хорошо, я приеду, – жёстко выговорил Руслан, выводя меня из задумчивости. – Не знаю... На улице месиво, ты что, мать твою, не видишь? Да...

Закончив разговор, он грязно выругался и опять посмотрел на меня через зеркало.

– Мне нужно уехать, – сказал, хотя зачем, я не знала. Нужно – не нужно... Какая разница, если мои слова, желания, вопросы всё равно ничего не значат?

– Езжай, раз нужно, – отозвалась я даже равнодушнее, чем собиралась.

Заметила, как полыхнуло в его глазах что-то тёмное – словно мрак, что жил в нём, вырвался наружу.

Хотелось в душ. Сейчас это, наверное, было главным мо-

им желанием – смыть с себя соль, запах того горького, жгучего, чем он вначале натирал меня, а потом... Текила. Когда он ушёл, я прочитала, как это называется – Текила. И ещё... я до сих пор была влажной.

Подумав об этом, плотно сдвинула ноги. Как он сделал это? Как сумел заставить чувствовать так горячо, так сильно? Желать того, что я сама до конца не понимала? Как?! Почему именно он? Этот мужчина с окутанной мраком душой, для которого я всего лишь... зверёныш?

– Когда ты вернёшься? – спросила я, стоило нам зайти в дом.

Руслан одарил меня мрачным взглядом. Резкие черты его лица выдавали настроение. Неожиданно мне стало холодно, но совсем не потому, что волосы так и не высохли до конца, не потому, что влажный плед совсем не грел и даже не из-за тех минут, что я провела в страхе среди накрывающих меня волн. Виной тому была темнота его души. Я и сама не поняла, как она пробралась в меня, почувствовала только, как это вызвало озноб.

– Не знаю, – бросил он и, подозревая экономку, отдал несколько коротких распоряжений.

Я ждала, что он скажет мне ещё что-нибудь, но я как будто совсем перестала интересоваться его.

Простояв ещё несколько секунд, я вошла в кухню вслед за Натальей и поставила на стол коробку с пирожными.

– Может быть, попросить приготовить для вас ванную? –

спросила она, не выражая никакой заинтересованности тем, как я выгляжу.

– Не нужно. Я могу приготовить ванную сама.

Честно говоря, я немного забылась. На меня накатило такое опустошение, такая усталость, что я не подумала сперва подняться к себе.

– Вам стоит быть осторожнее во время прогулок на яхте, – всё-таки заметила она. Посмотрела в окно. Дождь потихоньку затихал, сквозь всё ещё чёрные тучи вдалеке пробивались лучи солнца. В горах я видела нечто подобное, но тут... Зачарованная, подошла поближе к окну.

– Ева, – позвала меня Наталья. Обернувшись, я поймала на себе её взгляд, – примите ванную, – проговорила она вежливо, но настойчиво. – Руслан Каримович будет очень недоволен, если вы заболете.

– Конечно, – выпрямив плечи, я пошла к двери. Чувствовала, что экономка смотрит мне вслед, но говорить ей больше ничего не собиралась.

Конечно же, Руслан Каримович будет недоволен, если его игрушка заболит, сломается! Конечно же! Руслан Каримович не будет переживать – он просто будет недоволен. Недоволен, разгневан, раздражён, но не более!..

Взбежав вверх по лестнице, я быстро прошла к себе и тут же в ванную. Сбросила плед на пол и, порывисто обернувшись, посмотрела в зеркало. И тут же улыбнулась.

– Привет, – подошла и коснулась маленького носика.

Мокрый. – Привет, – шепнула, почёсывая малышку за ухом. Она мгновенно отозвалась коротким громким мяу и заурчала так, словно внутри у неё был моторчик.

– Прости, – когда она лизнула мой палец, спохватилась я. – Подожди немножко, ладно? Я сейчас приму душ, а потом... – котёнок потихоньку укусил меня, тронул руку лапкой. – Душ, – убрала я пальцы и, всё-таки встретившись взглядом со своим отражением, скривила губы: – А то Руслан Каримович будет очень недоволен.

Лёжа на постели, я задумчиво поглаживала крохотную, свернувшуюся возле меня кошку. Надо было как-то назвать её, но как, я понятия не имела. Трёхцветная, пушистая, после того, как я помыла её своим шампунем, она сладко пахла ванилью.

– Малышка, – склонилась, дотронувшись до кончика уха. Ушко дёрнулось, но глаз котёнок даже не приоткрыл.

Позавчера вечером, решив немного пройтись по территории, я услышала у ограды тихий писк. Решила посмотреть и... Увидела её. Вжавшаяся меж двух камней, она сидела – крохотная, потерянная. Увидела меня и, казалось, испугалась ещё больше. Совершенно одна. Как ни пыталась я найти её маму, так и не смогла.

Взяв с тумбочки стакан с молоком, сделала пару глотков и поставила обратно. Услышала стук в дверь и уже хотела спрятать кошку, но не успела: дверь отворилась.

– Простите, не помешала? – на пороге появилась Наталья.

– Нет, – я приподнялась, загораживая кошечку собой.

– Хотела предложить вам выпить чаю с пирожными в беседке, – экономка прошла немного вперёд и остановилась. – Дождь закончился. Посмотрите, какое солнце, – она перевела взгляд на окно.

На улице и правда посветлело. Удивительно: тучи как будто расступились. Кое-где они ещё громоздились – набухшие, тяжёлые, но в зазоры проглядывали яркие золотистые лучи.

– Разве там не мокро? – удивилась я. – И холодно... Там же такая буря была.

– Что вы, – снова улыбнулась Наталья, теперь с лёгкой снисходительностью. – Беседка крытая. А по поводу того, что будет холодно, не беспокойтесь. Включим подогрев.

Я всё ещё колебалась. С одной стороны, на улице было так красиво, что не хотелось сидеть в доме, с другой... Я боялась, что вновь может налететь ветер. Только-только согревшаяся, я не хотела оказаться на холоде, да и всё, что случилось утром, отняло у меня слишком много сил.

– Скоро зима, – вновь заговорила Наталья. – Нельзя упускать такое солнце. Да и пирожные... Целая коробка. Вы ещё не пробовали пирожные из нашей «Гавани»?

– Нет, – я тоже улыбнулась. Наталья даже рукой махнула, как будто больше не собиралась ничего слушать.

– Жду Вас внизу, Ева, – только и сказала она, уходя. – Солнце и пирожные из «Гавани»... Тут даже говорить не о

чем.

Не прошло и пятнадцати минут, как мы уже сидели в беседке за домом. Напрасно я боялась, что замёрзну – здесь в самом деле было так тепло, что я забралась на диванчик с ногами и теперь, обхватив чашку, медленно цедила душистый чай с мятой.

Только что я доела корзиночку со сливочным кремом и грецкими орешками, теперь же взялась за другое – украшенное квадратиком белого шоколада.

– Это так вкусно, – не сдержалась я, откусив кусочек и застонала.

Усталость брала своё, глаза слипались. От горячего душа и чая меня совершенно разморило.

– «Гавань» – лучшая кондитерская во всём Грате, – я поставила чашку на стол, и Наталья взяла чайник, чтобы подлить мне ещё. – Она основана более ста лет назад, рецепты многих изделий передаются из поколения в поколение и держатся в строгом секрете.

– М-м-м... – протянула, чувствуя, что у меня слипаются глаза.

Наталья подала мне чашку.

– Нужно, наверное, возвращаться, – вздохнула я, коснувшись лица. – Что-то я так устала.

– Не удивительно, – тут же отозвалась она. – Оказаться за бор...

Голос её на миг исчез, как будто кто-то резко убавил гром-

кость. Чашка качнулась в руках, и я, опомнившись, взяла её крепче. Пытаясь прогнать сонливость, сделала несколько глотков, однако это не помогло. От греха подальше я поставила её, опять потёрла лицо и хотела было встать, но ноги не держали.

– Полежите немного, Ева, – донёсся издали голос экономки. Спокойный, как будто укутывающий. Вот только я знала – так не может быть. И эта усталость, и слипающиеся веки...

– Что вы... – начала было я, снова пытаюсь подняться. Не разобрала собственного голоса – так тихо прозвучали слова. Я и уверена не была, что вообще что-то сказала.

Поняла только, что встать не могу – вместо этого под щекой оказалось что-то твёрдое, ладонь упала на край диванчика.

Облизнув губы, я из последних сил заставила себя приоткрыть глаза. Нельзя... нельзя спать – только это и билось в голове. Не спать...

– Наталья... – выдохнула и тут увидела силуэт. Тень... Тёмную, высокую тень на фоне размытого выхода, а рядом с ней другую – маленькую. И два голоса... два голоса сквозь неотвратимо засасывающую меня темноту. Не такую, что была во взгляде Руса, нет... Самую обычную, тяжёлую, грозящую мне...

– Ты свободна, Наталья, – как будто услышала я. Или... может быть, мне только показалось. Показалось, что... На этом всё кончилось: темнота и чьи-то руки. Не те... совсем

не те.

Глава 18

Руслан

– Что за срочность? – раздражённо спросил я, выйдя на встречу Стэлле. – Это не могло подождать до завтра?

– Не могло, – только и сказала она.

Сам я вернулся буквально несколько часов назад и всё, что успел сделать к этому моменту – дать распоряжение горничной, чтобы та сварила хороший кофе.

Весь день мне пришлось провести в компании брата. Возникшие относительно некоторых документов вопросы требовали немедленного решения. Учитывая, что на пролежавших без дела несколько лет бумаг стояла моя подпись, разобраться в этом я мог куда быстрее брата. Другое дело, что время он выбрал совсем неподходящее.

Впрочем, неподходящим оно было бы в любом случае. И теперь ещё жена Алекса... Что ей потребовалось, я не имел ни малейшего представления, тем более, что заявила она одна.

– Пойдём в кабинет, – не став ничего объяснять, Стэлла расстегнула покрытую каплями воды кожаную куртку.

В её тёмных волосах и на лице тоже блестели капли воды, хотя от её стоящей на дорожке машины до ведущих к дому ступеней были считанные метры.

К вечеру ветер снова нагнал тучи, и те, низкие, голод-

ные, мгновенно проглотили выглянувшее было солнце. Ветер стих, больше не пытаясь сбить с ног, но с неба снова лило так, будто кто-то пальнул в него дробью, превратив в решето.

– Могла бы оставить машину в гараже, – признаться честно, вымокла она или нет, меня не волновало. Одной идиотки хватило сполна.

– Это не важно, – не дожидаясь приглашения, Стэлла прошла вперёд. Остановилась возле двери гостиной и, посмотрев на меня, спросила уже более настойчиво: – Где кабинет, Руслан? – посмотрела в глаза и добавила тихо: – Не хочу, чтобы кто-нибудь услышал наш разговор.

– Что-то личное? – я криво усмехнулся.

Зная Стэllu, ожидал ответа в подобном же тоне, но услышал только тихое, короткое и очень серьёзное:

– Да.

– Так что ты хотела? – не собираясь затягивать, спросил я, когда принёсшая кофе горничная вышла за дверь.

Стэлла же напротив не торопилась. Взяла с подноса чашку и сделала глоток крепкого чёрного кофе. Отошла к окну. Задумчиво посмотрела сквозь пелену дождя.

Я заметил, как она дотронулась до груди ниже ключиц, поставила чашку на стол и потёрла запястье. Наблюдал за ней и снова ловил себя на том, что в каждом её движении есть что-то неуловимо знакомое мне.

– Как Ева? – неожиданно спросила она, повернувшись.

– Это тебе ещё зачем? – раздражение моё начинало уси-

ливаться.

В жене Алекса было нечто такое, что не поддавалось логике. В её поступках, словах, манере держаться. Этакий ящик Пандоры. Только открывать его я не желал – не потому, что опасался, а потому что мне это нахрен было не нужно.

Пропавшая много лет назад дочь видного политика. Много лет её считали погибшей. Никто и подумать не мог, что она когда-нибудь найдётся, а она ничего... живее всех живых.

– Нужно, если спрашиваю, – сделав ещё глоток кофе, Стэлла расстегнула замочек цепочки на шее.

Наблюдая за ней, я присел на край стола. Голодный, откусил половинку песочной корзиночки, что утром выбрала среди разнообразия сладостей моя малышка и отхлебнул кофе. Горький, чёрный...

Больше ничего не говоря, Стэлла подошла ко мне и протянула на ладони...

Чёрт возьми! На ладони её лежал Пегас. Точь-в-точь такой же, как был у девчонки, которую я выкупил в питомнике. У моей жены.

– Откуда он у тебя? – я буквально впился взглядом в лицо Стэллы.

– Это подарок родителей на моё пятилетие, – очень тихо ответила Стэлла. – Ева – моя сестра, Руслан.

Я так и смотрел на неё, прекрасно понимая – это не шутка. Потому что... Да просто потому, что всё в Стэлле говорило

о том, что это не шутка. Напряжение, звук голоса, шорохом скребущий по нервам и, главное, взгляд. Янтарные искорки. Проклятые янтарные искорки, только не в карих, а в болотно-зелёных глазах.

– Ева – моя сестра, – повторила она, как будто я мог не расслышать.

– С чего ты это взяла? – забрав у неё кулон, я глянул на него, хотя необходимости в этом не было. – Решила из-за побрякушки?

Положил Пегаса на поднос рядом с тарелкой. Всё это было слишком невероятным, чтобы оказаться правдой. Тем более у Белецкого, как я знал, был только один ребёнок. Та самая девочка, которая пропала в возрасте пяти лет, и которая теперь стояла передо мной уже совсем взрослая.

Стэлла тут же забрала его, снова повесила на шею и протянула папку, которую принесла с собой.

– Это ещё что? – в висках начинало шуметь. Скрежет тормозов, запах жжёной резины.

Тряхнув головой, я потёр переносицу, отгоняя картинки прошлого. Не сейчас!

Стиснул зубы и заставил себя глотнуть кофе.

– Результаты теста ДНК, – Стэлла вернулась к окну. Обхватила запястье и замолчала, дожидаясь, пока я прочитаю документы.

– Тест ДНК? – открыл папку, пробежался взглядом по строчкам. Виски сдавливало, и это мешало, ломало строчки.

Да будь оно всё неладно! – Для того, чтобы сделать тест ДНК, тебе нужно было...

– Несколько волос Евы, – кивнула жена Алекса. Кулон её лежал поверх шерстяной водолазки. – Ловкость рук, Руслан... – она отвернулась к окну и стояла теперь в пол-оборота ко мне. – Я взяла их на банкете. Поверь, это было не сложно.

Я перелистнул ещё один лист. Скрип металла всё ещё звучал где-то в сознании, лёгкие рвало запахом мокрого асфальта и листвы.

Потянувшись, Стэлла приоткрыла окно, впустила в кабинет свежесть дождя. Как будто почувствовала, что это то, что мне сейчас нужно.

– Позови мою сестру, – спустя ещё одну минуту попросила она, резко повернувшись. – Я хочу видеть её.

Отложив бумаги на стол, я снял трубку телефона внутренней связи. Простые строки: результаты исследования, степень родства, вероятность совпадения...

– Девчонку ко мне в кабинет, – приказал я, услышав голос одной из горничных. – Прямо сейчас.

Стэлла взяла чашку с недопитым кофе. Оперлась о подоконник.

– Она не девчонка, Руслан, – сказала твёрдо. – Её зовут Ева. Ева. Ева – запомни это.

– Простите, Руслан Каримович, – вошедшая горничная в нерешительности остановилась в дверях. – Но... Евы нигде

нет.

– Что значит нет? – в висках всё ещё ныло, напоминая о недавней вспышке. О дне, разделившим мою жизнь на прошлое, оставшееся позади, и будущее, которого всё ещё так и не случилось. – Что значит нет? – встав, повторил, чётко отделяя каждое слово.

Горничная не тронулась с места. Что-то подсказывало мне, что она предпочла бы оказаться в этот момент за дверью, но выхода у неё не было. В прямом и переносном смысле.

– В комнате её нет, только... – она опять замялась. – Котёнок.

– Какой, нахрен, котёнок?! – вкрадчиво переспросил я. Всё это порядком начинало надоедать. – Какой, нахрен, котёнок! – повысил голос, схватив служанку за плечо. – Где моя жена?

– Я не знаю, – в голосе зазвучали испуганные нотки.

Разжав пальцы, я выпустил девушку.

Стэлла молчала. Всё, что я чувствовал – её пристальный взгляд, направленный мне в спину. На месте Алекса я бы, наверное, давно разделался с ней. Хотя... Вспомнил, как мелькала сегодня в море красная куртка, как после, затащив Еву на палубу, я сам был готов удавить её, а потом совсем другое – потребность сродни животной касаться её...

Но сейчас было не до этого.

– А кто это должен знать?! – рявкнул я. – На улице хлещет,

как из ведра! Куда она могла деться?!

Горничная молчала, ибо сказать ей, судя по всему, было нечего. С того момента, как я распорядился привести Еву, прошло минут десять, не меньше. Дом, конечно, большой, и всё же.

– Если моей жены не будет в кабинете через пять минут, – выговорил я совершенно серьёзно, – вы все завтра же окажетесь на улице. Мне нужна Наталья. Пусть немедленно придёт сюда. И ещё... Что там за кошка?

– Кошка... – служанка как будто не решалась говорить, и это мне не нравилось. – В комнате девушки. Котёнок... – сказав это, она опять замолчала. Но ненадолго, потому что понимала – не уйдёт отсюда, пока я не получу ответы. Только вот на что, я пока ещё сам до конца не понимал.

– Что ещё? – немного более сдержанно спросил я.

Не услышал, почувствовал, как подошла Стэлла, уловил запах её духов. Чёрт подери! Даже в запахе этом чувствовалось что-то отдалённо связывавшее их с моей женой.

– Натальи нигде нет, – наконец сказала горничная. – Ни Евы, Руслан Каримович, ни Натальи. Только... – губы её дрогнули. – Только две чашки в беседке. И всё.

Пару секунд я стоял, пытаюсь сложить в голове услышанное.

Что за ерунда?! И какого хрена моя жена делала в беседке с экономкой, если это действительно так?! Прислуга тут исключительно для того, чтобы прислуживать.

Стэлла напряжённо молчала. В голове у меня как будто что-то рвануло – вспышка по глазам, боль в висках.

– Начальника охраны ко мне! – выдавил я сквозь сдавливающую череп боль и прорычал, нутром чувствуя – медлить нельзя ни секунды: – Быстро! Быстро, мать вашу!

Глава 19

Ева

Что комната, в которой нахожусь, реальна, я поняла не сразу. Сперва подумала, что это только сон: тяжёлый, беспокойный сон, никак не желающий покидать меня, и постаралась выбраться из его липкой хватки. Но всё осталось по-прежнему: стены, отделанные деревянными панелями, пахнущий кожей диван и мужчина... мужчина, стоящий у окна лицом ко мне и не сводящий с меня тяжёлого пронзительного взгляда.

– Ты крепко спала, Ева, – выговорил он, когда я, пошевелившись, застонала.

Голова была тяжёлой, мутной. Что никакой это не сон, я поняла сразу же, стоило услышать его голос. Подобно взгляду, он пронзал насквозь, заставляя поёжиться.

– Борис... – просипела я, приподнимаясь на руках. Сильно хотелось пить, губы пересохли. Поморщившись, я коснулась виска.

Он разглядывал меня, не спеша приближаться. На подоконнике возле него стояла бутылка с водой и пустой стакан. Наполнять его он не спешил, хотя я знала – воду он приготовил для меня.

Он всегда умел выдерживать паузу, умел ждать. День, месяц, год... Годы. Меня он тоже ждал: выбрал для себя и вы-

держивал паузу. Теперь же ожидание его – каждая минута, каждый миг, грозили мне расплатой, и я понимала это.

Поджала ноги, но отвернуться не посмела.

– Да, Ева, – ладонью он опёрся о край подоконника. – Не ждала?

Ждала. С того самого момента, как в одном только лёгком платье выбежала в дождь за ворота пансионата, я ждала этого момента. Ждала каждую секунду, отчаянно надеясь, что встречи этой не случится, и заведомо зная – напрасно. Тем более ясно мне это стало в тот миг, когда я увидела знакомый внедорожник возле дома брата Руслана, когда поняла, что Борис заметил меня и узнал. Говорить ему было ничего не нужно – всего один взгляд, остановившийся на мне, и всё. Всё.

– Ждала, – ответила я и вскинула голову.

Именно сейчас я поняла – не хочу. Не хочу прятаться и поддаваться ему. Ни ему, ни кому-либо ещё.

Спустив с дивана ноги, я встала. Почувствовала, как закружилась голова, накотившую слабость. Экономка напоила меня чем-то сильным...

Подойдя, я не спрашивая взяла бутылку с водой и стакан. Теперь Борис был совсем близко – в каких-то сантиметрах от меня. Как ни пыталась я казаться стойкой, внутри всё колотилось, сворачивалось, натягивалось от осознания того, на что он способен.

Сделав несколько глотков воды, я подняла голову. Он

смотрел на мою руку, на пальцы. Кольцо...

– Зачем ты убил Анну? – тихо спросила я.

Должно быть, сейчас это было совсем неуместно, однако я действительно хотела знать. Нет... даже не так – я хотела услышать это от него.

Смотрела на него – зрелого, достаточно привлекательного и не понимала, зачем? Зачем ему потребовалась я? Почему именно я?!

Сколько лет прошло с того момента, когда он впервые сказал, что я буду принадлежать только ему? Много...

В его густых тёмных волосах блестели серебристые нити. Соль с перцем, кажется, так это называется. Разбитый висок был заклеен пластырем. Вспомнив тёмные пятна крови на своих руках, тепло брызнувших капель, его – обмякшего, повалившегося на меня, собственные голые бёдра, я вздрогнула.

Губы его дрогнули в кривоватой улыбке.

– Не зачем, а почему, – Борис забрал стакан. Со стуком поставил на подоконник и, глядя мне в глаза, с силой сжал правую руку. – Ответ на этот вопрос тебе прекрасно известен, Ева.

Да, ответ мне был известен. Именно Анна помогла мне сбежать. Именно она вывела меня из дома. Она отдала мне свои балетки, потому что в ту ночь всё, что было на мне – белое кружевное платье, которое я надела перед приходом Бориса, и бельё.

– Не я убил Анну, – палец его жёстко, с нажимом прошёл-ся по костяшкам на моей руке, по кольцу. Пальцы вокруг ладони сжались так сильно, что я стиснула зубы. – Это сделала ты.

– Нет, – возразила я твёрдо. – Не я нажала на курок.

– Ты, Ева, – хватка немного ослабла.

Теперь его прикосновения были ласковыми, обманчиво мягкими. Он поглаживал мою кисть, но я понимала – стоит попробовать высвободиться, сделать хотя бы пару шагов от него, он опять сдавит руку до боли.

– Ты. Во всём виновата только ты.

– Нет, – сказала я, как и в первый раз. – Ты хотел, чтобы я была твоей, а я...

– Что ты, чёрт подери?! – глаза его свирепо сверкнули. Напускное спокойствие исчезло. Крепко держа за запястье, Борис рванул меня на себя. – Ты спала с ним?

Я не отвечала. Не любившая ложь, сейчас я понимала – в ней моё спасение. К какому бы итогу оно не привело. Стоит сказать, что между нами с Русланом так ничего и не случилось, Борис возьмёт то, чего так и не взял раньше.

Между нами с Русланом так ничего и не случилось... почти ничего. Только бушующее море, пропитанный солью воздух и моё непонимание самой же себя.

– Он мой муж, Борис, – выговорила я тихо.

– Я ждал тебя столько времени... – сдавленно выговорил он, качнув головой. – Ждал, когда ты...

– А он не стал ждать, – больше не колеблясь. Полуправдивые слова дались мне удивительно легко. Ни неуверенности, ни сомнений.

Стоило это сказать, я вдруг ощутила спокойствие, которое дало мне уверенность. Неожиданно я почувствовала себя совсем другой – куда более взрослой, чем была до этого, куда более опытной, знающей жизнь. Словно бы, глядя в глаза стоящего напротив мужчины, я смотрела в глаза собственной жизни. Такой, какой она была – без прикрас, без иллюзий.

– Зачем ты сбежала, Ева? – он взял меня за подбородок.

– Потому что я хотела другую жизнь, – выговорила я. – Другую. Не такую, какую ты выбрал мне. Свою.

– Разве то, что у тебя есть сейчас, так уж отличается от того, что выбрал для тебя я? – он хмыкнул. Как-то презрительно, с сожалением. – Со мной ты, выходит, быть не хотела, а с ним... С первым встречным...

Я снова промолчала. На этот раз потому, что ответа у меня не было.

Нет, один был:

– Я никогда не воспринимала тебя, как мужчину, Борис, – проговорила я с абсолютной искренностью.

Стоило словам этим слететь с моих губ, глаза его блеснули гневом, никогда не знакомым мне прежде. Черты лица ожесточились, губы сжались в тонкую линию.

На несколько мгновений он сжал мой подбородок так

сильно, что в уголках глаз выступили слёзы. Испуг, охвативший меня, был неподконтрольным, как и вырвавшийся из груди сбивчивый выдох.

Неожиданно он отпустил меня. Отвернулся, отошёл к стоящему у стены креслу и, только остановившись возле него, посмотрел снова.

Напуганная, я дрожала. Схватила за подоконник, пытаюсь прийти в себя.

– Тварь, – только и выговорил он.

Это короткое «тварь» неожиданно наполнило меня сожалением. Даже страх притупился, оставив во рту привкус горечи и моей же собственной крови.

– Ты мог быть мне кем угодно, – я заставила себя держаться. Заставила себя быть сильной. Зверёныш... Руслан говорил мне об этом открыто, Борис же нет. Но в сущности, для него я была таким же зверёнышем. – Ты мог бы быть мне другом, Борис. Мог бы быть наставником или даже отцом. Но не мужем, – покачала головой. – Не мужчиной, с которым бы я хотела быть.

Несколько секунд между нами царило молчание, нарушаемое шумом стучащего по стеклу дождя. Он не сводил с меня взгляда: по-прежнему тяжёлого, гнетущего. Кем он был для меня все эти годы? Ожиданием? Неизбежностью? Призраком, отобравшим мою свободу? Кем?

– Извини, – сказала я совсем тихо и отвернулась. Дотронулась до шеи и застыла – подвески не было.

Провела по ключицам, в напрасной попытке пытаюсь найти Пегаса, по груди, но всё было напрасно. Дождь как будто забарабанил громче – беспризорный, пытался пробраться в дом, к горлу подкатила дурнота.

– Я бы мог дать тебе всё, – услышала я голос Бориса и заставила себя посмотреть на него.

Подойдя к столу, он взял пистолет.

Только сейчас я заметила его – пистолет, лежавший там всё это время.

Так и застыла. Вдоль позвоночника пробежал холодок.

– Я бы мог дать тебе всё, Ева, – повторил Борис и, что-то нажав, опустил руку с пистолетом вниз. – Я, чёрт тебя подери, дал тебе всё, девочка! Ты бы здесь не стояла сейчас, если бы не я.

– Нет, – заставила себя ответить. – Ты дал мне только то, что захотел дать. Но это далеко не всё. Мне нужна была моя собственная жизнь. Моя жизнь, Борис, – сделала акцент на первом слове и уже шёпотом: – Моя, а не той девочки, которую ты решил вырастить и воспитать для себя.

И снова взгляд. Долгий, пристальный, направленный на меня, подобно дулу пистолета, который он так и держал опущенным.

Сердце моё пару раз гулко ударилось в грудной клетке и замедлило ритм.

Молча, Борис пошёл к двери. Я смотрела ему вслед, так и не убирая ладонь с груди. Как будто Пегас всё ещё был там.

Единственное, что было у меня своего – крылатый конь с маленьким сапфиром.

– Я ведь любил тебя... – в дверях Борис всё же остановился. – Любил... – это он сказал уже не мне – в пустоту. – Что бы ты ни думала, Ева, – эти слова были обращены уже ко мне. – Видишь... – приподнял он пистолет, взвесив на ладони. – Хотел поставить тебя на колени и пустить в затылок пулю, но... – он глухо усмехнулся и мотнул головой. – Думаю, мы ещё встретимся, девочка, – в последний раз он посмотрел на меня, а после скрылся в коридоре.

Не прошло и нескольких секунд, как я осталась в доме одна. Привалилась к подоконнику, тяжело оперлась о него и склонила голову. Дурнота стала сильнее, в висках шумело.

Сквозь стук дождя я услышала шум двигателя и, посмотрев сквозь стекло, увидела, как мигнули фары огромного чёрного внедорожника. Прошлое... Почему он так и не выстрелил? Почему? Ведь он действительно хотел сделать это – я не сомневалась. Хотел, но не сделал.

– Извини, – шёпотом повторила я, глядя вслед машине. – Извини... Я никогда не любила тебя, Борис. Никогда не любила...

Сидя на диване с чашкой чая в руках, я слушала, как шумит дождь. Почему не попыталась уйти сразу же, как уехал Борис, до конца не понимала сама. Знала одно – если он захочет найти меня, найдёт, где бы я ни была, куда бы ни сбе-

жала. Так к чему? Да и куда бежать...

Сделала глоток и, невидящим взглядом смотря в окно, коснулась шеи. Должно быть, Борис снял с меня подвеску, пока я спала. Если так он хотел наказать меня, лишить чего-то по-настоящему важного, ему это удалось. Что же...

Вздохнув, я встала и тут же насторожилась. Бросилась к окну. Стекло резанул пробившийся сквозь темноту свет фар. Борис?

Сколько не вглядывалась я в ночную мглу, различить ничего не могла. Лишь струи дождя, отчётливо виднеющиеся в жёлтом отсвете.

Повернулась к двери и сделала несколько шагов.

– Стэлла? – так и остановилась.

Быстрыми шагами в комнату вошла жена Алекса. Увидев меня, она остановилась. Выдохнула и, подойдя ближе, протянула мне что-то.

Цепочка... Цепочка с болтающимся на ней Пегасом.

– Откуда он у тебя? – растерянно спросила я, забрав подвеску и сжав так, как будто это было единственно важным в жизни.

– Ты едешь со мной, – только и сказала она. Посмотрела мне в лицо и, расстегнув кожаную куртку, вытащила из-под ворота...

– Это же... – я разжала ладонь. Посмотрела на маленького крылатого коня, на шею стоящей передо мной Стэллы.

– Подарок родителей на моё пятилетие, – выговорила

Стэлла тихо, сдавленно. – Ты моя сестра, Ева. Моя сестра.

Глава 20

Ева

– Я не понимаю, как такое может быть, – повторила я, должно быть, в третий или четвёртый раз.

Сидела на заднем сиденье внедорожника рядом со Стэллой, вчитывалась в чёткие строки совершенно непонятных мне исследований и не понимала. Как?! Как она может быть моей сестрой?! Что это за нелепая шутка?!

– Что такое ДНК? – спросила я нервно, посмотрев на неё. Дышать мне было трудно, в голосе звучали истеричные нотки. – Что это значит?! – перевела взгляд на ведущего автомобиль Алекса, но тот молчал.

– Это генетическая экспертиза, – пояснила Стэлла.

Отложив бумаги на сиденье, я накрыла лицо ладонями и застонала. Сжала Пегаса и помотала головой.

– Я не верю... – прошептала тихо и вдруг почувствовала прикосновение к бедру.

Открыла глаза и наткнулась на взгляд Стэллы. До сих пор держащаяся достаточно спокойно, уверенно, она показалась мне такой же растерянной, какой была я сама.

– Ева, – выдохнула она и крепко обняла меня. – Я не знаю, как это может быть, – отпустила так же быстро. Взгляд её опять стал твёрдым, но чуть хриловатые нотки, звучащие в голосе, выдавали волнение. – Не знаю, – повторила, сжимая

мою ладонь. – Но обещаю тебе, мы всё выясним.

Каким бы странным не было всё происходящее, вряд ли сейчас от моих истерик кому-то из нас могло стать лучше. Умом я понимала это, хотя разум всё равно отказывался принимать обрушившиеся на меня откровения. Кто я? Откуда?

Немного взяв себя в руки, я кивнула.

Перехватила в зеркале заднего вида взгляд Алекса и внезапно вспомнила нашу первую встречу. В тот день, когда застала их разговаривающими с Русланом в гостиной. Тогда он смотрел на меня точно так же: внимательно, как будто пытался различить каждую черту, каждую деталь в отдельности. А затем сложить картинку целиком и оценить уже её.

– Почему вы так смотрите на меня? – не удержалась я. – Вы и тогда смотрели так же... Помните? Когда дали мне книгу.

– Помню, – отозвался он.

Свет фар выхватывал стоящие по обеим сторонам просёлочной дороги деревья, влажную траву и уже начавшие сбрасывать листья кустарники.

– Почему тогда вы смотрели так? – как ни пыталась я перебороть дрожь, она всё равно упрямо звучала в голосе.

Ладонь Стэллы легла поверх моей, как будто она хотела этим успокоить меня, поддержать.

Вдруг захотелось закричать.

Эта странная девушка – моя сестра? Странная, непонятная, совершенно не похожая на меня. Или...

– Вы похожи, – вдруг сказал Алекс, как будто резанул по этому «или» осколком стекла.

– Не правда, – возразила я. Посмотрела на Стэллу, помотала головой и отодвинулась от неё. – Не правда... – убрала руку, но она снова поймала мои пальцы.

Но чем дольше Стэлла смотрела на меня – молча, просто глядя в глаза, тем яснее мне становилось – правда. Каждый день в собственном отражении я видела те же черты. Неуловимые, другие и в то же время схожие. Словно все эти годы я видела её сквозь стену хлещущего сейчас на улице дождя, словно она всегда жила внутри меня.

– Но как? – повторила я едва слышно, зная, что ответа не получу.

Высвободила руку и, поддавшись порыву, коснулась лица сестры.

– Не знаю, – отозвалась она.

Я провела по её скуле и, тронув короткие волосы, отдернула руку. Сжала в кулак.

– Как вы узнали, что я тут? – наверное, это было первым разумным, о чём я спросила.

Действительно, как? Где находится домик, в который отъез меня Борис, я представления не имела. Всё, что было видно мне из окна – виднеющиеся по ту сторону дождя деревья и клочок мрачного неба, очень скоро проглоченный ночью.

Ничего не сказав, Стэлла достала из кармана куртки ма-

ленькую открытку – светло-серую, с багряными, как будто орошёнными кровью краями.

По коже пробежал холодок, в памяти вспыхнул момент, когда Борис, взяв пистолет, что-то нажал на нём.

– Предохранитель... – я подняла взгляд на Стэllu.

В глазах той отразилось беспокойство, и я пожалела о сказанном.

– Что «предохранитель»? – спросила сестра, но отвечать я не стала – вздохнула и качнула головой, молча попросив её не обращать внимания. Он поставил пистолет на предохранитель, вот, что он сделал тогда.

Внутри открытки было всего несколько слов: адрес и координаты. Больше ничего.

– Я сразу поняла, что ты тут, – тихо выговорила Стэлла и пояснила: – Пегас, – коснулась своей подвески.

Я тронула свою. Отдала ей открытку и, не зная, о чём ещё спросить, замолчала.

Машина уже неслась вперёд по ровной, хорошо асфальтированной дороге, навстречу нам попадались другие. На считанные мгновения свет фар встречался, сталкивался, а после разлетался в разные стороны.

– Что теперь будет?

– Сейчас мы поедem в аэропорт, – ответила Стэлла. Но думала она о другом. О чём именно, я не знала – просто чувствовала.

– Домой? А я?

– И ты, – она тронула мой подбородок. Взгляд её мгновенно вспыхнул гневом. – Что это за ублюдок? – зло спросила она. – Ева...

Мне сразу стало ясно, что говорит она про Бориса. Но отвечать я не хотела. Сама не знала почему, знала одно – не сейчас. Снова поймала на себе взгляд Алекса.

– Ты знала, что у тебя есть сестра? – вместо того, чтобы говорить о себе, спросила я.

– Нет, – Стэлла убрала руку. Допытываться она не стала, и я почувствовала облегчение. Потом. Не сейчас. – Сукин сын... – она сжала руку в кулак. – Гори он в аду... Он не только мою жизнь разрушил, но и твою.

Сперва я подумала, что говорит она о Борисе. Но мелькнувшее в её глазах бессилие было каким-то... Не похожим ни на что, что я видела раньше.

– Если бы я могла достать его с того света... – процедила она, теперь уже обращаясь к мужу. Нет, дело было не в Борисе. Тогда в ком? Я хотела было спросить, но поняла – это тоже не сейчас. Потому что сейчас сознание моё было не готово ни к чему, помимо и так свалившегося на меня.

– Теперь у тебя есть семья, Ева, – Стэлла так и держала меня за руку, как будто это было важно не только для меня, но и для неё самой. – Дом... – он понравится тебе, – голос её тоже дрогнул. – Сейчас мы доедем до аэропорта, а там...

– Мне нужно заехать к Руслану, – перебила я её.

На лице Стэллы отразился гнев, смешанный с раздраже-

нием. Хватка на моей руке стала сильнее. Непонятная мне, далёкая, она всматривалась в моё лицо. Как будто видела куда больше, знала куда больше, чем я хотела открыть ей.

– Зачем? – коротко спросила она. И повторила ещё жёстче: – Зачем тебе к Руслану, Ева? Только не говори мне, что хочешь остаться с ним. Я видела, как он относится к тебе.

– Мне нужно кое-что забрать.

– У тебя будет всё, что тебе нужно, – голос её звучал так же жёстко. – Мы всё купим.

– Мне нужно заехать к Руслану, – не отводя взгляда, так же твёрдо, как и она, выговорила я. На пару секунд в машине воцарилась тишина, а после Стэлла кивнула.

– Хорошо.

– Не всё можно купить, – зачем-то сказала я, и обе мы замолчали.

Не всё можно купить – мысленно повторила я самой себе. Не всё...

– Где ты была? – спросил Руслан, когда я в сопровождении несущего зонт охранника, взбежала по ступеням крыльца.

Не знаю, сколько воды накопилось в висящем над головой небе – тучи заволокли всё до горизонта. Казалось, что они впитали само море, вобрали его в себя и теперь, напуганные, стремились вернуть обратно.

– Разве это имеет значение? – ответила я, всё ещё стоя под зонтом, хотя необходимости в этом не было. Дождь остался позади, сюда, на крыльцо, долетали лишь редкие капли.

– Свободен, – кинул Рус охраннику и осмотрел меня с головы до ног.

На лице его не отразилось ни волнения, ни облегчения – только некое подобие удовлетворения. Как будто он даже не сомневался в том, что я вернусь, как и утром в море, когда вытащил меня из воды. Тогда он будто бы тоже не сомневался, что вернёт меня, что никто не посмеет забрать у него его зверёныша.

– Где ты была? – повторил он тише и размереннее.

– В гостях, – ответила и, не спрашивая, прошла в дом.

Оказавшись в тепле, невольно поёжилась – после стоящей на улице сырости тепло показалось мне особенно уютным. В лёгкие прокрался лёгкий аромат пряностей. Запах дома. Вот только дом этот моим никогда не был.

– Я ухожу, Руслан, – повернулась я к мужчине, которого почти привыкла считать мужем. Почти, потому как моим мужем он не был точно так же, как не был этот дом моим домом. Нет... Этот дом был моим всё же в куда большей степени. А вот Руслан...

– Уходишь? – он чуть заметно сощурился. Сделал ко мне несколько неспешных, ленивых шагов. – И куда ты уходишь, позволь тебя спросить? – каждое слово он цедил сквозь зубы. Каждое слово звучало угрозой – вкрадчивой, колючей.

Но страшно мне не было. Как ни настаивала Стэлла на том, чтобы пойти со мной, я попросила её подождать в машине. Эти минуты наедине с Русланом я должна была про-

вести одна – так я чувствовала. Чувствовала настолько отчётливо, как не чувствовала ничего и никогда до этого.

– Туда, где, я уверена, мне будет лучше, чем с тобой.

Уголок его губ дёрнулся, чернота взгляда скользнула по мне, как и днём, с момента которого не прошло и суток, а казалось – маленькая жизнь.

– У меня есть семья, Руслан, – я не поддаюсь ни его темноте, ни угрозе, что исходила от него. – И тебе об этом известно.

– Твоя семья – я, – процедил он, стиснув мой локоть.

Рванул меня на себя. Не устояв, я впечаталась ему в грудь. Упёрлась ладонью и, не сдержавшись, выплюнула прямо в лицо:

– Нет! Ты мне никто!

– Я – твой муж! – прорычал он, второй рукой собрав свитер на моей груди. Снова прищурился и, склонившись, опалил дыханием губы: – Ты никуда не пойдёшь. Ты – моя жена. Ты носишь мою фамилию.

– Я тебе не жена, – толкнула его, что есть силы и выкрикнула, тяжело дыша: – Не жена! Я твой зверёныш, – уже зло, сквозь зубы. – Только зверёныш нашёл свою стаю, Руслан. На этом всё!

– Всё будет тогда, когда...

– Когда ты скажешь? – я качнула головой. Шагнула прочь от него и снова качнула. – Нет. Может быть, с кем-то другим, но не со мной.

Мне показалось, что в глазах его мелькнуло нечто... такое же тёмное, но иное – голодное, безумное. Черты лица заострились, на шее выступила вена. И опять я не поняла, как он оказался возле меня – всего миг, и его пальцы на моём локте, тепло тела совсем рядом, запах его шампуня, чуть осязаемый – одеколona.

Не знаю, чего он хотел – просто смотрел на меня, удерживая, не давая пошевелиться. Линия его губ презрительно кривилась. Опасность... Я чувствовала её, вот только страха по-прежнему не было. Лишь волнение, которое я затолкала вглубь себя, подавила, не дав ему вырваться.

– Я пришла за своей кошкой, – выговорила я, освободив руку и быстро пошла к лестнице.

Пора было уходить. Потому что волнение, темнота его взгляда... Всё это давило на меня. Рядом с ним я начинала терять уверенность. Как будто он действительно превращал меня в своего зверёныша, хотя это было совсем не так.

– Если ты о той блохастой твари, что притащила в комнату, её там нет, – донеслось мне вслед.

Я так и замерла. Посмотрела на Руслана.

– Где кошка? – спросила гневно.

– Собаки сожрали, – он как будто говорил не о маленьком пушистом котёнке, а о чём-то... совсем неважном. Точно так же... Боже, он и обо мне всегда говорил почти так же.

– Собаки? – сдавленно выдавила. Холод всё-таки пробрался внутрь меня.

– Я приказал вышвырнуть эту тварь из дома, – он подошёл и опёрся ладонью о перила, – но она не успела удрать. Так что...

Чувствуя, как меня колотит, я быстро поднялась на второй этаж. Распахнула дверь и позвала кошечку. Заглянула в уголок, где она любила спать, в ванную...

– Малышка... – в отчаянии прошептала я, чувствуя, как глаза жжёт слезами. – Девочка...

– Я же сказал тебе, – всё это время Руслан молча наблюдал за мной.

Выпрямив спину, я посмотрела ему в глаза. Не знаю, что я чувствовала – до этого момента хоть что-то. Теперь же...

– Всего несколько дней назад я думала... – сдавленно проговорила я, – думала, что благодарна тебе. Нет, Руслан. Я действительно была благодарна тебе. И знаешь... в какой-то момент я даже хотела быть с тобой, а теперь...

– Что же теперь? – стоило мне подойти ближе, он коснулся моего лица.

Я не отшатнулась. Просто посмотрела ему в глаза и проговорила:

– Теперь я понимаю, что ты худшее, что было в моей жизни.

С этими словами я отступила. Отвернулась, собираясь снять кольцо и положить его на столик, но не сделала этого. Камушки сверкнули, напомнив мне о пенящихся волнах. О том, как Руслан держал меня за руку, сидя в машине перед

домом брата. У меня не было ничего своего, кроме висящего на цепочке Пегаса. Теперь ещё это. Крылатый конь и кольцо – напоминание о том, чего не было.

Шмыгнув носом, я взяла с прикроватной тумбочки томик стихов на испанском. Сжала в пальцах и прошла мимо того, кто так и не стал моим мужем вниз по лестнице не моего дома. Есть вещи, которые нельзя купить за деньги. Есть вещи, которые вообще нельзя купить.

Руслан смотрел мне вслед. Я чувствовала это. Смотрел, как я иду по холлу, как открываю дверь.

Остановившись на крыльце перед завесой дождя, я вдохнула наполненный озоном воздух и, порывисто выдохнув, спрятала томик под накинутой мне на плечи Стэллой курткой. Шагнула под воду и быстро пошла к машине, всё так же чувствуя на себе взгляд Руса. Дождь... В этот момент он был моим единственным другом, потому что только в нём я могла спрятать слёзы.

Дорогой читатель! Спасибо за выбор этой книги.

**Продолжение истории про этих героев называется
«Останусь твоей»**

Все мои книги на Литрес: <https://www.litres.ru/alisa-kovalevskaya/>

Подписывайтесь на новинки на моей странице, чтобы ничего не пропустить!